

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА
КЕННАНА
В РОССИИ**

В Ы П У С К

20

Москва 2011

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института Кеннана

Главный редактор:
Леокадия Дробижева

Редакционная коллегия:
Екатерина Алексеева (ответственный секретарь)
Юрий Батурин
Эмиль Паин

Над номером работали: Павел Королев, Галина Левина, Кэтрин Мур

Верстка: Любовь Алексенко

На обложке: фрагмент скульптурной композиции В.И. Мухиной «Требуем мира!». Парк искусств московского объединения «Музеон». Фото Павла Королева

Адрес редакции:
119034, Москва, Хилков переулок, дом 2, строение 5
РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:
123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (495) 927-0275; 695-1139; 695-1168

Электронный адрес:
katya.kennan@gmail.com

ISSN 1998-5800

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

Содержание

К читателю

5

Парадоксы постсоветского развития: к 20-летию образования новых независимых государств

Владимир Петухов

Российские реформы и переосмысление россиянами роли демократических институтов и ценностей

8

Леокадия Дробижева

Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ

22

Алексей Гарань, Максим Яковлев

Двадцатилетие независимой Украины: уроки развития

35

Символические ресурсы формирования новой российской идентичности

Надежда Абалмасова

Опыт сплочения локальных сообществ средствами «символического менеджмента»

45

Сергей Мохов

Городские памятники в восприятии московских студентов

54

Татьяна Тетеревлева, Олег Реут

История в российском сегменте Интернета: репрезентация и достоверность

63

Вызовы культурного разнообразия в глобальном мире

Лилия Низамова

Многокультурное согражданство в России: есть ли альтернатива?

69

Эмиль Паин

Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму

78

Александр Осипов

Игры с понятием «культура» в российских дискурсах этничности

86

<i>Светлана Ганнушкина</i> Опыт взаимодействия осетин и ингушей в Пригородном районе Республики Северная Осетия – Алания	97
--	----

Россия и Америка: к пониманию друг друга

<i>Рустем Чанышев</i> США глазами американского дипломата Джорджа Фроста Кеннана	103
---	-----

Научная жизнь

<i>Екатерина Алексеева</i> Проблемы культурного разнообразия: переосмысление подходов	109
--	-----

<i>Сергей Хомутинкин</i> Двадцать лет после распада СССР: причины, следствия и тенденции	115
---	-----

<i>Ольга Зиновьева</i> Университет и город: общий путь решения проблем современного урбанистического развития	121
---	-----

Календарь событий весны – лета 2011 года	128
--	-----

Вести с Woodrow Wilson Plaza

<i>Евгений Цымбал</i> Между Шекспиром, кино и историей	130
---	-----

Книги

<i>Борис Ланин</i> Смертельные обаяния единственной партии	135
---	-----

Вышли из печати	138
-----------------	-----

<i>Summaries</i>	140
------------------	-----

<i>Приглашаем авторов к сотрудничеству</i>	144
--	-----

К читателю

Уходящий 2011 год богат на круглые даты событий отечественной истории, оказавших огромное влияние на судьбу страны. 150 лет назад в России было отменено крепостное право, 50 лет прошло со дня полета Юрия Гагарина в космос, 70 лет – с начала Великой Отечественной войны. И наконец, 20 лет назад произошел целый ряд событий, кульминацией которых стал крах советского строя, прекращение существования СССР и появление на мировой политической арене Российской Федерации и других новых независимых государств.

В истории человечества события такого масштаба, связанные с радикальным изменением политической системы и возникновением новых государств, всегда являются основополагающими, становятся началом нового летоисчисления в жизни стран. Вспомним хотя бы взятие Бастилии, в память о котором учрежден главный национальный праздник Франции. Эта дата отражает переход к новой истории страны, к республиканскому строю, и тем самым подчеркивает как нынешние ценности гражданской нации, так и ее установку на демократическое будущее.

Совсем иначе обстоят дела в нашей стране. Российское массовое сознание не воспринимает события 1991 года так, как французы День взятия Бастилии. У наших граждан сложное отношение к тому, что случилось с их страной 20 лет назад. Согласно исследованиям Левада-Центра, о распаде СССР до сих пор сожалеют 55% респондентов, а 17%, по данным ВЦИОМ, называют это событие «главным разочарованием XX века». В 1991–1992 годах до 2/3 россиян поддерживали идею «социализм завел нас в тупик» и курс на демократические реформы, а сегодня, по данным Левада-Центра, голоса тех, кто согласен или не согласен с тем, что было бы лучше, если бы все в стране

оставалось таким, как было до начала перестройки, делятся почти поровну.

Острую критику вызывает первый постсоветский этап в развитии России. 59% опрошенных Левада-Центром в 2010 году полагали, что эпоха демократических преобразований 90-х годов принесла России больше плохого, чем хорошего. Но есть и другие мнения. Популярная радиостанция «Эхо Москвы» ведет постоянную передачу «Осторожно, история: лихие 90-е или время надежд», пытаясь, в известном смысле сконструировать в массовом сознании более позитивный образ эпохи Ельцина.

За 20 лет не достигнуто согласие в российском обществе и по поводу других этапов недавней отечественной истории, как советского, так и постсоветского времени.

Политики и рядовые граждане через переосмысление истории выражают свое отношение к современности. Для обществоведов же прошедшее двадцатилетие – ценнейший информационный ресурс, разработка которого дает возможность приблизиться к пониманию фундаментальных процессов, связанных со становлением независимых государств и формированием в них демократических обществ.

Учитывая важность темы, второй номер подряд мы знакомим читателя с оценками некоторых итогов независимого существования России и других постсоветских стран за прошедшие два десятилетия. Многие из этих итогов носят парадоксальный характер. На один из таких парадоксов указывает *Владимир Петухов*, анализируя изменение отношения россиян к демократии за прошедшие 20 лет. Сегодня граждане в целом благожелательно относятся к самой идее демократии и крайне скептически, а иногда и негативно – к большинству ее институтов. Безусловно, это следствие отстранения граждан от

политического участия в жизни страны, произошедшего в 2000-е годы, и низкой эффективности функционирования демократических институтов. И все же, по мнению Петухова, сегодня есть симптомы того, что общество постепенно «просыпается» и рано или поздно востребует для реализации своих интересов демократические институты и процедуры.

По мнению *Леонаиды Дробизевой*, одним из важнейших итогов двадцатилетия является то, что российская идентичность, сплачивающая нацию, стала сегодня преобладающей, потеснив этническую и другие виды идентичности. Вместе с тем автор показывает, что идентичность эта хранит в себе болезненный опыт перемен и негативизм фобий и переживаний. Это касается и этнополитических установок, и уровня гражданского самосознания жителей страны.

Украинские политологи *Алексей Гарань* и *Максим Яковлев* анализируют причины того, почему большинство лозунгов «оранжевой революции» остались нереализованными, и отмечают признаки нарастания авторитаризма в стране. Одно из главных достижений прошедшего периода, по их мнению, состоит в том, что в стране появились основы гражданского общества. Это вкуче с относительно высокой степенью политического плюрализма дает, по мысли авторов, надежду на то, что переход от «постсоциалистической юности к демократической зрелости» в Украине все же состоится.

Второй блок статей посвящен роли исторической памяти и исторического знания как символических ресурсов конструирования национальной и региональной идентичности. *Надежда Абалмасова* анализирует возможности воздействия на территориальную идентичность населения с помощью политической технологии, получившей название «символический менеджмент». С ее помощью элиты рассчитывают сплотить население городов и регионов в целях их модернизации. Однако сами подходы к консолидации терри-

ториальных общностей у элит в разных регионах неодинаковы, а успехи этих начинаний неоднозначны. Неудачи использования символического менеджмента в какой-то мере объясняет статья *Сергея Мохова*. Он показывает на основе проведенного им исследования восприятия городских памятников московскими студентами, что символические ресурсы сложно задействовать в тех случаях, когда население отчуждено от социально-культурной среды. Историческое знание является сегодня одним из важнейших символических ресурсов общества, находящегося в поиске новой коллективной идентичности. В связи с этим *Татьяна Тетеревлева* и *Олег Реут* затрагивают проблему качества и достоверности размещаемых в Интернете исторических материалов, часто служащих для рядового читателя главным источником знаний о прошлом.

В третьем разделе представлены статьи на тему неоднозначных последствий роста культурного разнообразия, порождающего проблемы межкультурного взаимодействия в современном мире. Эта тема в какой-то мере связана с переосмыслением постсоветского периода, отличавшегося высокой степенью конфликтности взаимоотношений представителей разных этнических и конфессиональных групп. Еще большую актуальность придали ей заявления в конце 2010 – начале 2011 года ряда лидеров европейских стран, выступивших с критикой политики мультикультурализма. Авторы же нашего номера не столь категоричны в своих оценках этой концепции.

Так, *Лилия Низамова* продвигает идею «интегративного» или «демократического» мультикультурализма, предусматривающего баланс между сохранением этнокультурной отличительности и гражданским включением, правами индивида и коллективными правами. *Эмиль Паин* также полагает, что можно выделить позитивные разновидности мультикультурализма, обращая внимание на важность формирования общих интересов и общей ответственности за

свою страну у граждан разных национальностей и религий. Он считает, что наиболее перспективным подходом в сфере межкультурного взаимодействия является сравнительно новая концепция – «интеркультурализм». А вот *Александр Осипов* с большим скепсисом относится к ней, равно как и к самому использованию понятия «культура» в концепциях совершенствования межэтнических отношений. Практический опыт налаживания диалога между представителями конфликтующих этнических групп представлен в статье *Светланы Ганнушкиной*.

И наконец, в четвертом разделе *Рустем Чаньшев* знакомит читателя со взглядами выдающегося дипломата и мыслителя Джорджа Кеннана на внутренние проблемы американского общества. Многие из них, такие как взаимоотношения государства и общества,

миграция, культурное расслоение и за-
силье массовой культуры, сегодня чрезвычай-
но актуальны для России, как и
для всего мира. Напомним, что еще в
1951 году Кеннан писал и о неизбежном
конце советского строя, и о неминуемом
распаде СССР, и даже о том, что нельзя
исключать возможности осуществления
этих перемен мирным путем. При этом
он подчеркивал, что система, просущес-
твовавшая столь длительное время, не
может не обладать некоторыми поло-
жительными чертами. «Память о ней
останется частью в исторических анна-
лах, а частью в тех отложениях, которые
всякое великое потрясение, как бы ни
были печальны другие его проявления,
оставляет после себя в человеческой ис-
тории, в форме конструктивных орга-
нических изменений».

Редколлегия

*Владимир Васильевич Петухов,
кандидат философских наук,
руководитель Центра комплексных
социальных исследований Института
социологии РАН*

Российские реформы и переосмысление россиянами роли демократических институтов и ценностей

Двадцать лет трансформации России уже дают некоторое основание считать, что наличие в обществе формальных институтов рынка и демократии еще не означает его «современности», так же как нет жесткой корреляции между появлением указанных институтов и соответствующей социокультурной трансформацией. Несмотря на масштабность произошедших в стране изменений, посткоммунистическая Россия до сих пор характеризуется многими отечественными и зарубежными аналитиками как общество «переходного типа», перспективы дальнейшей эволюции которого представляются весьма неопределенными. Финансово-экономический кризис эту неопределенность только усилил. Для многих, в том числе и для некоторых близких к власти кругов, становится очевидным, что комбинация либеральной экономики и элитарной демократии в качестве долгосрочной стратегии развития страны трудно реализуема и даже опасна. Отсюда запрос на модернизацию политической системы, а также интерес, как общества, так и власти, к «человеческому измерению» демократии, к тому, что принято называть гражданским обществом.

Это чрезвычайно важно, учитывая, что отношение общества, различных его групп и слоев к модернизации далеко не так однозначно, как это кажется

В статье использованы данные всероссийского социологического опроса: «Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров)» (М.: Институт социологии РАН, 2011).

на первый взгляд. Вряд ли кто сегодня станет возражать против необходимости технико-экономической модернизации, повышения производительности и качества произведенной продукции и услуг. Однако многие реальные действия, выходящие за сугубо технократические рамки, могут потребовать от общества и власти значительных усилий и даже жертв. И, соответственно, будут восприниматься многими весьма настороженно, тем более что Россия еще помнит перестройку и реформы 1990-х. Кроме того, представления о путях достижения одной и той же цели у различных элитных и общественных групп совершенно разные. Скажем, одна часть властвующей элиты и экспертного сообщества вообще против каких-либо существенных политических изменений, опасаясь «перестройки 2» (руководство «Единой России»), а другая – «за», но предлагает верхушечные преобразования, означающие фактически возврат к политическим реалиям 1990-х: создание небольшой буржуазно-либеральной партии, смягчение контроля над электронными СМИ, некоторую либерализацию общественной жизни, включая право на митинги, демонстрации и т. п. Этот вариант модернизации был бы на «ура» принят населением в начале «нулевых», но тогда власть под влиянием высоких цен на нефть отказалась от серьезных преобразований, а сегодня общество он уже не устроит. И в силу того, что нет того доверия к власти, и потому, что у современного поколения россиян иные приоритеты. Это прежде всего новое качество жизни и создание возможностей для личностной самореализации. Соответственно, модернизация политической системы должна быть ориентирована на идею общего блага и иметь следующие цели: во-первых, обеспечение подлинной законности и правопорядка, во-вторых, реализацию в полном объеме не только политических, но и социально-эконо-

мических прав граждан и, в-третьих, «разморозку» общественно-политической жизни страны. Возникает, однако, закономерный вопрос: возможно ли, после того, что происходило в стране последние 15–20 лет, раскрепостить энергию россиян, вернуть им доверие к демократии, к ее базовым ценностям и институтам, вовлечь в общественную и политическую жизнь страны?

Дать однозначный ответ на этот вопрос довольно сложно. Ведь еще на излете «ельцинских времен» и в начале «путинского правления» многие исследователи пришли к выводу, согласно которому, «отдрейфовав» от диктатуры, современная Россия «не причалила» и вряд ли в обозримом будущем «причалит» именно к демократии, поскольку она разочаровалась в демократии, а по мнению некоторых аналитиков, никогда в ней и не очаровывалась.

Так, известный «русист» Ричард Пайпс со свойственной ему прямоотой в оценках и суждениях пишет о том, что «антидемократические, антилиберальные шаги администрации Путина не навязываются русскому народу, а пользуются его поддержкой». И эта поддержка связана, по мнению Пайпса, прежде всего с тем, что Путин «восстановил в России традиционную модель управления: автократическое государство, где граждане освобождены от ответственности за политические решения, а для укрепления искусственного единства используются образы воображаемых иностранных врагов»¹. Аналогичных взглядов придерживается значительная часть российской элиты.

Однако далеко не все оценки зарубежных и российских исследователей находят подтверждение в социальной реальности. В частности, не имеет ничего общего с действительностью мнение о полной несовместимости традиций, культуры, менталитета большинства россиян с ценностями демократии. Трудно не согласиться с Лилией Шевцовой, что

¹ Paine P. Берство от свободы: что думают и чего хотят россияне // Foreign Affairs [http://www.inosmi.ru/translation/210029.html].

за попытками доказать уникальность России, ее невосприимчивость к либеральному способу организации общества часто скрывается неспособность не общества к жизнедеятельности в рамках либеральной культуры, а части политического и интеллектуального класса².

Как показывают исследования Института социологии РАН, ни в 90-х годах, ни сейчас российским обществом не подвергалась сомнению необходимость перехода от тоталитарной системы к демократическим формам и принципам правления. Спустя 25 лет после перестройки россияне признают важность и объективную предопределенность демократических преобразований, начатых Михаилом Горбачевым, а также некоторых конкретных действий в этом направлении, осуществленных в 80–90-е годы. Например, реабилитацию жертв сталинских репрессий, снятие запрета на публичную критику высших должностных лиц, расширение гласности и свободы слова, ликвидацию цензуры, демократизацию выборов и т. п.

Еще больше надежд с демократией связывали россияне в начале 90-х годов. На волне революционной эйфории подавляющее большинство из них в переходе к демократии видели надежду на лучшую жизнь. Дискредитированные в общественном мнении коммунистические ценности стали быстро замещаться демократическими. Действительность, однако, очень скоро разошлась с этими во многом идеалистическими представлениями, вызвав у населения разочарование «демократией по-русски». Причем разочаровались даже не столько в самой демократии, сколько в своем политическом выборе, сделанном в начале 90-х годов. Осуществление социально-политического и экономического проекта, на реализацию которого общество предоставило карт-бланш Борису Ельцину, не оправдало ожиданий россиян, в результате негативное отношение к нему было пере-

несено и на демократические процедуры и институты, с помощью которых этот проект воплощался в жизнь.

Очень тонкое в этом плане наблюдение сделал Самюэль Хантингтон. В странах, осуществляющих демократический транзит, разочарование в демократических правителях не означало, по его мнению, конец демократии, а представляло собой первый шаг в процессе консолидации демократического строя и было признаком того, что элиты и общества спускаются с головокружительных эфемерных высот демократизации в грузные и труднопроходимые «низины» демократии. Они начинают понимать разницу между поддержкой демократии и поддержкой правительств, формируемых в результате демократических выборов. Правительства могут оказаться неудачными, и поэтому должны существовать институционализированные способы их замены³. Но именно этого в России пока не произошло. Передача власти от Ельцина к Путину, а затем от Путина к Медведеву, а теперь опять от Медведева к Путину лишь формально напоминает демократическое волеизъявление народа. Поэтому общество довольно равнодушно восприняло откат 2000-х, когда даже те небольшие завоевания демократии, которые были достигнуты ранее, постепенно сворачивались.

В массовом сознании все последние годы происходила внешне мало заметная «селекция» жизненных и ценностных приоритетов, в ходе которой ценности демократии и прав человека стали перемещаться на периферию общественного внимания и воспринимаются уже как ценности второго, третьего ряда, не настолько важные, чтобы бороться за их утверждение всеми доступными, легальными способами. Даже в социально-экономической сфере, где ситуация с правами граждан уже не может быть интерпретирована только в категориях социальной дифференциации. В целом же сформировавшееся у россиян пред-

² См.: Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3. С. 36.

³ См.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. С. 281–283.

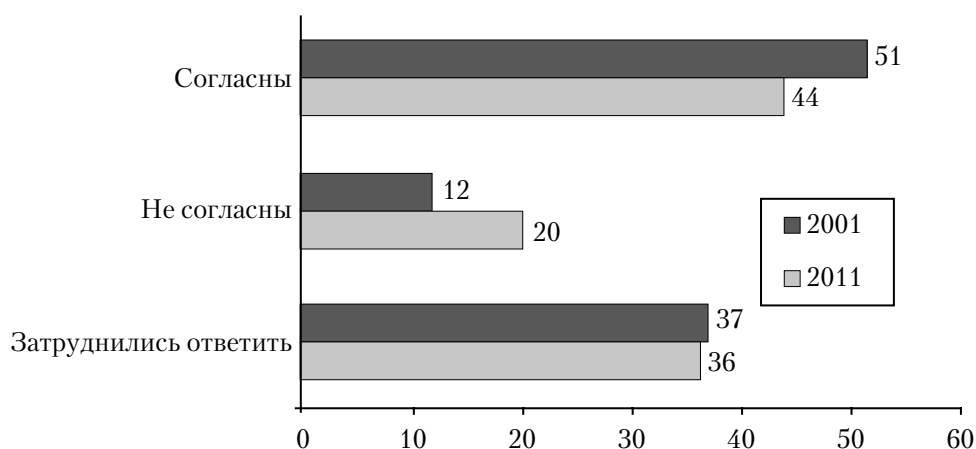

Рисунок 1. Динамика отношения россиян к демократии и демократическим принципам организации общества (согласие / несогласие с суждением «Демократические процедуры очень важны для организации в обществе нормальной жизни. Без них не обойтись»), 2001 и 2011 годы, %

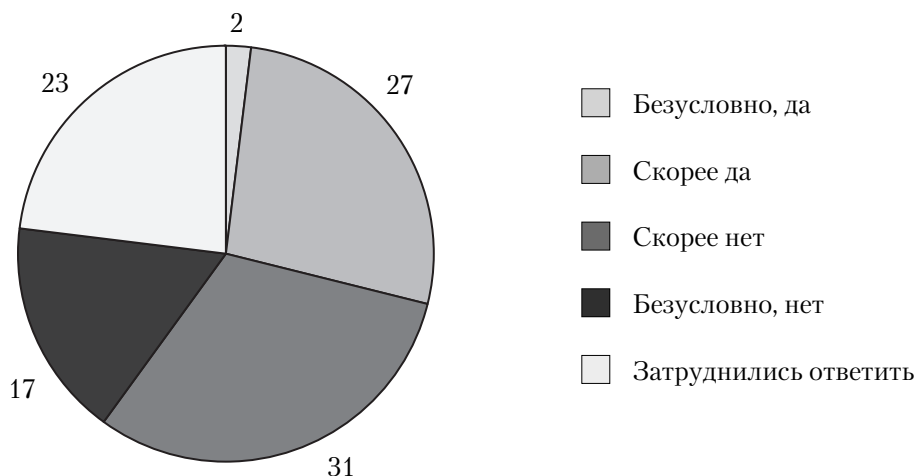

Рисунок 2. Мнение о том, можно ли назвать нынешнюю Россию демократической страной, %

ставление о демократии можно охарактеризовать как «благожелательный скептицизм», т. е. благожелательное отношение к самой идее демократии и крайне скептическое, а иногда и негативное к большинству институтов, которые эту идею призваны претворять в жизнь (выборы, парламентаризм, многопартийность, свобода слова и т. п.).

Так, несмотря на все издержки переходного периода, в сознании большинства россиян укоренилось мнение, что не только «свобода лучше, чем не свобода», но и «демократия лучше, чем не демократия».

Такой точки зрения придерживаются 44% против 20%. Хотя нельзя не видеть и того, что число россиян, убежденных в важности демократических процедур для организации в обществе нормальной жизни, за последние 10 лет сократилось с 51 до 44%, а также сохраняется высокий процент «неопределившихся» (36%) (рис. 1).

Вместе с тем лишь около трети опрошенных (28%) назвали современную Россию демократической страной. Заметно больше тех (48%) кто так не считает, полагая, что наша страна сегодня, так же далека от демократии, как и 20 лет назад (рис. 2).

Рисунок 3. Мнение всех опрошенных, выигравших/проигравших от реформ о том, можно ли современную Россию считать демократической страной, %

Характерно, что ситуацию с демократией совершенно по-разному оценивают респонденты разных материально-имущественных групп: у кого дела идут хорошо, у того и с демократией в России все в порядке, и наоборот. Как видно из ниже приведенных данных, среди выигравших от либеральных реформ практически каждый второй назвал Россию демократической страной, в то время как среди тех, кто остался при «своих», – 34%, а кто проиграл – лишь 19% (рис. 3).

Эти данные подтверждают хорошо известную истину – стабильная демократия не может существовать без такого

уровня экономического развития страны, который обеспечивал бы приемлемый для большинства граждан уровень благосостояния. Как справедливо отмечает Ульрих Бек, «только те люди, которые имеют жилье, надежную работу и, следовательно, материально обеспеченное будущее, являются или могут стать гражданами, способными усвоить демократические правила поведения и наполнить демократию жизнью»⁴.

Было бы, однако, неправильным считать, что в своем отношении к демократии россияне исключительно меркантильны, полагая, что чуть ли не

⁴ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 115.

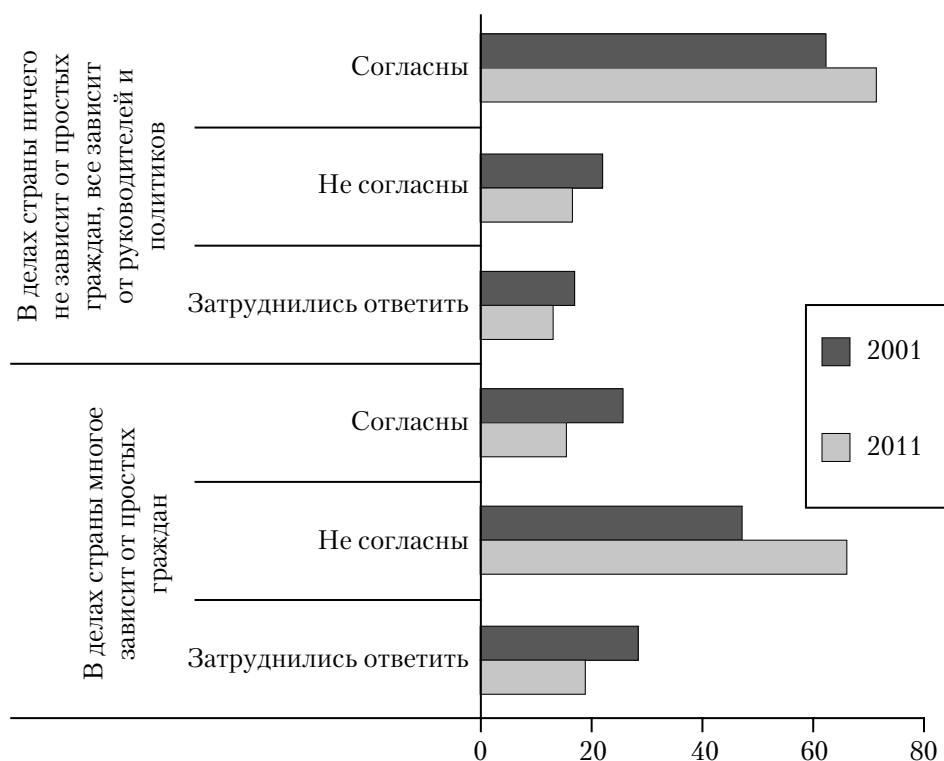

Рисунок 4. Динамика отношения россиян к демократии и принципам организации общества, 2001 и 2011 годы, %

единственным мерилom развитости демократии той или иной страны является «толщина» кошельков ее граждан, а свобода и права человека – вторичны. Просто современная Россия – это классическое «общество риска», где появившиеся возможности для самореализации активных групп населения причудливым образом сочетаются со страхом, несправедливостью, являющимися в каком-то смысле оборотной стороной обретенной свободы, возможности жить в соответствии с собственными представлениями. Отсюда и спайка идей свободы, безопасности и материального достатка в сознании многих россиян в надежде на такой социальный порядок, который бы обеспечивал и то, и другое, и третье.

Что же конкретно не устраивает россиян в отечественной модели демократии? Прежде всего, ее *элитистский характер*. Российский правящий класс и в 90-е годы, и в настоящий период,

концентрируя основное внимание на экономике и укреплении властных институтов, весьма настороженно относился и относится к любым проявлениям «живого творчества масс», стремясь локализовать политическое участие граждан исключительно выборами, манипуляцией которыми нынешняя элита овладела в полной мере. В результате в стране практически не осталось людей, которые были бы согласны с утверждением: в делах страны многое зависит от простых граждан. И, напротив, 3/4 россиян убеждены в обратном – все в нашей стране решают руководители и политики (рис. 4).

С этим же связан и резкий спад политической активности граждан и интереса к политике как таковой. Только за последние 10 лет доля россиян, постоянно интересующихся общественно-политической жизнью страны, сократилась с 26 до 18%; а тех, кто потерял к ней какой-либо интерес, напротив,

Рисунок 5. Степень интереса россиян к политике, политическим событиям, 2001 и 2011 годы, %

увеличилась с 21 до 33%. Большинство же, как и раньше, политикой интересуется факультативно, только тогда, когда в стране или за рубежом происходят какие-то экстраординарные события (рис. 5).

Этот спад нельзя объяснить только лишь олигархизацией власти, сужением пространства публичной политики. На масштабах активности сказалось, например, то, что исчез «госзаказ» на участие. И большинство россиян стало действовать, если так можно выразиться, в соответствии с концепцией «рационального выбора». Если общественно-политическая активность не сулит каких-то прямых материальных или карьерных выгод, не выступает в качестве некоего «социального лифта», то жизненная энергия людей направляется в иные сферы и на другие объекты приложения их усилий. Это, прежде всего, работа, образование, семья, дети, ближний круг, творчество, досуг и т. п. В России появилась частная жизнь, а граждане страны получили свободу выбора между участием и неучастием. Судя по нынешнему уровню политической активности, многие «правом на неучастие» воспользовались в полной мере.

Другая, не менее значимая причина недовольства состоит в *крайне низкой эффективности функционирования большинства демократических инсти-*

тутов. «Демократический романтизм» конца 80-х — начала 90-х, когда главную ценность представляла свобода в различных ее проявлениях, сменился запросом на прикладные аспекты демократии. Россиянам сегодня нужна «демократия на каждый день», т. е. не имитационные, а работающие институты, эффективность которых должна определяется степенью их влияния на политику властей, динамикой уровня и качества жизни, социальной защищенностью граждан, масштабами коррупции, реальным обеспечением не только политических, но и социально-экономических прав и свобод граждан и т. п.

Ничего из вышеперечисленного в реальности нет и не предвидится. Финансово-экономический кризис 2008–2009 годов это еще раз наглядно продемонстрировал. Он обнажил то, что было видно многим и раньше: концентрация власти на ее верхних этажах при очевидной слабости и неэффективности других «несущих» конструкций политической системы, экономических и социальных институтов тормозит развитие общества и государства.

Это начинает вызывать тревогу, в том числе у властвующей элиты. Все чаще президент России говорит о том, что жизненно необходима адекватная новым вызовам времени реконструкция системы власти, расширение реальной

демократии, способной подтягивать толковых, равнодушных людей для решения серьезных проблем модернизации России. Возникает, однако, закономерный вопрос: возможно ли после того, что происходило в стране последние 10–15 лет, раскрепостить энергию россиян, вернуть им доверие к демократии, к ее базовым ценностям и институтам, вновь вовлечь в общественную и политическую жизнь?

Дать однозначный ответ на этот вопрос сегодня невозможно. Все исследования последних лет демонстрировали не только сравнительно низкий уровень политического участия, но и равнодушие многих россиян даже к тем возможностям, которые предоставляет Конституция РФ для борьбы не только за свои политические, но и экономические и социальные права и свободы. Есть, однако, симптомы, свидетельствующие о том, что общество постепенно «просыпается», все новые группы и слои включаются в общественную жизнь. Во всяком случае, уровень востребованности инструментальных ценностей демократии заметно превосходит показатели десятилетней давности. Практически в два раза выросла доля респондентов, уверенных в том, что одним из наиболее эффективных способов воздействия на власть в целях отстаивания своих интересов являются акции прямого действия: выход на улицу, участие в митингах и демонстрациях (рост с 6 до 14%), а также в забастовках (рост с 6 до 13%) (рис. 6).

По-прежнему высоко оценивается потенциал таких демократических институтов, как СМИ, судебная система и общественные объединения, выражающие чаяния различных групп населения. Несколько поблекла значимость в глазах населения института выборов; традиционно низкой остается роль политических партий.

Выборы все чаще начинают восприниматься, особенно молодежью, как формальность, если и нужная, то главным образом для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. Кого и как

при этом выбирают, особого значения не имеет. В обществе есть также много тех, кто в принципе отвергает легитимацию власти через выборные процедуры. Именно неучастие, а не протестное голосование становится в большей степени самым распространенным средством выражения политического недовольства граждан.

Между тем результаты нашего опроса свидетельствуют, что общество заинтересовано в расширении политической конкуренции и наличии более широкого спектра политических партий в Государственной думе, чем это имеет место сейчас. На вопрос «Какие партии, на Ваш взгляд, должны быть представлены в следующей Государственной думе?» довольно большое число респондентов, помимо «Единой России», КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России», также назвали не представленные в нынешней Думе или не имеющие официальной регистрации партии «Яблоко», «Патриоты России», «Партию народной свободы» (26, 19, 17% соответственно).

Однако, когда зашла речь об электоральном выборе, даже расширенное «политическое меню» не вызвало особого энтузиазма у респондентов. Треть опрошенных заявили, что не планируют участие в выборах, а электоральные предпочтения других опять распределились среди партий, представленных ныне в Государственной думе (табл. 1).

Это говорит о том, что россияне не очень верят в возможность обновления российской политической сцены, также как и в честность и справедливость российских выборов. По данным опроса, на старте избирательной кампании более половины наших сограждан (54%) полагали, что выборы в Государственную думу пройдут с серьезными нарушениями.

Победа «Единой России» на парламентских выборах, достигнутая теми же средствами, что и ранее, но в принципиально иной общественной атмосфере, может, по мнению некоторых аналитиков, поставить под вопрос легитимность не только избранного парламента,

Рисунок 6. Оценки эффективности различных способов воздействия на органы власти с целью отстаивания своих интересов, 2001 и 2011 годы, %⁵

но и президентских выборов, что в свою очередь приведет к кризису всей политической системы. Иначе говоря, риски политической дестабилизации сегодня заметно выше, чем в предшествующие годы. Причем главный вопрос предстоящих парламентских выборов – не их результаты как таковые, а то, как эти результаты будут интерпретированы победителями и проигравшими и кому, в конечном счете, поверит большинство россиян.

С учетом отмеченного крайне важным представляется на всех этапах избирательных кампаний возвращение институту выборов его истинного смыс-

ла и значения. Прежде всего в качестве одного из ключевых инструментов воздействия большинства населения на властвующее меньшинство.

В то же время «демократия участия» не может и не должна сводиться лишь к голосованию на выборах. В современном обществе также необходимо *нахождение новых стимулов и форм гражданской самоорганизации*, «перезагрузка» соответствующей инфраструктуры (партийной системы, системы местного самоуправления, социального партнерства, профсоюзов, локальных сообществ и т. д.). Очевидный спад интереса большинства граждан к полити-

⁵ Можно было выбрать до трех ответов.

ке может и должен компенсироваться разнообразными формами общественной самодеятельности. Демократизация гражданского общества должна открывать путь в политику новым субъектам, предлагающим для обсуждения новые проблемы и ценности. Они не могут и не должны заменять собою партии, но способны включить их в широкий общественный контекст, приблизить к интересам широких слоев населения.

Имеются в виду внешне не очень заметные, но, тем не менее, идущие достаточно интенсивно процессы коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации в рамках локальных обществ. Делегируя управленческие и политические функции «наверх», многие

россияне демонстрируют сравнительно высокий уровень включенности в решение тех или иных проблем, с которыми они сталкиваются в своем непосредственном окружении, но в еще большей степени – готовности к этому в будущем. Скажем, отличительной особенностью России является то, что здесь, как нигде, широкое распространение получили движения «одного требования». Речь идет о движении автомобилистов, обманутых пайщиков и дольщиков жилищных пирамид и т. п., которые, с одной стороны, спонтанны, а с другой – очень организованны и эффективны.

Мощно о себе заявило также движение защитников Химкинского леса, других экологических организаций.

Таблица 1
Какие партии, по мнению опрошенных, должны быть представлены в следующей Государственной думе РФ, и за какую из них респонденты готовы проголосовать, %

Партии	Какие партии должны быть представлены в парламенте России?*	За какую партию Вы готовы проголосовать?*
«Единая Россия» (Б. Грызлов)	67	34
КПРФ (Г. Зюганов)	54	14
ЛДПР (В. Жириновский)	55	9
«Справедливая Россия» (С. Миронов)	51	7
«Яблоко» (С. Митрохин)	26	1
«Патриоты России» (Г. Симигин)	19	1
«Партия народной свободы» (В. Рыжков, Б. Немцов, М. Касьянов и др.)	17	1
«Правое дело» (Л. Гозман, А. Чубайс)	8	0
«Другая Россия» (Э. Лимонов)	9	0
Какая-то другая партия	2	1
Не планируют участие в выборах	18	31

* Респонденты могли выбрать любое число ответов.

** Респонденты могли выбрать только один ответ. Затруднившиеся с ответом не указаны.

Появилась целая плеяда молодых общественных деятелей (Евгения Чирикова, Олег Кашин, Алексей Навальный и др.), которые своим примером доказывают, что даже маленькие группы активистов с помощью современных средств коммуникации могут оказывать заметное влияние на общественную жизнь в стране. Причем сегодня мы сталкиваемся с двумя разнонаправленными процессами: снижением интереса к «большой политике» при одновременной политизации значительных сегментов разного рода субкультур, прежде всего молодежных.

Такие формы участия, в отличие от «большой политики», не требуют каких-то существенных затрат (временных, материальных, организационных) и поэтому востребованы прежде всего активной дееспособной частью общества. Они представляют интерес не только потому, что позволяют решать какие-то конкретные социальные и материальные проблемы людей, но, что также немаловажно, стимулируют людей к общению, создают предпосылки для формирования групповой идентичности в рамках локальных обществ с перспективой выхода на более широкие социальные и общественные институты. Да и сама атмосфера в обществе постепенно меняется. Завершение острой фазы экономического кризиса совпало с постепенной сменой общественных ожиданий, связанных с возрастной ротацией элит, выходом в активную жизнь поколений, не испытавших на себе тяжести адаптации к переменам 90-х годов. Группы, на которые власть привыкла опираться в «нулевые», — значительная часть бюджетников, «низовой» бюрократии и т. п. — стали критичнее относиться к действиям властей, прежде всего в Москве. Особенно резко отразилась новая социально-политическая ситуация на настроениях людей минувшим летом в условиях жары, смога, подорожания самых ходовых продуктов питания, бездействия или низкой эффективности действий властей.

Другая, не менее значимая проблема российской демократии, впрочем, как и любого сложно организованного общества, — это *нахождение механизмов перевода частных, групповых интересов на язык общезначимых проблем*. Речь идет прежде всего о способах согласования интересов российского бизнеса с интересами общества. Настоящая, а не формальная демократия, как свидетельствует мировой опыт, предполагает более равномерное распределение богатств и ресурсов, чем это имеет место в современной России, а также контроль за экономической деятельностью со стороны общества, в тех случаях, когда эта деятельность способна нанести вред человеку и окружающей среде.

Ложно и слишком буквально понятый лозунг «священности и неприкосновенности частной собственности» не только привел к череде катастроф с многочисленными человеческими жертвами, но и обусловил абсолютную закрытость и непрозрачность корпоративного сектора и рынка труда. Причем это в равной степени относится и к частному, и к государственному сектору экономики. Не имея серьезного противовеса в лице профсоюзов, «капитаны» крупного российского бизнеса весьма успешно лавируют в рамках тех возможностей, которыми они располагают. «Продвинутые», «широко мыслящие», «либерально ориентированные» руководители крупных компаний — безусловные демократы, когда речь идет о необходимости освобождения своего бизнеса от попыток опеки и вмешательства со стороны властей, но создают откровенно авторитарную систему отношений в своих компаниях. Причем многие из них убеждены, что россияне должны работать больше, получать меньше и не роптать, когда их «выставляют» на улицу. Отсюда нарастающий кризис доверия в трудовых коллективах, как между коллегами по работе, так и в отношении руководства.

Между тем Запад знает массу примеров «соучастия», когда акционерами

крупных компаний являются миллионы граждан, а главное – накоплен огромный опыт правовых, политических форм воздействия на экспансионизм крупного бизнеса посредством легальных демократических институтов, начиная от профсоюзов и заканчивая СМИ и парламентами. У нас пока еще этого нет. Так, большинство россиян (57%) уверены в том, что каждый гражданин имеет право отстаивать свои экономические интересы, в том числе и с помощью забастовок и демонстраций, однако, как показывает практика, крайне редко этим правом пользуются. Это обусловлено отнюдь не только пассивностью многих наших сограждан, но и отсутствием адекватных механизмов, с помощью которых эти права можно реализовать.

Например, одинаково индифферентно к правам трудящихся на забастовку и участию в управлении предприятиями относятся работники государственных и частных предприятий. И это в ситуации, когда практически каждый второй опрошенный признает, что на работе от его мнения практически ничего не зависит.

В условиях предстоящей реструктуризации российской экономики первоочередной задачей становится создание новых профсоюзов, поскольку «старым», судя по исследованиям, наши сограждане, в лучшем случае, готовы делегировать охрану труда на предприятиях, реализацию прав трудящихся на отпуск. Самое же главное, для чего существуют профсоюзы, – борьба за экономические интересы трудящихся – не воспринимается обществом как та область деятельности, где они могут добиться чего-то существенного.

Что же касается негатива, который накопился в отношениях между крупным бизнесом и обществом, то вряд ли его удастся снять очередной попыткой прямого участия бизнеса в политической жизни. Но так же ничего хорошего не сулит его замыкание на корпоратив-

ных, узкогрупповых интересах. Наиболее перспективным, как совершенно справедливо отмечает Сергей Перегудов, представляется переключение внимания крупного бизнеса на задачу приращения человеческого и социального капитала (в том числе в своих собственных компаниях), существенное повышение вложений в развитие образования, науки, здравоохранения, экологии, то есть в те направления, которые составляют квинтэссенцию современной социальной активности корпораций в рамках доктрины социальной ответственности бизнеса⁶.

Наконец, демократия участия предполагает также *широкое перманентное обсуждение всех более или менее важных для общества проблем*. Профессиональной политикой сегодня занимаются единицы, но дискутировать, чувствуя при этом приобщенность к делам страны, своего города, поселка и т. п., могут и должны многие. Некоторые эксперты даже считают, что коммуникативный аспект демократии в XXI веке будет более важен, чем институциональный. На этом фоне чрезвычайное значение имеет политика государства в отношении средств массовой информации.

В России все последние годы происходило «свертывание» общего пространства публичной политики, дискуссий о насущных проблемах и перспективах жизни страны. Как следствие – площадкой для дискуссий все чаще становятся не традиционные медиа, а Интернет, социальные сети. Многие специалисты относятся к новым интернет-технологиям довольно скептически и даже настороженно, усматривая в них своеобразное проявление «нового деспотизма», т. е. изоцированно-рафинированных форм отчуждения от власти, манипулирования общественным мнением и имитационных форм участия⁷.

Однако нельзя не видеть и того, что именно Интернет уже давно стал парал-

⁶ Перегудов С. Бизнес и бюрократия в России: динамика взаимодействия. Россия реформирующаяся. Ежегодник ИС РАН. Вып. 6. М., 2007. С. 226.

⁷ См. подробнее: Красин Ю. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 142–149.

Таблица 2

Мнения россиян о том, какую политику должно проводить государство в отношении средств массовой информации, 1995–2011 годы, %

Суждения	1995	2001	2011
Деятельность этих средств должна быть максимально свободной без каких-либо ограничений	14	13	13
Деятельность этих средств должна быть свободной только при одном ограничении – существующими в обществе нормами морали (запрет на пропаганду секса, насилия и т. п.)	60	58	53
Деятельность этих средств должна быть свободной, но при условии поддержки существующей власти	5	2	6
Деятельность этих средств не должна быть свободной; они должны контролироваться государством	9	11	12
Мне это безразлично	12	16	16

тельной реальностью, в которой есть все то, чего не хватает в жизни: свобода слова, отсутствие «показухи» и пропаганды. Одновременно с этим он дал толчок многим гражданским инициативам, которые уже выходят из виртуального пространства в жизнь, позволил «высветить» реакцию властей на многие проблемы, заставил их прислушаться к общественному мнению. В частности, все возрастающий протест, причем самых разных групп и слоев населения, вызывает деятельность судебной и правоохранительной систем. И власти вынуждены реагировать на сигналы, в том числе идущие из блогосферы, прислушиваться к общественному мнению.

Возникающие формы низовой самоорганизации, в которых современные информационные технологии часто переплетены с молодежной субкультурой, потому так успешны, что компактны, создаются и действуют в логике, альтернативной традиционным политическим институтам, крайне тяжеловесным и неповоротливым. Важно и то, что они формируют новую генерацию молодых общественных деятелей, предлагают обществу темы для обсуждения, выходящие далеко за рамки тривиальных политических баталий, а главное – выдвигают все новые инициативы, кото-

рые приводят к широкомасштабным коллективным действиям. Именно общественность, а не политики настояла на добавлении к перечню классических прав и свобод право жить в незагрязненной окружающей среде и право более справедливого доступа к здравоохранению и образованию.

Однако пока охват, а главное, глубина анализа насущных проблем нашей жизни в Интернете не могут сравняться с телевидением, радио, печатными изданиями. Россияне, судя по результатам настоящего исследования, хотели бы видеть отечественные СМИ свободными. Единственным изъятом из этой свободы 53% опрошенных видят общепринятые моральные ценности, предполагающие запрет на пропаганду порнографии, насилия и т. п. Еще 13% уверены, что даже этих ограничений быть не должно. Сторонниками цензуры (разной степени жесткости) являются лишь 18%. Впрочем, 10 лет назад их было несколько меньше – 13% (табл. 2).

Итак, судя по результатам настоящего исследования, последние 20 лет не прошли для страны даром. Страна изменилась, изменились люди, изменилось и их отношение к демократическим ценностям и институтам. В целом восприятие россиянами основных цен-

ностных слагаемых демократии мало чем отличается от того, что имеет место в странах так называемых развитых демократий.

В то же время неудачи социально-экономических реформ заметно снизили в глазах значительной части россиян привлекательность демократии и обусловили сложное, двойственное отношение россиян к ней. За прошедшие 20 лет она реализовалась лишь в качестве нормативной модели, но не проросла в ткань общественной жизни, не переросла в демократию участия и соучастия.

Между тем опыт посткоммунистической трансформации свидетельствует, что если демократические институты не воспринимаются обществом «инструментально», не востребуются людьми, то они постепенно увядают, превращаются в имитационные муляжи.

Сегодня общество подошло к рубежу, когда люди либо окончательно согласятся с существующим порядком вещей, либо начнут искать пути и способы более активного влияния на окружающую их жизнь. В целом, оставаясь не включенными в «большую» политику, не доверяя большинству государственных и общественных институтов, россияне, тем не менее, как уже отмечалось, демонстрируют интерес и реальную готовность к коллективным действиям и самоорганизации. Начинает «просыпаться» молодежь и средние слои населения. То есть все не так мрачно, и можно с определенной долей уверенности констатировать, что эти группы и слои населения не только включатся в общественную и политическую жизнь, но и востребуют для реализации своих интересов демократические институты и процедуры.

*Леокадия Михайловна Дробизева,
доктор исторических наук,
руководитель Центра исследования
межнациональных отношений
Института социологии РАН*

Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ

Формирование солидарной идентичности граждан во всех странах считается необходимым условием сохранения целостности государства и поддержания согласия в обществе. В статье рассматривается изменение содержания идентичностей в России и толерантность межэтнических установок русских и людей других национальностей за 20 лет реформ. Материалом для рассмотрения служат итоги общероссийских социологических исследований Института социологии РАН, результаты опросов Левада-Центра, Европейского социального исследования (ESS) и исследований под руководством автора в ряде республик Российской Федерации.

Предваряя анализ итогов изучения изменений, произошедших в идентификациях и межэтнических установках российских граждан, остановимся на пояснении ряда используемых терминов, связанных с методологическими подходами к рассматриваемой теме.

Термин «российская идентичность» может иметь разное значение в понимании людей. В силу сложившихся исторических традиций в стране это может быть и государственное, и гражданское самосознание. В США, Франции, скорее всего, это равнозначные понятия, хотя в каких-то случаях они и различаются. В России же представление о гражданском сообществе как политической нации только складывается, и нередко

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Толерантность как фактор противодействия ксенофобии» № 11-36-05007а.

люди, отвечая на вопрос о гражданской идентичности, имеют в виду именно принадлежность к государству.

При формировании государственной идентичности волей лидера, политической элитой через средства образования и СМИ идеи, символы и знаки закрепляются в официальных документах, воздействуют на общественное сознание, конструируя лояльность государству, представления о его истории, законах, нормах.

Намного сложнее с формированием гражданского самосознания, чувства общности с гражданами страны, солидарности вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. В кросскультурных сравнительных исследованиях гражданская идентичность измеряется обычно принятием ответственности за дела в стране ее граждан, готовностью действовать во имя их интересов, доверием к окружающим, участием в политических акциях (выборах и т. п.), чувством солидарности.

Естественно, между государственной и гражданской идентичностью нет непроходимой стены, а самое главное, наши соотечественники не всегда различают эти свои идентичности. Поэтому, когда такого различения мы не фиксируем, используем понятие «*государственно-гражданская идентичность*». Когда же речь идет о гражданской идентичности, там, где есть необходимость, мы уточняем, что это *национально-гражданская идентичность*, которая включает не столько лояльность государству, сколько отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, солидарность, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды, разочарования, пессимизм или энтузиазм). Так же, как и в республиканской, локальной, этнической идентичности, здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и

регулятивные элементы – готовность к действию во имя этих представлений и переживаний.

Государственно-гражданская идентичность редко рассматривается в соотношении с такими групповыми идентичностями, как социальные и даже поколенческие, и намного чаще сравнивается с региональными и этническими, так как имплицитно предполагается, что именно они способны «противостоять», подпитывать сепаратизм территорий. Поэтому именно на соотношение государственно-гражданской идентичности с последними обращается особое внимание.

Этническая идентичность, так же как государственная, нами понимается широко, не только как самоотождествление, но и как представление о своем народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к ним и при определенных условиях готовность действовать во имя этих представлений. В условиях глобализации этническую идентичность чаще интерпретируют как проявление традиционализма, а гражданскую – современности¹.

Элементом когнитивно-эмоциональных компонентов в структуре государственной и гражданской идентичности является система стереотипов – представлений о действительных или воображаемых чертах своей общности (автостереотипы) и дифференцирующих представлений о других группах (гетеростереотипы)². Такие гетеростереотипы существуют и в отношении жителей других стран, и в отношении других этнических групп. Они могут отражать те или иные реальности, но их неправильно оценивать как характеристику народа – и в гражданском, и в этническом понимании. Такие приписывания являются опасным инструментом насаждения заинтересованными лицами

¹ Подробнее см.: Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006.

² Разработка проблемы аналогичных этнических стереотипов как системы в этническом самосознании велась Г.У. Солдатовой. См.: Кирова Г.У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 2.

враждебного отношения между группами. Сами же отношения между ними на социально-психологическом, личностном уровне измеряются установками – готовностью к взаимодействию с другими. В нашем поле исследования – готовностью к взаимодействию с людьми разной этнической принадлежности или гражданами других стран.

В названии статьи используется понятие «толерантность» межэтнических отношений – этим мы подчеркиваем, что анализируем социально-психологический уровень отношений, а не институциональный, политический (анализ на этом уровне требует других источников). Но вместе с тем мы используем понятие «межэтнические», а не «межкультурные» отношения. В поле нашего зрения установки респондентов на общение с людьми разных национальностей, а они определяются не только особенностями культурных традиций, но и интересами – социальными, политическими, экономическими.

В социологии и психологии идею формирования идентичности как результата межэтнических взаимодействий связывают с именами Джорджа Мида и Генри Тэдджфела³. Но совершенно очевидно, что в формировании идентичностей – страновой, гражданской, этнической, локальной – важную роль играет система идей, идеалов, ценностей⁴, господствующих в обществе и формируемых элитами и государством через систему образования, СМИ, символы, образы.

Не случайно на уровне высших государственных органов через послания президента РФ Федеральному собранию, выступления на форумах

транслируется консолидирующее понятие политической нации в значении согражданства, то есть сообщества граждан российского государства. Такая трактовка вкладывается в дискурс через понятия «российская нация», «единый народ России»⁵, «мы – многонациональный народ России» (в значении национальностей – русских, татар, чувашей и др. – Л.Д.)⁶. В таком значении в Послании Президента РФ Федеральному собранию в 2000 году понятие нации и производное определение «национальный» употреблялось 10 раз, а в 2007 году – 18 раз. 10 сентября 2011 года в выступлении на траурном митинге в Ярославле премьер-министр Путин употребляет объединяющее слово «нация» (в значении российского сообщества), которая восстановит славу хоккейной команды⁷.

Обратим внимание читателей на парадокс с идентичностями в условиях глобализации. В мировом научном сообществе и публичном пространстве артикулируется, что государство и этничность в глобальном обществе теряют значение. Знаменитый социолог Зигмунт Бауман на рубеже XX–XXI веков пишет, что в современном мире перетасовываемых ценностей и расплывающихся рамок идентичности представляются чем-то, что может надеваться и сниматься, вроде костюма. Важно, чтобы была свобода выбора⁸. Ученый приводит аргументы в пользу таких констатаций. И в то же время после событий 11 сентября 2001 года президент США Джордж Буш обращается к согражданам – «мы – нация», которая даст отпор террористам. А президент РФ Дмитрий Медведев заявляет

³ Tajfel H. Social Stereotypes and Social Groups // Intergroup Behavior. Oxford, 1981.

⁴ Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things / Selected Papers / Ed. by S. Schlein. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1995.

⁵ Путин В.В. Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 года [http://2002.kremlin.ru/events/42.html].

⁶ Путин В.В. Выступление на встрече с представителями общественности по проблеме Северо-Кавказского региона. 8 ноября 2000 года [http://2002.kremlin.ru/events/95.html].

⁷ [http://premier.gov.ru/events/news/16439/]

⁸ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 186–187.

после событий на Манежной площади: «...наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну»⁹. Существование национальной идентичности во всех современных либеральных демократических государствах является неоспоримым фактом, утверждает Фрэнсис Фукуяма, рассуждая об идентичностях в США и европейских государствах¹⁰.

Отметим также что, при всех общих процессах, которые идут в России, как и в других странах, у нас последние 20 лет были особые условия. Старшее и среднее поколения потеряли ту страну, в которой они жили: изменились пространственные очертания государства, его устройство, система отношений, устои и образ жизни людей, этнический состав населения. Российские граждане не живут в государстве, образ которого для большинства из них 20 лет назад был совершенно иным.

В первые годы новой России немало людей вообще еще чувствовали себя «гражданами СССР». В 1992 году, когда мы проводили опросы в Москве – столице государства, только четверть респондентов идентифицировали себя как россиян. И это было понятно. В отличие от народов союзных республик, которые воспринимали себя советскими людьми, но одновременно ассоциировали себя с республикой – Арменией, Грузией, Азербайджаном и тем более Эстонией, Литвой, Латвией и т. д., жившие в РСФСР редко идентифицировали себя как россиян. Только при Борисе Ельцине, во многом благодаря политическому противостоянию с Михаилом Горбачевым, началось строительство российской нации. Оно

происходило на той же волне, что и в других советских республиках, – на противопоставлении. Россия появилась как государство, которое никто не хотел. Авторы Беловежского проекта думали, что будет СНГ. Даже за океаном беспокоились в связи с появлением самостоятельного государства – Российской Федерации. Не случайно Джордж Буш ездил на Украину для переговоров с Леонидом Кравчуком, опасаясь, что имеющий атомное оружие СССР повторит судьбу Югославии. Болезненность появления Российской Федерации в результате распада СССР сказывалась не только на утверждении российской идентичности, но и на ее характере, содержании представлений о ней, установках россиян по отношению к «другим», что мы покажем на результатах исследований. Естественно, когда разрушалась в сознании людей прежняя государственная идентичность, актуализировалась этническая, региональная, конфессиональная идентичность.

Исследования Института социологии РАН под руководством Владимира Ядова показывали, что по общероссийской выборке в 1990-е годы и в начале 2000-х годов этническая идентичность превалировала у людей. То же фиксировали мы в исследованиях по республикам Северная Осетия (Алания), Татарстан, Тыва, Саха (Якутия). Но и российская идентичность восстанавливалась исторически довольно быстро. В 2002 году она была зафиксирована у 63% населения¹¹. Примерно те же данные были получены в середине 2000-х годов в других исследованиях Института социологии РАН, проведенных совместно с Университетом Северной Каролины (США). 65% идентифициро-

⁹ Медведев Д.А. Выступление на заседании президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия [<http://www.kremlin.ru/transcripts/10312>].

¹⁰ Fukuyama F. Identity, Immigration, and Liberal Democracy // Journal of Democracy. 2006. Vol. 17. No. 2. P. 5–20.

¹¹ Данилова Е.Н. Через призму социальных идентификаций (Сравнительное исследование жителей России и Польши) // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 220–244.

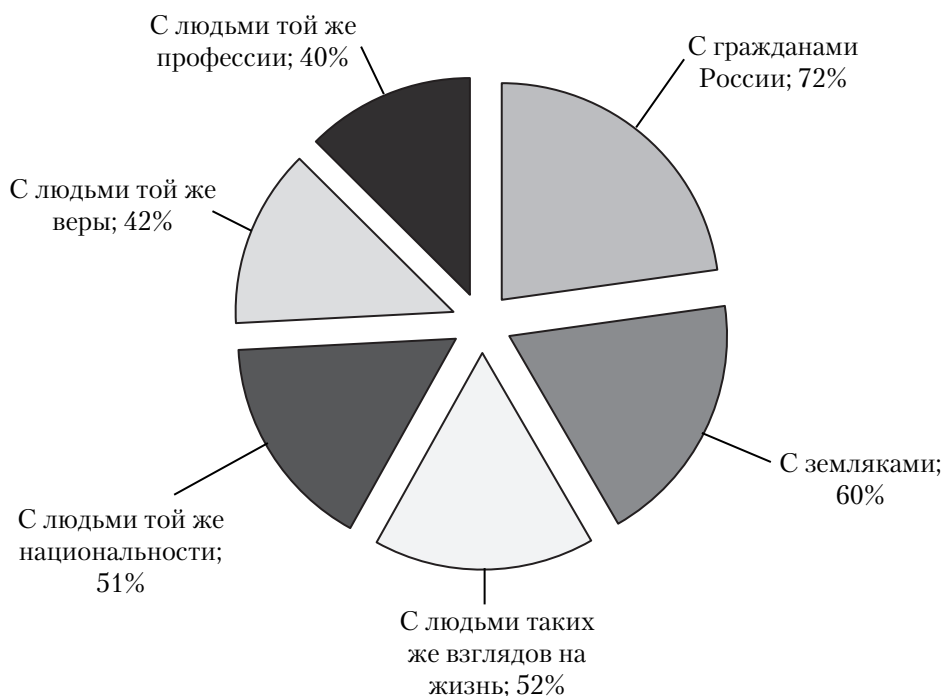

Рисунок 1. С кем люди ощущают связь в значительной степени (Закрытый вопрос, доля выбравших каждую из позиций, %)

вали себя как граждане России в 2006 году¹². С точностью до одного процента повторились данные в исследовании Института сравнительных социальных исследований, который участвовал в ESS¹³ в 2006 году.

И вот теперь, в 2011 году, определяя свою идентичность, 95% опрошенных в стране, по данным исследования Института социологии РАН «20 лет реформ» под руководством Михаила Горшкова, в той или иной степени идентифицировали себя как «граждане России»¹⁴. Конечно, надо иметь в виду, что это данные, полученные по всероссийской выборке, в которой доминирующее большинство составляют русские. По результатам опроса, 72% ощущают

свою общность с гражданами России «в значительной степени». Это наиболее сильная, уверенная идентичность среди других наиболее значимых идентичностей (см. рис. 1).

А ведь еще в 2004 году, согласно опросам, российская идентичность по масштабам и интенсивности очевидно уступала этнической идентичности. Россиянами называли себя 78% опрошенных, сильную связь с гражданами России ощущали 31% респондентов (см. рис. 2).

К 2011 году российская идентичность стала самой распространенной среди наиболее значимых идентичностей, а ощущение связи с гражданами страны – более сильным¹⁵.

¹² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), куда по нашей просьбе были включены вопросы по формулировке Е.Н. Даниловой и В.А. Ядова «мы-идентификаций», в том числе «мы – граждане России». Руководители мониторинга с российской стороны П.М. Козырева, М.С. Косолапов.

¹³ Координатор с российской стороны Е.В. Андреевкова.

¹⁴ Исследование проведено при поддержке Фонда им. Фридриха Эберта, охватывало 58 поселений, было опрошено 1750 респондентов. Раздел по идентичности и межэтническим отношениям выполнялся автором статьи. Там, где нет специальных ссылок, данные приводятся по этому проекту.

¹⁵ В сравнения не включены семейные связи, которые по всем исследованиям бывают самыми сильными.

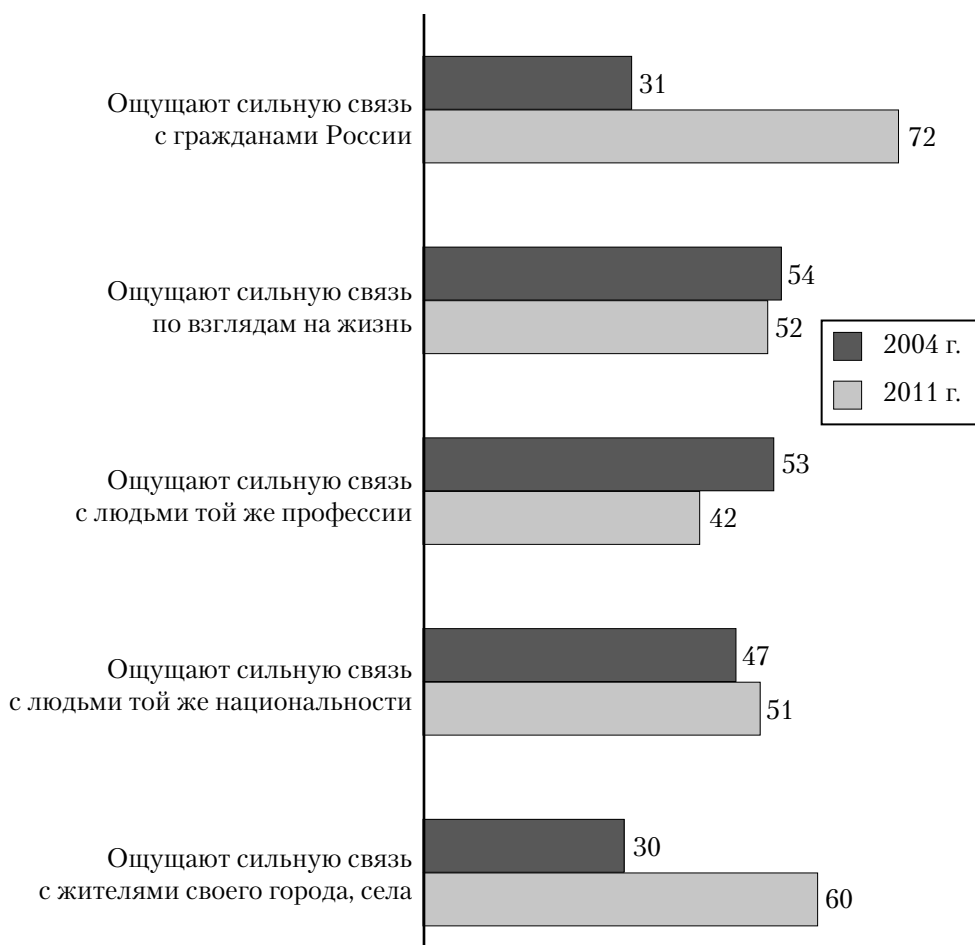

Рисунок 2. Изменение значимости российской и этнической идентичности. С кем и в какой степени респонденты испытывали сильное чувство связи в 2004 году и в 2011 году (в %)

Если в 2004 году идентификация со страной хоть и не столь значительно, но все же очевидно уступала идентификации людей по профессии, взглядам на жизнь и национальности, то в 2011 году *российская идентичность первенствовала*, а ощущение «сильной связи» с гражданами России выросло вдвое. Восстановилась связь времен. Ведь в новой российской идентичности присутствует и досоветский пласт исторической памяти.

По силе связи со страной россияне близки теперь к жителям Великобритании, ФРГ¹⁶.

Наибольшее внимание сосредотачивается на сравнении российской идентичности с этнической, региональной, локальной идентичностью, поскольку в них отражаются процессы интеграции в стране. Идентификация по национальности до самого последнего времени была не просто преобладающей, но и конкурирующей в сравнении с государственной.

В 2000-е годы притупилась боль у тех, кто остро переживал распад Союза, люди стали привыкать к новым очертаниям страны и ее месту в мировом сообществе. На смену сплошной критике

¹⁶ За сравнение взяты данные International Social Survey Programme (ISSP) 2003 года, где связь фиксируется через ответ на вопрос, ощущает ли респондент связь со своей страной «очень сильно», «довольно сильно», «не очень сильно» или «совсем не чувствует связи». Нами объединены два первых ответа. Наши сравнения не корректны с точностью до процента, но схватывают тенденцию.

советского прошлого, а затем «лихих 90-х» постепенно начало приходить понимание необходимости трезвой оценки прошлого и формирования взвешенных подходов к исторической памяти. Давало какие-то результаты использование механизмов нациестроительства – стимулирование чувства достоинства, самооценности граждан. Молодежь откликнулась на призыв «Россия, вперед!», начала проявлять интерес к исторической реконструкции (Невская битва, Бородино и др.), участвовать в военно-спортивных организациях («Десантник», «Военный десантник», «Русские витязи» и др.). Вопрос в том, можно ли «считать борьбой за честь Отчизны кулачную спортивную борьбу»¹⁷, а также в том, как не допустить использования этих молодежных организаций деконструктивными силами. Ведь участники спортивных соревнований, особенно тех, где присутствовали фанатские объединения, легко откликались на националистические призывы. Похоже, интересы конструкторов государственно-гражданской идентичности имели почву среди масс, ощущающих потребность в солидаризации русских.

Почти полное совпадение принятия и государственно-гражданской, и этнической идентичности (95% и 90%) дает основание предположить, что для многих, особенно для тех, кто ощущал «сильную связь» и с людьми своей национальности, и с гражданами России, российская идентификация наполнялась этническим содержанием.

Хотя, как показывали глубинные интервью, содержательно эти идентичности различались. Раскрывая свое понимание российской идентичности, респонденты чаще говорят о государстве, месте России в мире, принадлежности к цивилизационному ряду, истории страны и достижениях в науке, профессиональной культуре. Понятие же этничности раскрывается через происхождение родителей, язык, обычаи, обряды, принадлежность к конфессии.

Тем не менее, когда респондентам задавался уточняющий вопрос «Кем вы себя чувствуете в большей мере?», 25% ответили, что ощущают себя в равной мере и теми и другими, но большая часть (47%) считала себя «скорее россиянами». При этом среди русских называло себя «скорее россиянами» чуть больше, чем среди людей других национальностей (48% против 39%).

Таким образом, и ответы на этот уточняющий вопрос подтвердили установленную тенденцию.

Что же консолидирует россиян? По ранее проведенным исследованиям установлено, что самым значимым фактором для идентификации является государство, он набирает вдвое большее число голосов, чем любое другое значимое представление, объединяющее россиян, – 60–75%. Среди других консолидирующих представлений 20–35% респондентов называют «ответственность за судьбу страны», «человеческие связи», историческое прошлое, родную землю, природу, язык и культуру. Обычаи, черты характера и иное называли до 10% респондентов. Это вполне естественно, ведь речь идет о российской идентичности, которая не случайно часто россиянами воспринимается как государственная, страновая. Именно за счет такого восприятия она так быстро становилась массовой.

Конечно, об этой тенденции мы судим по результатам опросов, которые проходили в субъектах Федерации с доминирующим русским населением. Республики в данном исследовании были представлены Татарстаном. Поэтому дополним эти материалы результатами опросов в регионах.

По данным ESS, россиянами чаще себя идентифицировали на Дальнем Востоке, Северном Кавказе, в Центре, Поволжье, Центрально-Черноземном, Волго-Вятском регионах и на Урале – 74,5–60,7%. На Северо-Западе – 59,7%, в Западной и Восточной Сибири – 51,5–54,3% (в целом по России на 2006 год – 64,3%).

¹⁷ Быков Д. Интернационал. Проект «Гражданин поэт» [http://www.echo.msk.ru/blog/g_p/806953-echo/].

Исследование, осуществленное Межрегиональными институтами общественных наук (МИОНЫ) и Институтом социологии РАН при поддержке ИНО-Центра, зафиксировало государственную-гражданскую идентичность у 90–95% респондентов в Воронежской, Свердловской, Томской областях, 82% – в Новгородской, Саратовской областях, 60–77% – в Калининградской области, Республике Бурятия, Приморском крае. В 2006–2008 годах по той же методике проходили исследования в ряде республик. В Саха (Якутии) идентифицировали себя гражданами России 90% и саха, и русских. В Татарстане татары и русские чаще всего чувствовали себя и россиянами, и татарстанцами (63 и 71% соответственно). На Северном Кавказе в Грозном, по данным Института этнологии и антропологии РАН, с россиянами уверенно себя идентифицировали 25%¹⁸.

На идентификацию себя с гражданами страны, естественно, влияют разные обстоятельства. Человек определяет свою позицию в системе координат, отождествляет себя с той или иной общностью, он свободен в выборе и делает его на основе осознания (в основе – конструктивистский подход по Питеру Бергеру, Томасу Лукману). Но в момент опроса личность в реальной жизненной ситуации отождествляет себя с разными общностями и пространствами, делает выбор. На этот выбор может влиять и этнический состав населения (если прибывают новые иммигранты, то человек чаще может ощущать свою страновую и этническую отличительность), и политическая ситуация (например, значимость действий центра для региона). Так, для якутян важно, как осуществляется северный завоз, без которого на их территории нельзя прожить, как помогает центр во время наводнений и т.д. Имеет значение историческая традиция и недавние события, связанные с национальными движениями, конфликтами. Очевиднее всего это проявляется в се-

веро-кавказских республиках, но влияет и на других территориях РФ.

От конкретных региональных ситуаций зависит и само содержание представлений о российской идентичности, в соответствии с которыми человек ощущает себя россиянином. У одних людей превалирует ассоциированность по принципу государственной принадлежности, у других это больше выполнение гражданского долга, каких-то обязательств перед своими согражданами. В первом случае российская идентичность выступает больше как идентификация с государственной общностью – как национально-государственная, политическая идентичность, во втором – как гражданская идентичность. Между ними нет, как упоминалось, непроходимой стены. Но у нас гражданское общество еще только формируется, а историческая традиция больше акцентирует представления людей в сторону лояльности государству нежели гражданской солидарности. Поэтому даже при сходных показателях идентифицирующих себя с российскими гражданами значение и ассоциирующиеся у людей символы российскости могут различаться. И такие различия проявляются не только у людей в каком-то конкретном регионе, но и в межрегиональном разрезе. Можно допустить, что относительно высокие показатели по Северо-Кавказскому региону, полученные в Европейском социальном исследовании, связаны больше именно с ассоциациями с государством или желанием продемонстрировать лояльность при опросе. Возможно, это реакция на дискриминационные высказывания, звучащие порой в центре, стремление показать – мы такие же граждане России, как и вы.

Каких-то заметных возрастных различий в идентификации себя как россиян и по этническому признаку нет. Немного больше идентифицирующих себя с людьми своей национальности среди самого старшего поколения – 93% против 87% среди молодежи 18–25 лет,

¹⁸ Данные по Саха (Якутии) приведены по результатам исследования сотрудников Института социологии (рук. Л.М. Дробизева, М.Ф. Черныш) и ученых из республики – А.Д. Бравина, Э.Я. Яковлевой. Данные по Татарстану любезно предоставила исследовательская группа Г.А. Исаева.

что, скорее всего, связано с пережитыми им национальными движениями в республиках СССР, расколом Союза и, возможно, реакцией на приток инокультурных мигрантов. Это подтверждается тем, что при альтернативном выборе среди старшего поколения людей, «скорее чувствующих себя россиянами», тоже оказалось чуть больше (53% против 44% среди 18–25-летних).

При таких высоких показателях пространности и российской, и этнической идентичности подтверждается их совместимость и теряет остроту вопрос их конкурентности. Казалось бы, данные свидетельствуют о высокой интегрированности общества и надуманности темы о сепаратизме и разобщенности населения страны. И в чем-то это действительно так. Однако важны основания интегрированности. Исследования Левада-Центра в 90-е годы давали основания говорить о негативной идентичности наших сограждан. Мы знаем о высокой социальной дифференцированности и политической разобщенности. Но очевидно все же есть в обществе ценности и потребности людей, которые становятся цементирующими. Сама страна, где ты родился и жил, Родина, – ценность для большинства людей. Представление о ней обычно эмоционально окрашено и составляет тот компонент идентичности, который именуется патриотизмом (речь идет о нормальном, а не о квасном патриотизме). «Что для Вас значит быть патриотом России?» – спрашивали в ходе опросов респондентов. Во всех поколениях были согласованные ответы: «любить свою страну» – 95–99%, «стремиться улучшить жизнь в стране» – 92–97%, «гордиться своей страной» – 91–97%. Это ответы на вопрос об абстрактных представлениях респондентов. Исследователи Левада-Центра задавали вопрос, относящийся к самому респонденту: «Гордитесь ли Вы тем, что живете в России?» С 1996 года они получали положительные ответы («определенно да», «скорее да») более 70–80% опрошенных. Можно вспомнить, как радовалось большинство россиян, когда страна выиграла

право на проведение зимней Олимпиады в Сочи. 71% респондентов, по опросам проекта «20 лет реформ», отнесли это событие к положительным за истекшее десятилетие. Ведь нередко наши граждане испытывают «чувство стыда за нынешнее состояние своей страны». О таких чувствах за последний год заявило большинство (37% испытывали это чувство часто, и еще 48% – иногда). В такой ситуации и историческая память, и нынешнее состояние сознания подсказывают поиски компенсации. И вот при ответе на вопрос «Какая идея сегодня могла бы вдохновить людей, сплотить их во имя общих целей?» (респондентам предлагалось выбрать из 11 вариантов не более трех ответов) наибольшее число выборов (42%) получила «идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы». Идеи «возвращения к социалистическим идеалам», «объединения славянских народов», «решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством», «правового государства» набирали 13–38% ответов.

Данные опроса не дают основания однозначно толковать стремление россиян к «возрождению великой державы» как агрессивные державнические настроения. Мнение об «особой исторической миссии России» разделяют не более 9% опрошенных. Скорее идея величия – это компенсаторная потребность, и связана она с патриотическими настроениями, которые действительно достаточно представительны. Устойчиво поддерживается мнение «Родина у человека одна, и нехорошо ее покидать», его разделяет половина опрошенных (52%).

Патриотизм этот, конечно, не всегда критичный. С тем, что патриот должен «говорить о стране правду, какой бы она ни была», не согласилась пятая часть опрошенных, треть была согласна с тем, что надо «не говорить, что у твоей страны есть недостатки».

Есть и другой подтвержденный опросом неблагоприятный симптом – солидаризация в немалой мере основана на обидах. 62% респондентов присоединились к мнению: «Люди моей националь-

ности многое потеряли за последние 15–20 лет». Среди русских это мнение разделяют больше, чем среди других национальностей, – 64% против 44% соответственно. Сплачивает обида за выход из СССР народов бывших союзных республик, за национальные движения, в ходе которых русских обвиняли в имперской политике, наконец, за критику пережитого общего прошлого.

Отсюда такая чувствительность к вопросу о том, какое место должно занимать большинство в полиэтническом пространстве страны. С одной стороны, у старшего поколения еще живут прежние представления о нормах в стране, где каждый человек «надежный товарищ и друг», у части среднего и младшего – о гуманных ценностях толерантности, которые декларирует демократия. С другой стороны, у части русских сильна обида за потерю статуса старшего брата.

За 20 лет эти обиды не ушли из сознания людей. Они получили дополнительную подпитку за счет тех чувств, которые переживают и другие народы в Европе, в тех странах, в которых имел место значительный и быстрый приток инокультурного населения. Россия в эти годы стала третьей страной в мире после США и ФРГ по притоку иммигрантов. И происходило это на фоне существенно изменившегося этнического состава населения. В СССР русские составляли 51%, теперь в Российской Федерации их 80%. К тому же мы переживаем последствия чеченского кризиса (на восстановление республики затрачиваются миллиарды рублей, а в ответ проходят митинги под лозунгом «Хватит кормить Кавказ!»). Среди угроз, которые вызывают наибольшие тревоги, опрошенные на втором месте после терроризма (что тоже зачастую имеет кавказский след) назвали «втягивание России в долгосрочный конфликт на Кавказе».

Российская идентичность конструировалась как солидаризирующая, снижающая этнически маркирующую социальную и политическую дифференциацию.

На это надеялась и власть, и активная часть общества, во всяком случае либерально ориентированная или ощущающая опасность дискриминации. И хотя был опыт британской идентичности, который смягчил постколониальную ситуацию, но не спас от североирландского конфликта и лондонских эксцессов лета 2001 года, и опыт французской политической нации, не убергший от волнений в социально неблагополучных кварталах, все же надежды не умирали и энтузиазм разных политических сил в формировании российской политической нации и российской идентичности не спадал.

Социологические исследования, в том числе по проектам «20 лет реформ», «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества»¹⁹, показывали – проблемы межэтнических отношений остаются.

Этнополитические установки даже тех, кто чувствует себя «больше россиянином, чем человеком своей национальности», не отличаются существенно в более лояльную сторону. 68% из них ответили, что испытывают раздражение или неприязнь к представителям каких-то национальностей. Чаще всего в этом случае имеются в виду люди, приехавшие из республик Северного Кавказа и Центральной Азии. 61% одобрили бы метод сталинского прошлого и нынешней Франции периода Николя Саркози – принудительное выселение каких-то национальностей из города или села, в котором они живут.

Таким образом, российская идентичность, отражая формирование политической, гражданской нации в стране, включает, как и в старых демократиях, представления и установки, далеко не всегда соответствующие гражданским идеалам.

В условиях, когда к объективно имеющемуся положению в стране политиками-популистами добавлялась политизация этнического фактора, представления людей о многонацио-

¹⁹ Научно-исследовательский проект РГНФ №11-03-00054а.

нальности как исторической данности нашей страны менялось. «То, что в России живут люди разных национальностей, это скорее преимущество для развития страны или скорее проблема?» – спрашивали респондентов. Однозначно считали это преимуществом 16%. Позиция «и то и другое» была самая распространенная и набрала 41%, а 28% полагают, что это «скорее проблема».

За 20 истекших лет не потерял остроты вопрос о том, является ли Россия общим домом для живущих в ней национальностей. Представление о том, что все народы, населяющие Россию, должны обладать равными правами, остается наиболее распространенным, но с каждым годом становится все менее поддерживаемым. В 1990-е годы это было мнение очевидного большинства (64–65%), в 2001 году – 61%, а в 2011 – 47% респондентов.

Зато доля людей, которые полагают, что «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав», выросла вдвое с 1995 по 2011 год – с 14 до 31%, а вместе с теми, кто считает, что «Россия должна быть государством русских людей», они составляют 45% (25% в 1995 году). Открытую поддержку идее русской исключительности чаще других высказывает молодежь и малообразованные россияне. В столицах же (Москве и Санкт-Петербурге) довольно высок процент «мягких националистов» (40% против 30–32% в других типах поселения), уверенных, что русские, как большинство, отвечающее за дела в стране, должны быть наделены большими правами, чем другие народы.

Казалось бы, в мегаполисах больше образованных, самодостаточных людей, удовлетворенных условиями жизни и работой. Тем не менее конкуренция за престижные места, высокие запросы, которые, естественно, не всегда можно удовлетворить, а главное, быстрый приток инонациональных мигрантов обост-

ряют здесь национальные чувства, претензии и, надо признать, радикальные установки. Эта ситуация фиксировалась опросами Левада-Центра²⁰. Среди сторонников идеи наделения русских большими правами сильнее выражены установки на допустимость насилия «в случае нарушения справедливости в отношении своего народа» и больше готовность к отделению «неблагодарных» народов. В этом случае мнение о праве на выход из состава России диктуется отнюдь не либеральными взглядами. Обратим внимание, больше различий именно между уверенными прорусскими государственниками и уверенными интернационалистами (см. табл. 1).

Все это говорит о том, что самосознание русских актуализировано. 79% разделяет мнение, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности», а 82% отнесли себя к тем, кто «никогда не забывает о своей национальности». Предыдущие исследования 90-х годов даже в республиках, где русские более тесно контактируют с людьми других национальностей, не фиксировали таких высоких показателей потребности в аффилиации. Вместе с тем мнение это скорее солидаризирующее, чем отражающее реальную практику, поскольку одновременно 47% отвечают, что редко задумываются о том, кто они по национальности.

Ставшая массовой, уверенной и достаточно сильной российская идентичность, цементирующая российскую политическую нацию, безусловно, важный итог двадцатилетия, но идентичность эта хранит в себе болезненный опыт перемен и негативизм фобий и переживаний.

Половина респондентов фиксировала, что в их местности бывают столкновения на почве национальной неприязни, и полагала, что за 2000-е годы межнациональные отношения ухудшились. Те же данные были получены в опросах Левада-Центра²¹.

²⁰ Москвичи об акциях 11 и 16 декабря [<http://www.levada.ru/press/2010122901.html>].

²¹ Опрос 17–21 декабря 2010 года фиксировал рост межнациональной напряженности у 51% респондентов [<http://www.levada.ru/press/2010122703.html>].

Таблица 1

Этнополитические установки у людей с разными взглядами на многонациональность России (в %)

Этнополитические установки		С каким из приведенных ниже суждений Вы согласны?		
		Россия должна быть государством русских людей, и русские должны иметь больше прав	Россия – общий дом многих народов, обладающих равными правами	Затрудняюсь ответить
Было бы лучше, если бы народы, которые не хотят мирно жить вместе, имели право выхода из России	полностью согласны	32,2	17,9	19,7
	скорее согласны	38,3	37,5	51,1
	скорее не согласны	19,9	28,3	19,0
	не согласны	9,5	16,3	8,0
	затрудняюсь ответить	0	0,1	2,2
Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры	полностью согласны	22,2	11,7	12,4
	скорее согласны	30,8	24,9	24,8
	скорее не согласны	32,3	40,8	37,2
	не согласны	14,4	22,2	23,4
	затрудняюсь ответить	0,3	0,4	2,2

За 20 лет не изменилась к лучшему готовность к общению с людьми иной национальности. Негативные установки на разные виды контактов колебались в 1994 году в пределах 22–43%, в 2011 году – 29–47%.

Наиболее часто неприязнь на этнической почве опрошенные объясняют тем, что люди иной культуры ведут себя «как хозяева на этой земле» – об этом заявили 63%. Другой аргумент – различия «в поведении людей, их образе жизни» (39%), и только 1/5 респондентов ощущает конкуренцию за престижные рабочие места. Это вполне понятно, так как большинство инокультурных мигрантов берутся за работу, на которую местное население не претендует.

Драматизировать межэтнические отношения не стоит. Об этом говорил Дмитрий Медведев на заседании прези-

диума Госсовета 11 февраля 2011 года. Различными исследовательскими центрами подтверждается – доля предубежденных в отношении основных по массовости видов межэтнического общения в целом колеблется уже несколько лет в пределах 30%. 89% опрошенных полагают, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо», но 44% одновременно считают, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа», и 41% согласились с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа». Причем среди русских такие настроения распространены даже больше, чем среди других национальностей (43% и 34% соответственно).

Это новая ситуация 2000-х годов. В 1990-е годы подобные настроения намного чаще встречались у нерусских.

Эти ответы русских вполне согласуются с актуализацией у них этнонационального самосознания, о чем говорилось выше, и в значительной мере являются реакцией на быстрый приток инокультурных мигрантов. В этом русские не отличаются от граждан других европейских стран, оказавшихся в такой же ситуации. Как известно, во Франции президент Саркози принял решение о выселении цыган. Мы спрашивали наших граждан об их отношении к принудительному выселению людей тех национальностей, вокруг которых сформировался «образа врага». Среди русских тех, кто не одобрил бы принудительное выселение, больше, чем одобряющих – 46% против 39%, а среди других национальностей – 60% против 25%. Но сторонников силовых действий достаточно много и, что особенно тревожно, их больше среди молодежи. Среди тех, кому 18–25 лет, – 46%, 50 лет и старше – 36–37%. В поддержку радикального решения «национальных проблем» высказывается немало представителей социально обездоленных слоев населения. При этом в наибольшей мере такая позиция характерна для жителей столиц (Москвы и Санкт-Петербурга) – 63% (по сравнению с 33–38% среди жителей других типов поселения).

С чем связаны подобные настроения? Сказать, что достаточно большая группа молодежи или жителей Москвы и Санкт-Петербурга – убежденные ксенофобы, нельзя. Ведь 85% 18–25-летних считают недопустимым насилие в межнациональных спорах. Совмещенные негативные межэтнические установки имеют около 15%. А вот ощущение потерь за последние 15–20 лет, то есть практически за всю их недолгую сознательную жизнь, среди них даже больше, чем у людей среднего

возраста. Скорее всего, за таким ощущением кроется недовольство молодежи той практикой нынешней жизни, с которой они сталкиваются, более остро реагируя и на коррумпированность, и на социальную несправедливость.

Надо сказать, что среди испытывающих раздражение и неприязнь к представителям каких-то национальностей, доля людей с ощущением, что они «много потеряли за последние 15–20 лет», – 70%, вдвое больше, чем среди тех, у кого такого ощущения нет. Речь идет не только о потерях в уровне жизни (их ощущают для себя лично 35%), но и об утрате безопасности (35%), росте коррупции в стране (32%) и, что очень важно для каждого человека, утрате уверенности в завтрашнем дне (43%).

Комплекс социальных обид и неудовлетворенности принимает форму ущемления этнических чувств. События на Манежной площади 11 декабря 2010 года это очевидно показали²².

Наш основной вывод состоит в том, что растущая российская идентичность, совмещенная с этнической идентичностью, интегрирует людей, но это не снимает недовольства существующей системой распределения ресурсов, солидаризации против несправедливостей, неравенства, коррупции, беззакония. Символические заявления о «единстве российской нации», толерантности в межэтнических взаимодействиях, любви к Родине не должны расходиться с тем, что люди видят в реальности. Иначе государственная и даже гражданская идентичность от враждебности к «другим» нас не спасет. Нужны усилия общества и власти, направленные на достижение того, чтобы в повседневной практике граждане чувствовали Россию общим домом.

²² Начавшееся по заказу Общественной палаты специальное исследование среди молодежи 15–30 лет подтвердило – 78% считают события на Манежной площади не националистическими выступлениями, а акцией протеста против коррупции. Так полагают и русские, и представители других национальностей.

Двадцатилетие независимой Украины: уроки развития

Развитие государства во многом похоже на развитие человека: можно выделить определенные этапы, оценить зрелость организма и его способность к функционированию. Правда, в отличие от человека, государство необязательно приходит к концу своего существования. В случае двадцатилетней Украины мы имеем действительно молодую страну, которая скорее развивается, чем стремится к упадку. Более того, она уже успела кое-чему научиться.

При анализе судьбы постсоветских государств нам может быть особенно интересен путь от диктаторских режимов послевоенного периода к демократическим режимам, к примеру в Испании, Португалии, Греции¹. Можно предположить, что шансов успешно демократизироваться и стать членом ЕС у Испании после диктатуры Франко было больше, чем у Беларуси после распада СССР. В свою очередь, шансы Беларуси и Украины на том же этапе оценивались как предположительно равные², но, как мы знаем, исторические траектории развития двух государств-соседей повернули в разных направлениях. В данной статье мы попробуем сформулировать основные уроки 20-летия независимой Украины. А перед этим рассмотрим одно из ключевых событий ее недавней истории – «оранжевую революцию» и последовавшую за ней попытку возвращения к авторитарным методам.

¹ См., напр., сравнительный анализ демократических преобразований под влиянием ЕС в Испании и в Словакии: *Kneuer M. Demokratisierung durch die EU – Süd- und Ostmitteleuropa im Vergleich.* – VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006.

² *Leppert M. Akzeptiertes Diktatur? Lukašenos Herrschaft über Weißrussland.* Marburg: Tectum Verlag, 2008. S. 15–17.

Алексей Васильевич Гарань,
доктор исторических наук, профессор
кафедры политологии Национального
университета «Киево-Могилянская
академия» (Украина), Former Kennan
Institute Regional Exchange Scholar

Максим Владимирович Яковлев,
кандидат политических наук, доцент
кафедры политологии Национального
университета «Киево-Могилянская
академия» (Украина)

Уроки «оранжевой революции»

По сравнению с Россией и большинством постсоветских государств политическая система Украины как в 1991 году, так и сегодня характеризуется относительно высокой степенью плюрализма. Это расширяет для Украины возможности дальнейшего демократического развития. В этих условиях растущий авторитаризм режима Леонида Кучмы в начале 2000-х годов не только вызывал недовольство формирующегося малого и среднего бизнеса, гражданского общества, но и способствовал нарастанию противоречий внутри правящей элиты и формированию контрэлиты.

Кучме так и не удалось повторить в Украине российский сценарий передачи власти назначенному «преемнику». И это несмотря на откровенное давление со стороны власти, многочисленные манипуляции и открытое вмешательство Москвы в избирательный процесс. Независимые экзит-поллы показали победу на выборах Виктора Ющенко с разрывом почти в 8%, однако результаты выборов были фальсифицированы в пользу Виктора Януковича, что и вызвало мирные массовые протесты по всей Украине – «оранжевую революцию». Поскольку из-за многочисленных нарушений было невозможно установить победителя выборов, Верховный суд Украины принял решение о проведении заново второго тура. При этом политические силы в парламенте достигли компромисса путем спешного внесения в Конституцию изменений, ограничивающих полномочия будущего президента с 2006 года, что, в конечном итоге, уменьшило страх перед победой Ющенко среди сторонников Януковича.

Хотя международное осуждение фальсификаций и требования, чтобы Кучма отказался от применения силы, имели важное значение, «оранжевая революция», вопреки «теориям заговоров», была вызвана прежде всего внутренними факторами и возможностями украинского общества.

«Оранжевая революция» принесла стране и ее гражданам политические свободы и свободные выборы. Но она оказалась незавершенной, а большинство ее лозунгов – нереализованными. Это прежде всего касалось борьбы с коррупцией, реформы судебной системы, верховенства закона и т. д.

Почему же «оранжевая революция», вызвавшая энтузиазм сторонников демократии во всем мире (от постсоветского пространства до Кении, Ливана и Тайваня), зашла вскоре в тупик? Конечно, большую роль сыграла незрелость украинских элит, включая ту их часть, которая пришла к власти. Слишком сильно она была связана с бывшей комсомольской, а затем и постсоветской, уже олигархической верхушкой. Колоссальную роль сыграл субъективный фактор: слабость самого Ющенко как политика и постоянные распри в команде демократов (последнее, впрочем, оказалось характерным для многих постсоветских стран).

Однако на пути осуществления реформ оказались и институциональные препятствия. Конституционные изменения в декабре 2004 года ослабили роль президента, в результате чего Ющенко имел полномочия, необходимые для проведения реформ, только один год. С 2006 года премьер-министр должен был опираться на парламентское большинство, сформированное по результатам выборов, а президент не мог, как раньше, отправить его в отставку в любое время, без объяснения причин. На самом деле демократические силы уже давно добивались парламентской ответственности правительства, однако реформа была поспешной и непоследовательной, заложив противоречия между полномочиями президента и премьер-министра (независимо от их фамилий).

Вместо очень необходимых, но крайне непопулярных среди населения реформ зарождающаяся демократия и цепочка выборов (парламентские 2006 года, досрочные парламентские 2007 года, президентские 2009–2010 годов) сделали украинскую политику популистской.

Парадокс в том, что «демократы» сами же и стали заложниками электоральной демократии, думая не о реформах, а о приближающихся выборах.

Конечно, многое зависит от действий элиты, оказавшейся у власти. Цели определены, они правильны, но как их достичь? Тут возникает вопрос «тайминга»: когда именно и что нужно делать. Ответ кажется очевидным: целый ряд преобразований нужно проводить на пике популярности. После «оранжевой революции», когда рейтинг Ющенко достигал 70%, можно было распускать парламент и назначать досрочные выборы, в результате которых в начале 2005 года соотношение сил в парламенте стало бы совсем другим. В свою очередь, это предоставляло возможность провести непопулярные реформы. Не надо было бы ждать выборов 2006 года и играть в популизм.

Важно было показать избирателям, что власть действительно будет придерживаться тех обещаний, которые давались в ходе выборов, и будет бороться с коррупцией, в том числе и внутри самой власти. В таком случае избиратели могут простить даже неудачи в социально-экономической политике.

С рейтингом в 70% Ющенко мог проводить и те изменения, которые не были популярны во всех регионах. Если рейтинг власти остается высоким, то избиратели, наверное, прислушаются и к призывам о вступлении в НАТО, и к лозунгам «украинизации», и к вопросам исторической памяти. Когда же при рейтинге президента 3% провозглашается курс на присоединение к НАТО, это и контрпродуктивно, и становится оружием в руках оппозиции.

Еще один характерный пример неудачного «тайминга»: накануне выборов 2006 года начали говорить о проведении административно-территориальной реформы, которая должна была изменить границы районов. Как и следовало ожидать, эти новости перепугали местные элиты, и в конечном итоге административно-территориальная реформа провалилась.

После «оранжевой революции» слишком большой акцент был сделан на пропаганду того, что Украина несет демократию другим странам СНГ, вместо проведения необходимых внутренних реформ. А ведь от демонстрационного эффекта преобразований в Украине, несомненно, выиграли бы все страны постсоветского пространства.

В 2005 году, после «оранжевой революции», Россия не знала, что делать с Украиной, и Киев тогда мог говорить, условно говоря, с «позиции силы» (прежде всего моральной), навязывать свою повестку дня в важных для него вопросах. А вот после того, как украинская власть оказалась разьединенной, бросаться с шашкой на танк стало неэффективно. Значит, к России должен был быть иной подход.

Политические свободы, достигнутые в результате «оранжевой революции», облегчили возможность критики «оранжевых» их противниками, гражданским обществом и СМИ. Хотя на выборах 2006 и 2007 годов «оранжевые» силы совместно получали большинство в парламенте, постоянная борьба между Ющенко и его бывшей союзницей Юлией Тимошенко укрепила позиции Партии регионов. В 2006–2007 годах Янукович даже сформировал правительственную коалицию, на что Ющенко вынужден был дать согласие. Теперь, в отличие от ситуации 2004 года, Партия регионов выглядела легитимным политическим игроком, ведь она получала хорошие результаты в ходе свободных выборов.

«Регионалы» периодически умело формировали тактические альянсы с представителями «оранжевых» (то с «Нашей Украиной», то с Блоком Юлии Тимошенко – БЮТ) и даже вели с ними переговоры о создании так называемой «большой коалиции». Свою роль сыграли последствия мирового экономического кризиса, что давало Партии регионов возможность критики правительства Тимошенко, часто с популистских позиций. К тому же критика премьера Тимошенко еще и со стороны

президента Ющенко, а потом и его призыв не поддерживать во втором туре ни Януковича, ни Тимошенко фактически подыграли лидеру «регионалов».

В результате раскола «оранжевых» Янукович набрал в первом туре президентских выборов 17 января 2010 года 35,3%, а Тимошенко – только 25%. Во втором туре 7 февраля Тимошенко почти удвоила свой результат (к ней присоединились многие, хотя и не все, ее противники, которые все-таки считали ее «меньшим злом»). В результате Янукович победил лишь с небольшим отрывом: 49% против 45,5 % (при явке 69%). При этом Тимошенко вышла вперед в 17 регионах (в том числе в столице), а Янукович – в 10. Это ослабляло легитимность нового президента.

Кроме того, у Партии регионов не было большинства в парламенте. Вот почему аналитики считали, что «регионалам» все-таки придется вступить в коалицию с оппонентами – «Нашей Украиной» – или даже сформировать «широкую коалицию» с БЮТ. Учитывая также разделение полномочий между президентом и правительством после реформы 2004 года, расстановка сил в таком случае была бы более-менее сбалансированной. И наконец, в случае распада коалиции, поддерживавшей премьера Тимошенко, у Януковича оставался вполне конституционный путь: назначить досрочные выборы. Вместе с тем на этих выборах Партии регионов пришлось бы столкнуться с конкуренцией новых сил (в частности, формируемых Сергеем Тигипко и Арсением Яценюком).

Имея такие опции, «регионалы» все-таки предпочли не рисковать и избрали путь нарушения Конституции. В марте 2010 года при поддержке небольших фракций – коммунистов и Блока Литвина (спикера парламента) – Партия регионов внезапно внесла изменения в регламент Верховной рады, которые давали право вступать в парламентскую коалицию отдельным депутатам из других

фракций. Было сформировано правящее большинство из трех фракций, которые вместе насчитывали лишь 219 голосов (при необходимых 226), но к ним присоединилось на индивидуальной основе 16 депутатов из «Нашей Украины» и БЮТ, прежде всего бизнесмены, на которых, судя по всему, оказывалось давление.

Всего лишь полутора годами ранее, 17 сентября 2008 года, Конституционный суд (КС) подтвердил ст. 83 Конституции о том, что коалиция формируется только на основе парламентских фракций. Это было одним из положений конституционной реформы 2004 года. Правда, такой практики в европейских демократиях нет. Внесли это положение потому, что, как показали действия администрации Кучмы, на отдельных депутатов было легко оказывать давление. Следовательно, положение как раз и было направлено на то, чтобы парламент был структурирован по партийным фракциям.

Несмотря на свое предыдущее решение, 6 апреля 2010 года те же члены КС прочитали эту статью диаметрально противоположно. Можно лишь догадываться, какое на них было оказано давление. Начался откат в сторону авторитаризма, который привел к восстановлению осенью 2010 года Конституции в редакции 1996 года, закреплявшей власть президента над правительством, для формирования которого победа на парламентских выборах становилась вовсе необязательной. Ведь теперь исчезло само понятие «парламентская коалиция» и президент мог создавать ситуативное большинство под каждое голосование³.

Восстановлена Конституция 1996 года была также в результате решения КС, который ссылаясь на нарушения процедуры во время проведения конституционной реформы. Технические нарушения действительно имели место, но реагировать надо было до 1 января 2006 года, когда конституционные изменения вступили в силу и стали «телом Конституции». Автоматически восста-

³ Подробнее о «термидоре», последовавшем за «оранжевой революцией», см.: *Гарань А.* Украина: плюрализм «по умолчанию», революция, термидор // *Pro et Contra*. 2011. № 3–4.

навливая прежнюю редакцию Конституции, КС вышел за пределы своих полномочий, поэтому эксперты расценили данное решение как «конституционный переворот». Облегчило его то, что судебная реформа так и не была проведена, а КС превратился в объект борьбы противоположных политических сил еще при «оранжевых», утратив возможность быть независимым арбитром.

В этом состоит еще один урок «оранжевой революции». Нельзя надеяться на добрую волю властей: завоевание свобод должно быть институционализировано в разных сферах общественной жизни.

Несомненно, что и парламентские выборы 2012 года пройдут в условиях нового избирательного закона, благоприятного для Партии регионов, с использованием «административного ресурса». Однако, сконцентрировав в своих руках власть, которую не имел даже Кучма, Янукович сталкивается с той же опасностью: на президенте теперь сконцентрирована и вся критика. В отличие от Кремля, Банковая (администрация президента) не может опираться ни на мессианскую идею «величия», ни на дешевое сырье для создания социальной базы авторитаризма. А неспособность режима обеспечить выполнение своих социально-экономических обещаний объединяет электорат разных регионов страны в растущей критике Банковой. Кроме того, как и при Кучме, внутризэлитные расколы кажутся весьма вероятными (раньше или позже – другой вопрос).

Уроки самостоятельной жизни в целом

Рассмотрев уроки «оранжевой революции» для Украины, попробуем более широко взглянуть на общее развитие молодой страны и те уроки, которые,

на наш взгляд, ей предстоит вынести из своего двадцатилетнего опыта.

Урок первый: научиться договариваться

Украина выгодно отличается от своих соседей по бывшему СССР умением достигать компромиссы в процессе политической борьбы. Распад СССР и обретение независимости для Украины прошли мирно, без кровопролития и внутренних межэтнических конфликтов. Это стало следствием компромисса между национально-демократической оппозицией и «национал-коммунистами» (то есть теми, кто понял необходимость независимости республики)⁴. Украина – первая страна СНГ, в которой на демократических выборах 1994 года сменились и президент, и парламент. Конституция Украины 1996 года была принята в результате компромисса между президентом и парламентом. Не обошлось без угроз и ультиматума президента парламенту, но в отличие от России Верховную раду штурмом никто не брал, Основной Закон был принят парламентом, а не в обход представительной власти на референдуме, как это произошло в России. В конце концов, и сама «оранжевая революция» тоже закончилась компромиссом, а не «бандитами в тюрьмах», как провозглашалось в ее лозунгах.

Одним словом, украинская политическая элита усвоила урок: во избежание затяжных кризисов, а тем более кровопролитных конфликтов следует договариваться со своими оппонентами. Тем более что, по мнению экспертов, консолидация демократии успешна именно тогда, когда элиты достигают консенсуса⁵.

Но и этого недостаточно. Важным является и качество достигнутых договоренностей, политическая ответственность тех или иных сил перед своими

⁴ О таком явлении в Украине, как плюрализм «по умолчанию», см.: *Гарань А.* Указ. соч. С. 62–63; *Way L.* Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave. The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // *World Politics*. 2005. Vol. 57. No. 2.

⁵ *Флікке Г.* Після Помаранчевої революції: перехідні явища і рушійні сили у бік консолідації // По той бік розуміння: Україна та Європа після Помаранчевої революції / За ред. Г. Флікке. К.: Аттіка, 2006. С. 22.

избирателями за компромиссы с идеологическими оппонентами, поскольку в глазах избирателей такие действия могут восприниматься как предательство. Актуальным остается вопрос сочетания интересов партийной фракции и отдельного депутата: своеобразный «политический туризм», кочевание из фракции во фракцию в Верховной раде говорят скорее об индивидуальной выгоде или сильном давлении на политиков, а не о необходимости достижения компромиссов для обеспечения работоспособности законодательного органа страны. Все это указывает на то, что украинским политикам еще предстоит научиться договариваться на новом, более качественном уровне и с большей ответственностью перед своими гражданами.

Урок второй: научиться и ломать, и строить

По сравнению со странами Балтии и своими восточноевропейскими соседями Украина после обретения независимости неохотно расставалась с советским прошлым. Было тяжело ломать традиционные советские управленческие принципы и устранять старую номенклатурную элиту от управления государством, заменяя ее новыми людьми. Украина не провела люстрации. Живучим среди значительной части общества и элиты оказалось советское прочтение и понимание истории страны (что заслуживает более детального рассмотрения в отдельной статье).

Если научиться *ломать*, разрывая с советским прошлым, у страны получилось не очень хорошо, то как обстоит дело со *строить*? Возьмем, к примеру, выдвигавшиеся в 2005 году призывы Партии регионов к федерализации страны: унитарной Украине быть плохо, а вот федеральной – в самый раз. Будет развиваться самоуправление, регионы получат больше возможностей

обеспечивать реализацию прав своих граждан, в том числе в культурном плане. Звучит хорошо, но следует иметь в виду, что в условиях региональной поляризации страны и при отсутствии административно-территориальной реформы, при слабом финансировании местного самоуправления федерализация может привести не к развитию самоуправления, а скорее к «феодализации» Украины на региональном уровне.

В действительности нужно не преобразование страны из унитарной в федеративную, а реальное развитие местного самоуправления, о чем говорят все политические силы и о чем забывают, придя к власти. По состоянию на сегодня областные и районные рады (советы) даже не имеют собственных исполнительных органов – их функции исполняют госадминистрации, назначаемые из центра. Таким образом, построить эффективную систему местного управления в Украине пока не получилось.

Для определения *уже* не авторитарных, но *еще* и не вполне демократических режимов в научной литературе имеется целый ряд терминов. В зависимости от особенностей такого режима его именуют «дефектной», «фасадной» демократией, «псевдодемократией»⁶. Не стоит забывать и про «суверенные» и «управляемые» демократии как своеобразные самоназвания для не вполне демократических управленческих проектов. Возникает вопрос: зачем вообще называть такие «гибридные режимы» (еще один научный термин⁷) демократиями? Однако такая ситуация обычна в современном мире: некие элементы или институты демократии имеются, но вот функционируют они неполноценно, а то и вовсе существуют лишь для фасада. Вроде и парламент как представительский орган имеется, да только функции его – призывать вождя пожизненно править и утверждать спускаемые им указы. Выборы как народное волеизъ-

⁶ Merkel W. Embedded and Defective Democracies // Democratization. 2004. Vol. 11. No. 5. P. 33–58.

⁷ Diamond L. Thinking about Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. No. 2. P. 21–35.

явление тоже имеются, но вот реальной конкуренции и обновления власти они не обеспечивают. Одним словом, получаем сплошь и рядом дефекты и фасадность в неких постсоветских «псевдодемократиях».

Как именно определить украинскую демократию двадцатилетней выдержки – вопрос сложный. На самом деле, дефектная она или гибридная – не столь важно, ведь проблемы в функционировании ее институтов очевидны и простым гражданам, и ученым-обществоведам. Вместе с тем и первые, и вторые согласятся с тем, что содержание этих институтов изменяется, причем зачастую разновекторно или зигзагообразно. Рассмотрим два примера: Конституционный суд Украины и институт выборов.

Кучме так и не удалось имплементировать результаты референдума 2000 года, наделявшие его авторитарными полномочиями. Конституционный суд признал два из шести вопросов референдума неконституционными. Таких действий от КС России периода Ельцина и Путина трудно представить. К тому же украинский КС постановил, что результаты референдума должны воплощаться исходя из конституционной процедуры, то есть с одобрения двух третей парламентариев. Что произошло после прихода к власти Януковича, мы уже знаем. Конституционный суд дискредитировал себя на политической и правовой арене государства. Таким образом, Конституционный суд в стране имеется, но за период своего существования своими же действиями он преобразовался в очередной фасадный атрибут псевдодемократического или, возможно, недоавторитарного режима, утратив роль независимого от политических сил арбитра.

С институтом выборов ситуация обстоит иначе. Как уже отмечалось, в Украине в первой среди стран СНГ на демократических выборах 1994 года сменился и президент, и парламент. Во время второго срока президентства Кучмы в стране ощутимо усилились ав-

торитарные тенденции, но именно благодаря резонансным фальсификациям на выборах и массовым общественным протестам не повторился сценарий передачи власти от Кучмы Януковичу по образу и подобию событий в России. Международное сообщество признало, что при «оранжевой» власти выборы были свободными. Но уже в октябре 2010 года новая власть широко задействовала во время местных выборов «административный ресурс». Добавим к этому и манипуляции с избирательным законодательством Украины накануне выборов.

В итоге институты в Украине меняют свои роли и функции. Приобретая или теряя свое значение, они преобразуются. Политические элиты учатся ими манипулировать, что дается им с переменным успехом. Среднестатистические граждане активно учатся эти же институты использовать, что у них тоже не всегда успешно получается, но процесс двадцатилетнего обучения дает свои результаты и продвигается дальше. Однако успеха не достигнуть, пока позитивные изменения не будут институционализированы, а демократические институты, в свою очередь, не закрепятся прочно на уровне правовых норм, их имплементации в обыденной практике элит и гражданского общества.

За годы независимости граждане Украины научились выражать свой протест, корректируя действия властей, в результате чего в стране появились основы гражданского общества. Но, к сожалению, механизм взаимодействия гражданского общества с государством остается неразвитым. Ему еще только предстоит пройти свой путь развития и превращения в эффективный механизм, свойственный странам с устойчивыми демократическими режимами.

Урок третий: одновременно продвигаться в разных направлениях
В «геополитической физике» движение Украины твердо ассоциируется с ее внешнеполитической «многовекторностью» времен президентства

Кучмы. Безусловно, выбор внешне-политических приоритетов и направлений сотрудничества актуален для Украины и сегодня, но сводить его к выбору одного из векторов движения все же не стоит. В лучшем случае получим некое подобие броуновского движения, обеспечивающего выделение энергии, но не направляющего передвижение всего объекта в пространстве. Украина за 20 лет независимости успешно усвоила действие этой формулы порывов в разных направлениях для выделения энергии без определенного движения куда-либо: продвижение к демократии тяжело синхронизировать с устойчивым желанием сохранять административно-командные принципы, а продвижение в сторону европейской интеграции – с рывками во всякого рода союзы с Российской Федерацией. Вместе с тем стоит отметить, что причины такой «многовекторности» отчасти кроются и в ситуации внутри страны, причем во многом она надумана элитами и их политтехнологами.

Одним из отчетливо ощутимых по сей день негативных результатов предвыборной политической гонки 2004 года было продвижение политтехнологами Януковича утверждений о расколе Украины на «националистический» запад и «индустриальный» восток. Ющенко демонизировался как «Бущенко», «фашист», «пособник США», с помощью которых он и стал бы в случае победы нещадно бороться с русскоязычным населением страны. В свою очередь Янукович подавался публике не просто как друг России, но как защитник всех русскоязычных и всего русского в Украине вообще. Подобное разведение внешних (Россия – США) и внутренних (националист – русскоязычный) политических ориентиров двух кандидатов просто требовало воплощения в чем-то большом и ощутимом – востоке и западе страны.

Даже банальным уже стало подчеркивать, что Украина не монолитная, регионально разнообразная страна. Но

при этом следует помнить, что этнолингвистические границы в Украине размыты, а само деление на русско- и украиноязычных довольно условно, ведь подавляющее большинство ее жителей являются двуязычными. Русскоязычные политики не выставлены на задворки политического процесса в Киеве. В независимой Украине те, кто ранее был всего лишь провинциальной элитой, превратились в политическую и деловую элиту 46-миллионной страны, независимо от того, на каком языке они говорят.

Что касается современного украинского национализма, то он является «территориальным», а не «этническим», скорее «включающим» (inclusive), нежели «исключающим» (exclusive). Реальному, а не декларируемому интернационализму в советских тюрьмах учились диссиденты разных национальностей. Толерантная позиция национал-демократов в отношении национальных меньшинств повлияла на национал-коммунистов, которых возглавлял первый президент независимой Украины Леонид Кравчук. В октябре 1991 года все проживающие на тот момент в Украине получили право на гражданство без каких-либо условий. Радикальные националистические силы (как украинские, так и пророссийские) до последнего времени не преодолевали 3%-ный парламентский барьер.

Несмотря на заявления отдельных политиков и маргинальных политических сил, социально-экономические и политические возможности украинских граждан за двадцатилетнюю историю страны никогда не были ограничены этническими или языковыми критериями. В результате «вектор движения» к разнообразным союзам и объединениям с Россией для защиты русскоязычного населения Украины, т.е. для обеспечения внутренних нужд страны, – надуманный, но никак не необходимый. В то же время вектор европейской интеграции, который поддерживают (по крайней мере на уровне лозунгов) основные украинские политические силы, в дейс-

твительности не несет в себе ничего «антирусского». Во времена «оранжевой революции» команда Ющенко, в отличие от политтехнологов Януковича, взывала к общим как для востока, так и для запада страны ценностям, которые мы называем европейскими: борьбе с коррупцией, верховенству права, социальной справедливости и т. д. Эти ценности, не имея ни этнической, ни языковой окраски, способны сплотить разные этнолингвистические группы.

Дружеские отношения с Россией действительно могут время от времени портиться дружескими отношениями с теми, с кем в определенный момент времени не дружит сама Россия. Но это не означает, что путь развития Украины и становление ее как геополитического игрока на международной арене должны напоминать нескончаемые маятниковые движения с Востока на Запад и обратно.

По отношению к Украине, как и к другим восточным соседям, ЕС, по словам Андрея Макарычева, «нацелен на создание ... лояльных и дружески настроенных стран, способных адаптировать и воспринять европейские ценности, нормы и принципы устройства социально-политической жизни»⁸. Еще во время президентства Ющенко Брюссель решил подписывать соглашение об ассоциации Украины с ЕС, но только после завершения переговоров о зоне свободной торговли (ЗСТ), которая будет неотъемлемой частью соглашения (учитывая сложный переговорный процесс по ЗСТ, Ющенко попытался вывести его за скобки ассоциации). С одной стороны, украинский бизнес заинтересован в выходе на рынок ЕС, а с другой – отраслевые лоббисты выдвигали свои условия. Тем не менее и Брюссель, и Киев заявили о возможности завершения переговоров до конца 2011 года. Во всяком случае, перспектива ассоциации стала реальной.

Именно в это время Москва сделала новые заявления о преференциях Украине в случае ее присоединения к Таможенному союзу России, Казахстана и Беларуси, которые даже не входят в ВТО. Это означало бы неслыханный в практике ВТО разворот Украины в другом направлении. Кроме того, украинские бизнес-группы не хотят опять попасть под контроль Москвы, поскольку не смогут конкурировать с гораздо более мощными российскими бизнес-группами и государственными монополиями. Пока что Янукович подтвердил официальный курс Киева на ЕС, а в отношении Таможенного союза предложил достаточно традиционную для украинской дипломатии формулу сотрудничества «3+1», то есть без вступления в Таможенный союз. Но давление Москвы усиливается, а перспектива сближения с ЕС осложняется политическими преследованиями в Украине, символом которых стал арест и суд над Тимошенко. В результате в условиях нарастающих противоречий с Россией Янукович не имеет мощного тыла ни внутри страны, ни в Европе. Создается впечатление, что, осложняя отношения с Западом, кто-то буквально подталкивает Януковича в сторону России.

Заключение

За 20 лет самостоятельной жизни молодая Украина приобрела разнообразный и довольно яркий жизненный опыт, но ей еще предстоит многому научиться. Развитие демократии происходит с переменным успехом. С одной стороны, не повторился сценарий передачи власти от Кучмы Януковичу по российскому образцу. С другой – президент Янукович стал на путь строительства в Украине «стабильности» путинского образца. Однако в Украине малый и средний бизнес, активное гражданское общество неоднократно показывали способность отстаивать и свои интересы, и свое пра-

⁸ Макарычев А. Общее соседство: «новая Восточная Европа» между Россией и Евросоюзом // Вестник Института Кеннана в России. 2010. Вып. 18. С. 54.

во на более высокое качество жизни с демократическими порядками. В стране ощутимо недовольство концентрацией власти в руках одного человека, на котором в то же время сосредотачивается и недовольство проводимой социальной и экономической политикой. Неудивительно и то, что Янукович не спешит втягивать Украину в Таможенный союз с Россией, делая акцент на возможностях, которые может получить страна от ассоциации и зоны свободной торговли с ЕС.

Опыт, полученный молодым украинским государством, требует осмысления для успешного продвижения от

постсоциалистической юности к демократической зрелости. Украине следует не только сделать соответствующие выводы из представленных выше уроков, но и освоить целый набор поведенческих стратегий взрослой демократии. Своеобразными домашними заданиями на будущее для политического класса Украины остаются: научиться действовать вовремя, а именно проводить политические реформы, даже непопулярные среди населения; научиться выполнять обещания, данные своим избирателям, но при этом избегать популизма; научиться идти к Европе не на словах, а на деле.

Опыт сплочения локальных сообществ средствами «символического менеджмента»

В данной статье автор показывает, что с помощью особой технологии, получившей название «символический менеджмент», у политических элит появляется возможность воздействия на территориальную идентичность населения, что позволяет элитам сплотить население на локальном и региональном уровнях в целях модернизации этой территории. Приводятся примеры первого и пока немногочисленного опыта такого сплочения в современной России, выделяются как успешные, так и неудачные попытки сознательного, подготовленного, а чаще спонтанного применения указанной технологии.

О сущности «символического менеджмента»

Под территориальной идентичностью мы понимаем соотнесенность человека или общности с определенной местностью (регионом, городом, селом), сложившимися в ней традициями и жизненным укладом. Территориальная идентичность – это «совокупность культурных отношений, связанная с понятием “малая родина”»¹. Целенаправленное констру-

*Надежда Евгеньевна Абалмасова,
аспирантка Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики», кафедра
прикладной политологии*

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 11-04-0045 «Политика регулирования межэтнических отношений в связи с притоком иноэтнических мигрантов в крупнейшие города России (Компаративный анализ проблемы и выработка концептуальных основ политики)» по конкурсу Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» «Учитель – Ученики» 2011–2012 годов.

¹ Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 13 [<http://www.ecsocman.edu.rudata0276631216002-1.pdf>].

ирование позитивной территориальной идентичности, усиление привязанности человека (группы) к месту и повышение удовлетворенности социального субъекта от жизни в данном месте может стать важным резервом его творческой самоотдачи. Классик теории модернизации Уолт Ростоу утверждал, что сплоченность населения является едва ли не важнейшим предварительным условием модернизации стран, качественной трансформации различных сфер их обществ².

Технологии, с помощью которых целенаправленно конструируются позитивные образы территорий, можно обозначить единым термином «символический менеджмент». В научной литературе экономической тематики, где и появилось это понятие, символический менеджмент определяется как акции, инсценировки, ритуалы, истории, легенды, с помощью которых оказывается воздействие на потребителя³, побуждающее его, например, вложить средства в данной местности или посетить ее в качестве туриста. В политологии под символическим менеджментом понимают технологии, используемые политическими элитами для создания определенной символической продукции: ритуалов, знаков, традиций, легенд, образов, брендов, слоганов, имиджей, мифов и др. Среди разновидностей символического менеджмента главными являются имиджмейкинг (процедура создания положительной репутации или запоминающегося образа какого-либо субъекта), брендинг (инструмент формирования устойчивых ассоциаций и позитивной эмоциональной связи у людей с образом субъекта), паблик-арт (проекты интеграции современного искусства в городскую среду, чтобы подчеркнуть функции, исторический или культурный смысл места размещения).

К символическим инструментам формирования региональной идентичности можно отнести установку памятников и

возведение архитектурных сооружений; соответствующую риторику в СМИ; компоновку ландшафтной среды; празднование юбилеев; организацию различных мероприятий, форумов, пиар-кампаний; создание или укрепление местных товарных брендов, видов спорта; экзальтацию привычных культурных и этнических практик, органичное привнесение новых; изобретение самоназваний, традиций локальных сообществ или групп; переименование местности. Кроме того, важную роль в создании яркого образа региона играет сформированная на его территории коллективная память, закодированная в текстах и хранящаяся в архивах, библиотеках, музеях⁴. К тому же прошлые символы, верования, знания, а также нормы, ценности и правила, которые наследует население региона и часть которых может стать ресурсом символического менеджмента, сохраняются, интерпретируются, используются и передаются такими институтами, как семья, церковь, школа, университеты, средства информации, армия, фирмы, политические партии. Поэтому они также могут рассматриваться в качестве проводников новой символической политики. Обращение к привычным ценностям и нормам сопровождается их селекцией, в каких-то случаях новым истолкованием, идеализацией прошлого или действительного положения дел.

Программы символического менеджмента по большей части ориентированы вовне: на привлечение в регионы инвестиций, квалифицированной рабочей силы, новых жителей, туристов и т.д. Однако уже есть, пусть и редкий пока, мировой и отечественный опыт использования символического менеджмента для решения внутривнутриполитических задач, например для консолидации населения региона или города. Как уже отмечалось, именно этот опыт и является предметом нашего исследования. Мы рассмотрим три подхода (модели) использования

² Rostow W.W. *Politics and the Stages of Growth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.

³ Pfeffer J. *Managing with Power: Politics and Influence in Organizations*. Harvard: Harvard Business School Press, 1992. P. 279.

⁴ Штомпка П. *Социология социальных изменений*. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 87.

символического менеджмента. Критериями их выделения выступают цели, которые преследуют региональные политические элиты; масштабность программ менеджмента; соотношение сфер и структур, которые нуждаются в модернизации и которые на самом деле получают импульс реформирования; степень соответствия символических и образных компонентов стратегий местным условиям, традициям и чаяниям.

Спонтанная, фрагментарная модель

Ее характеризует отсутствие целостно выстроенной стратегии. Скорее она состоит из одной или нескольких инициатив, которые похожи на спонтанную, быструю реакцию на подвернувшуюся возможность подлатать дыры в развитии за счет финансовых вливаний, получаемых из центра по статье «поддержка местной культурной инициативы».

Наиболее распространенным примером разовых символических инициатив по продвижению официальной версии региональной идентичности являются юбилеи. Считается, что современные традиции их празднования с размахом, «хлебом и зрелищами» для начальства и населения были заложены Иосифом Сталиным, который в 1947 году устроил празднование 800-летия Москвы в условиях послевоенного восстановления хозяйства.

Уже в наши дни Москва, отметившая свое 850-летие, стала одним из зачинателей новой волны торжеств⁵. Президенты России лично участвовали в подготовке к празднованию 1140-летия Новгорода (Борис Ельцин), 1100-летия Пскова, 300-летия Петербурга, 1000-летия Казани (Владимир Путин) и Ярославля (Дмитрий Медведев). Вслед за Москвой 850-летие отметили Кострома и Городец Нижегородской области, 600-летие

– калужский Малоярославец, 370-летие – Якутск, 225-летие – Ставрополь, 110-летие – Новосибирск. 280-летие справил Пермь, где отметили также 540-летие крещения края.

Поскольку «обнаружение» юбилейных дат и организация их празднования сулят немалую финансовую поддержку со стороны федеральных властей, то конкуренция за эти ресурсы на региональном уровне очень высока. Порой она перерастает в своего рода чехарду празднеств и мероприятий на соседних территориях.

Одним из самых ярких примеров такой конкуренции является многолетнее соревнование губернатора Псковской области Евгения Михайлова со своим более успешным коллегой губернатором Новгородской области Михаилом Прусаким.

В 2001 году было отпраздновано 1100-летие Пскова, а в Новгороде 1140-летие отметили еще в 1999 году. Возможно, у новгородского губернатора возник повод для досады из-за того, что столица региона «поторопилась» справить свой юбилей, считая от другой летописи. Михаил Прусак предложил президенту идею отдельно отпраздновать 1140-летие образования Русского государства, на что получил отрицательный ответ. Таким образом, не удалось воспользоваться выгодами от празднования двойного юбилея, как это случилось в 1862 году, когда тысячелетие России и день рождения города были торжественно отмечены в Новгороде одновременно, с приездом императорской семьи и открытием знаменитого памятника Михаила Микешина. На сей раз по случаю 1140-летия в 2002 году в Новгороде провели исследовательский форум «Северное Вече», а в соседнем Пскове, как бы соревнуясь с богатым соседом, устроили чтения в честь 735-летия начала княжения Св. Князя Довмонта⁶. «Подарком судьбы» назвал гу-

⁵ Петров Н. Формирование региональной идентичности в регионах России: общие закономерности, подходы к изучению. С. 5 [http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/centering_group_papers/Petrov.pdf].

⁶ Там же. С. 6.

бернатор Псковской области, заметно отстающей по социально-экономическим показателям от соседней территории, торжественно отмечавшееся в 1998 году 200-летие Александра Пушкина, который, по словам Михайлова, не случайно «завещал похоронить себя именно на Псковщине, а не в Петербурге или в Москве»⁷. Из-за высокой символической значимости юбилея федеральная казна щедро профинансировала его организацию.

Все перечисленные акции преследовали не только сугубо утилитарные экономические цели. У них была и политическая цель – привлечь внимание федерального центра к региону или городу. В некоторых случаях пользу от этого извлекала не только местная элита, но и население. В ходе мероприятий отмечался всплеск выражений массового регионального самосознания. Случалось даже, что с помощью такого «юбилейного менеджмента» удавалось сбить накал вокруг проблем общественного развития. Однако позитивные результаты использования символических технологий ограничены и кратковременны. Они не обеспечивают фундаментальной консолидации населения. Напротив, рано или поздно у людей возрастает неудовлетворенность от сугубо имитационного, показного характера этих символических мероприятий. Разумеется, такие акции, да и вся фрагментарная модель символического менеджмента, не могут быть прочной и достаточной опорой для модернизации региона или города.

Проектная, элитарная модель

О ней можно говорить в тех случаях, когда за основу осуществления символической стратегии берутся интересы только деловых и бизнес проектов влас-

ти, а местная история и культура, существующие идентификации населения используются конъюнктурно или вовсе игнорируются. Эта модель отличается большей целостностью, гораздо более обширным охватом сфер воздействия, чем предыдущая, но также слабо способствует действительному улучшению социально-политического и экономического положения населения региона.

Символическая политика города Перми соответствует проектной модели. В условиях интенсивного развития нового бизнеса в 2000-х годах политическая ситуация в Перми оказалась очень благоприятной для активного вторжения предпринимателей в политику: с этого времени бизнесмены и промышленники стали составлять большинство в городской думе⁸. Однако секторальная разобщенность бизнеса и диверсификация ресурсов не позволяли говорить об общности интересов различных групп. Их борьба за завоевание ведущих позиций в торгово-финансовом бизнесе до сих пор определяет политический ландшафт Перми. Также на политическую обстановку в городе все еще значительно воздействует сохранившаяся с советских времен гипертрофированная ведомственность управления. Однако с середины 2000-х годов политическая элита создает образ Перми как динамично развивающейся территории, находящейся на волне постмодернити и даже модных авангардистских веяний⁹. Активно формируется имидж города с солидной историей плюрализма политических и экономических акторов, создания широких властных коалиций, что якобы не позволяет ни одной из сил монополизировать власть и ресурсы. Действительно, Пермь традиционно занимает высокие позиции среди субъектов РФ по числу экспертных некоммерческих организаций, распределительных комиссий в социальной сфере,

⁷ Там же.

⁸ Бычкова О., Гельман В. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 [http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1760/1767/].

⁹ Итоги публик-арт программы 2010 года. Проект Сергея Горшкова «Ангелы в городе» [http://art59.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1717&Itemid=124].

в городе высока интенсивность локальных протестов, что на символическом уровне также преподносится как развитие гражданского общества. Однако, как констатируют эксперты, в Перми очень низкий уровень реального влияния населения на принятие решений¹⁰.

Преследуя деловые цели, политическая элита активно поддерживает культурные мероприятия в городе. Однако и в этой сфере соответствие символической стратегии Перми проектной модели очевидно. Оно подтверждается наблюдениями, что имиджевая стратегия слабо опирается на местный культурный и символический ресурс. Имеются попытки внедрить новые символы, но при этом идейные основы символических проектов слабо проработаны и отсутствует четкость в ходе их воплощения. В качестве примера можно обратиться к недавней реализации программы паблик-арт.

В мае 2010 года в Перми стартовала паблик-арт программа PERMM. Впервые программа этого направления в России реализуется при поддержке региональной администрации. Цель проекта – интеграция современного искусства в городскую среду. «Приглашенные отечественные и зарубежные скульпторы, художники и видеоартисты создают на пермских улицах уникальные произведения современного искусства. Особенность пермского паблик-арта – временный характер объектов»¹¹. В 2010 году было реализовано более десяти различных проектов. Наиболее сильный отклик населения и прессы вызвали: скульптурное изображение слова ВЛАСТЬ перед зданием Законодательного собрания Пермского края; металлические двухметровые треш-мэны – трехмерные версии всемирно известной пиктограммы «Не надо мусорить!»; фигурки ангелов – примитивистская имитация пермской деревянной скульптуры; «красные че-

ловечки» без головы, изготовленные из разных материалов и размещенные на зданиях и улицах; новый логотип города в виде красной буквы «П».

Паблик-арт призван пробуждать внимание прохожих и стимулировать интерес к общественным местам. Но какое же влияние он оказал на аудиторию в Перми? Реакция публики была шоковой – она в массе своей не приняла предлагаемые символы. Отмечены случаи вандализма. Например, красную букву «П» исписали словами «Полный П» и «безвкусица». «Красных человечков» у Органного концертного зала перевернули, оторвали им ноги. Над «идущими человечками» также совершили надругательство. «Человечки» – фотографии зеленого сигнала светофора из 77 городов мира на черном баннере длиной 130 метров и высотой 2,5 метра – были вывешены на бетонном заборе у Северной дамбы. Не прошло и суток, как неизвестные отрезали часть полотна¹².

Речь идет не только о нетерпимости и полном отсутствии у аудитории понимания целей этой художественной акции. Пермская затая продемонстрировала и слабую готовность городских властей к массовым мероприятиям. Грандиозное представление светового граффити люди ждали: на шоу собрались тысячи пермяков. Однако оно не получилось из-за несносной организации, на площади не было перекрыто движение, горели огни ночного городского освещения.

Для реализации всей этой в сущности неплохой задумки оказалось губительным то, что ее организаторы обошли вниманием предварительную подготовку общественного сознания. В первую очередь необходимо было определить характер запросов и вкусы местного населения. Еще одним важным просчетом стало пренебрежение политического ру-

¹⁰ Борисова Н.В. Пермь: локальный режим в крупном российском городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 [http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1760/1769].

¹¹ Итоги паблик-арт программы 2010 года...

¹² Павлова Е. Современное искусство вышло из музея и гуляет по опасному городу [http://www.permmag.ru/article/node/public_art_inda_city].

ководства к обновлению облика города, чей потрепанный вид еще больше подчеркивали яркие и непривычные пятна паблик-арта. К концу второго года осуществления этой программы среди населения в Перми уже очень сильно распространено раздражение, которое формулируется в виде претензий к властям, почему бюджетные деньги тратятся на памятник надкушенному яблоку, а не на разбитые дороги и облезлые фасады¹³. Впрочем, в Музее современного искусства PERMM, организаторе художественных акций паблик-арта, не скрывают, что их главная цель – «отвлечь внимание пермяков от дыр, грязи и убогости на городских улицах»¹⁴.

Как показывает опыт Перми, большая сила воздействия символического инструментария способна заронить у организаторов веру в успешное воплощение самых смелых замыслов. Однако на удачный исход рассчитывать не приходится, если символические программы маскируют под культурную революцию, привитие населению художественного вкуса и борьбу за культурный статус города нежелание власти заниматься действительным благоустройством территории. Как в случае Перми, жителей, прекрасно информированных о положении дел в городе, не удастся надолго отвлечь, обмануть, тем более картинкой сомнительной притягательности.

Органическая модель

Эту модель отличает более сильное, чем в предыдущих случаях, воздействие мероприятий символического менеджмента на местное население, а главное – запланированная и определенная его ориентация на консолидацию местного сообщества, усиление его позитивной

региональной идентичности. Главным критерием отнесения символических стратегий к органической модели можно считать заявленную цель сплотить население региона. Она выбирается политической элитой и другими акторами в качестве долгосрочного приоритета и становится неотъемлемой частью регионального политического курса. Поэтому стратегии в рамках органической модели можно назвать консолидационными. Их характеризует широкий охват сфер, последовательность, длительность и даже высокий энтузиазм внедрения.

Примером консолидационной стратегии из российской региональной практики является символический менеджмент в деревне Мартыново Ярославской области. Деревня Мартыново – одно из поселений кацкарей, в 1990-е годы объявивших себя самостоятельной этнической группой, ведущей свою историю с эпохи монгольского нашествия¹⁵. Кацкари обрели идентичность стараниями местного учителя¹⁶.

В 1992 году в деревне стали выпускать газету «Кацкая летопись» краеведческой направленности, которая к настоящему моменту превратилась в журнал, популярный в 80 населенных пунктах. В 1999 году краеведами был создан клуб «Кацкая летопись» и этнографический музей, располагающийся в пяти деревенских домах (включая школу). В школах Ярославской области был введен предмет «Кацковедение». Этническая дистанция от русских подчеркивается тем, что «кацкари ведут себя от смещения летописной меры и славян»¹⁷. «Феномен кацкарства» поддерживается «ожившим» кацким диалектом русского языка, легендой о появлении Кацкого стана, фольклором, а также общими способами ведения домашнего

¹³ Сафина М. Возле администрации Пермского края будет еще больше красных человечков [http://www.permm.ru/menu/prensa-o-nas/voze-administraczii-permskogo-kрая-budet-eshhe-bolshe-krasnyix-chelovechkov.html].

¹⁴ Там же.

¹⁵ Шницерман В.А. Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс // История края как поле конструирования региональной идентичности. Волгоград: Изд-во ВолГУ, Институт Кеннана, 2008. С. 10.

¹⁶ Соловьев Е. Как поблагодарить с кацкарями // Независимая газета. 2007. 7 сентября [http://www.ng.ru/ngregions/2007-07-09/15_kackari.html].

¹⁷ Шницерман В.А. Указ. соч. С. 10.

хозяйства. Этническая и территориальная идентичность стала основой возрождения общинного уклада в деревне, сельскохозяйственных и ремесленных промыслов, являющихся главным источником дохода местных жителей. С началом реализации символической программы в деревне почти полностью прекратился отток населения.

Стратегия конструирования идентичности кацкарей в Мартыново – это иллюстрация достижения одновременно внутренних и внешних целей. Направленное в первую очередь на консолидацию локального сообщества, управление придуманными символами на основе нового образа сделало территорию привлекательной для туристов, чем значительно содействовало ее процветанию. Деревня приобрела устойчивый образ островка старинного, почти исчезнувшего самобытного крестьянского быта. Мартыново принимает ежедневно до десятка туристических автобусов. Приток туристов позволил руководителю музея заняться строительством школы кацкой грамоты и гостиницы.

Символический менеджмент в Новгородской области является уникальной для России стратегией. По охвату сфер жизнедеятельности, соответствию принципам целостности, последовательности реализации и результативности символических мероприятий он пока превосходит все известные имиджевые проекты. Символическую программу Новгородской области, с некоторыми оговорками, можно определить как консолидационную. За годы губернаторства Михаила Прусака (1991–2007) эта область стала нетипично успешной в плане экономического развития и движения в сторону становления институтов гражданского общества, особенно в сравнении с соседними областями Северо-Западного федерального округа России.

Одной из предпосылок успешной модернизации региона явилось решение его элиты опереться на целый комплекс взаимосвязанных символических ресурсов. Прежде всего, был возрожден миф «о прогрессивности средневекового Новгорода». Это хорошо послужило легитимации реформ. Систематически подчеркивая наследие Великого Новгорода – центра средневековой торговли и колыбели русской демократии, местные элиты представили реформы как возвращение к ценностям русского прошлого, а не как что-то навязанное извне¹⁸. Инициатива применения символического менеджмента в Новгороде, скорее всего, была спонтанным, но эффективным шагом. Обратившись к политике символического конструирования региональной идентичности, областная администрация впоследствии воспроизвела ее логику в целом ряде других решений. Так сложился особый стиль управления, в котором важную роль играла символика.

Сбыт символической продукции на внешнем рынке подчинялся логике презентации территории как «точки роста» России, а потому нуждающейся во внимании и ресурсах извне. В 1994 году областная администрация начала активную политику привлечения инвестиций, прежде всего иностранных, и уже спустя пару лет весьма преуспела в этом. Если в среднем по России прямые иностранные инвестиции составляли в 1995–1999 годах около 5%, то в Новгородской области они доходили до половины всего объема инвестиций¹⁹. Благодаря проведению ряда экономических реформ и установлению благоприятного инвестиционного климата регион быстро стал одним из лидеров российской экономики. По ряду показателей Новгородская область обогнала даже наиболее развитые субъекты РФ²⁰. Неудивительно, что уже в 1997–1998

¹⁸ Харрисон Л. Главная истина либерализма: как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М.: Новое издательство (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»), 2008. С. 177.

¹⁹ Там же. С. 128.

²⁰ Гельман В.Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 4. № 2. С. 98.

годах регион представлялся в средствах массовой информации только в позитивном ключе. При этом в зарубежных изданиях область подавалась как образец для других регионов России и ее упоминание часто сопровождалось такими заголовками: «Модель Новгорода», «Российская история успеха», «Вестернизация российской провинции» и др. Зарубежные фонды именно Новгородской области охотнее, чем большинству других субъектов РФ, выделяли финансовые гранты на реализацию проектов социально-культурного развития территории²¹.

При управлении символами внутри региона новгородское руководство всячески акцентировало темы славной истории и культуры области²². Эта риторика благосклонно встречалась избирателями. Кульминационным моментом, закрепившим успехи символического менеджмента в конструировании территориальной идентичности, стало переименование в 1998 году столицы региона в Великий Новгород.

«Вечевые» традиции, являвшиеся одним из символических элементов новой региональной политики, были воплощены в развитии территориального общественного самоуправления и бурном росте количества общественных организаций. По числу гражданских объединений и неправительственных организаций в годы губернаторства Михаила Прусака Новгородская область считалась одной из самых «демократичных» в стране и входила по этому показателю в первую четверть²³. По подсчетам Николая Петро, число общественных организаций на душу населения этой области практически совпадало с аналогичными показателями самых «гражданственных» регионов Северной Италии²⁴.

Правда, многие исследователи отмечают имитационный характер того процесса, который со стороны принимали за становление гражданского общества в Новгородской области. Так, организации, входившие в Общественную палату при губернаторе, фактически не имели влияния на принятие решений и вынуждены были одобрять документы, согласованные без их участия. В местном самоуправлении многое из того, что выглядело как свободная и добровольная самоорганизация граждан, на самом деле являлось хорошо закамуфлированной формой зависимости от региональных властей. Взаимодействие руководства области и бизнеса строилось на основе патрон-клиентских отношений²⁵. Все эти аргументы не лишены оснований.

Вместе с тем сам факт возникновения и роста числа общественных организаций и политический курс на их поощрение и сохранение не стоит игнорировать. Если многие из этих организаций нельзя в полной мере назвать институтами гражданского общества, то их вполне можно определить как предпосылки к такой трансформации. Трудно отрицать, что цель сплочения локального сообщества как базовой предпосылки для проведения реформ была достигнута. Политический курс региональной элиты пользовался массовой поддержкой. Михаил Прусак остается популярной фигурой даже после ухода с поста в 2007 году. Символические конструкты стали в руках элит мощным средством и проводником осуществления политического и экономического замысла.

* * *

Символический менеджмент является весьма эффективной технологией создания символических ресурсов в ре-

²¹ Там же. С. 100.

²² Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / под ред. С. Выженкова, Г. Люхтерхандт-Михалевой, при участии А. Кузьмина. М. – СПб.: Летний сад, 2001. С. 46.

²³ Харрисон Л. Указ. соч. С. 177.

²⁴ Petro N. Novgorod Region: A Russian Success Story // Post-Soviet Affairs. 2001. Vol. 15. № 3. P. 243–244.

²⁵ Гельман В.Я. Указ. соч. С. 101.

гионах. Это справедливо для внешних стратегий, когда формируемые политической элитой образы территорий направлены на привлечение внимания за их пределами, когда борьба за символы ведется с прикидкой на получение федеральных и иностранных инвестиций, притягивание туристов и новых жителей. Воздействие на общественное сознание достигается за счет поиска и активного использования местных и привнесенных традиций и мифов, выигрышных моментов истории, создания отличий от соседей.

Так же успешно дело обстоит и в тех редких случаях, когда политические элиты прибегают к символическому менеджменту для решения сугубо внутренних вопросов. Это касается и малых, и больших целей. Например, символический менеджмент оказывается существенным подспорьем, если необходимо сиюминутно, разово, ненадолго отвлечь массовое сознание от какого-то остро вставшего вопроса регионального или городского развития, осуществить бизнес-проекты или сплотить население территории, обеспечить поддержку избранного политического курса.

Некоторая систематизация российского опыта в виде моделей символического менеджмента демонстрирует важные закономерности, учет которых приближает к успеху в такой политике. Первая из них состоит в том, что чем масштабнее цель, тем больше усилий необходимо прикладывать при конструировании образов, тем более внимательное отношение к содержательным компонентам, широте охвата сфер, ко времени, этапам и последовательности проведения символической политики требуется со стороны субъекта управления. Причем лучше всего принимать во внимание все перечисленные факторы. Например,

явно провальным будет стремление городского руководства усилить сплоченность местных жителей только за счет нескольких культурных инициатив или рекламных акций, даже если они четко связаны между собой идейно и строго согласованы по времени.

Из этой закономерности следует вторая: внедрение крупных символических проектов должно подкрепляться модернизацией соответствующих сфер жизни территории. Так, например, если ставится задача создать образ территории как экологически чистого уголка, идеально-го для размеренной повседневной жизни, а в действительности там унылые пейзажи, грязные реки, шум и суета, и ситуация не меняется к лучшему, то со стороны инициаторов подобных проектов было бы безумием надеяться на массовый положительный отклик жителей. Конструируемый имидж города как центра деловой жизни совершенно точно будет скомкан, если, например, его архитектурная среда, транспортная система, сфера услуг и, в конечном счете, уровень жизни населения не будут со временем приведены в соответствие с заявленными приоритетами.

Пренебрежение этими требованиями – достаточно распространенный в мировой практике феномен. У политических элит нередко возникает соблазн применить для достижения крупномасштабных целей технологии, предназначенные для решения мелких задач, попросту пропустить какие-то этапы политики, имитировать существование долгосрочной стратегии и др. Эффектом такого урезанного подхода может стать, по меньшей мере, разочарование в результативности символических технологий, а высокой ценой – накал и без того трудной обстановки в регионе или городе.

Сергей Викторович Мохов,
магистрант 2 курса факультета
прикладной политологии
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики»

Городские памятники в восприятии московских студентов

*Все говорят: Кремль, Кремль.
Ото всех я слышал про него,
а сам ни разу не видел.
В. Ерофеев «Москва – Петушки»*

Манипуляция исторической памятью в политической практике

Не существует обществ, которые не были бы озадачены трактовкой своей истории¹. Демократизация, а значит, и плюрализм мнений создают возможность для открытого обсуждения истории и исторических фактов. Это ведет к появлению противоположных трактовок одних и тех же событий. Одни социальные группы ориентированы на традиционные ценности. Они увлекаются реконструкцией культурных практик своего народа. Интерес к традиционной культуре усиливает привязанность к «наследию» – тому, что в англоязычном мире называется «heritage», а во Франции – «patrimoine»². Другие же группы, их в современных обществах немало, равнодушны к наследию. Уже одно это создает потенциальное поле разногласий и указывает на ограничение возможностей воздействия на поведение людей с помощью манипуляций символическими ресурсами, хотя такая манипуляция применяется в политической

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 11-04-0045 «Политика регулирования межэтнических отношений в связи с притоком иноэтнических мигрантов в крупнейшие города России (Компаративный анализ проблемы и выработка концептуальных основ политики)» по конкурсу Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» «Учитель – Ученики» 2011–2012 годов.

¹ Нора П. Всемирное торжество памяти [http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html].

² Там же.

практике любого государства, и прежде всего в его политике коммеморации (сооружении памятников и мемориальных комплексов, организации музеев и архивов, учреждении праздников, государственной символики и др.).

Коммеморация является важнейшим элементом государственной политики и инструментом строительства нации в конструктивистских парадигмах³.

Коммеморация как специальная процедура, а также возникновение «мест памяти», означающих, в терминологии Пьера Нора, естественно сложившиеся очаги притяжения исторического сознания, обусловлены необходимостью поддержания исторической памяти, которая сама по себе существовать не может, – «память нуждается во внешней поддержке и в ощутимых точках опоры, в которых и только благодаря которым она существует»⁴.

Историческая память ограничена достаточно узкими пространственными и временными рамками. Именно для постоянного воспроизведения в коллективном представлении важных символических точек прошлого и нужны некие символические ресурсы (мемориальные праздники, архивы, мемориальные доски, исторические тексты и др.), а также инструменты (т.е. практики) сохранения, поддержания и воспроизводства этих ресурсов. Используя указанные ресурсы и инструменты, различные социальные группы и политические силы конструируют политическую среду, формируя или поддерживая тот или иной проект коллективной исторической памяти⁵.

Целенаправленное, политически мотивированное воздействие на историческую память способно порождать

конфликты в той мере, в какой оно затрагивает различие интересов разных политических групп и сил. Понятно, что особенно острые, конфликтные формы борьбы за память наблюдаются в новых независимых государствах. Именно здесь, в условиях неустоявшихся политических систем, коммеморация выступает одним из средств продвижения и защиты разных «национальных проектов» – разных моделей политического режима и национально-государственного устройства. В современной России эта борьба в наибольшей мере проявляется в противоборстве советского (коммунистического) проекта и альтернативного ему проекта десоветизации (десталинизации). При этом первые постсоветские годы ознаменовались одержанной почти без борьбы победой проекта радикальной десоветизации. Снос памятников советским лидерам, переименование улиц и городов, перезахоронение останков царской семьи и других неприемлемых для советского режима персон – все это было присуще 1990-м годам⁶. В 2000-е годы было заметно некое оживление советской символики, начиная с возрождения слегка перелицованного советского государственного гимна. В период же президентства Дмитрия Медведева вновь оживились силы, поддерживающие проект десталинизации, хотя он и не имеет массовой поддержки в обществе, наталкивается на решительный отпор консервативных сил, а иногда встречает возражения и со стороны экспертов с либеральными взглядами⁷.

В этих политических дебатах крайне редко учитывается тот факт, что символические ресурсы в реальной практике зачастую оказывают меньшее воздей-

³ Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 годы) [http://www.navoine.ru/articles/925].

⁴ Нора П. Места памяти [http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html].

⁵ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html].

⁶ Левинсон А. Опыт социогграфии: статьи. Память. Памятник. Мемориал. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 244.

⁷ См., напр.: Кургинян С. О десталинизации и не только о ней [http://www.rusproject.org/current/current_3/o_destalinizacii_i_ne_tolko_kurginjan]; Паин Э.А. Почему программа «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении» не может служить национальному примирению в современной России [http://president-sovet.ru/structure/group_5/response/statement_of_pain_ea.php].

твие на общества, чем предполагают политики. В отмеченной дискуссии о проекте Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, условно называемом «проект десталинизации», только Эмиль Паин отметил, что программы десоветизации в некоторых государствах фактически провалились. Внедрение новых символов либо порождало конфликты, либо было незначимым для большей части населения страны. Он привел пример того, как многомиллионные затраты правительства Украины на утверждение новой политической символики оказались фактически бросовыми, поскольку не смогли обеспечить утверждение в массовом сознании нового, по сравнению с советским периодом, пантеона национальных героев.

Особенно часто и в наибольшей мере переоценивается роль манипуляции городскими памятниками и мемориальными комплексами. Городской памятник не оказывает такого принудительного воздействия на сознание, как, скажем, школьный учебник по истории. Этот вид символических ресурсов способен оказывать психологическое воздействие только в том случае, если будет замечен реципиентом. Герой поэмы «Москва – Петушки», житель Подмосковья, сравнительно часто навещавшийся в столицу, умудрился не заметить даже Кремль, что уж говорить о городских памятниках.

На наш взгляд, сегодня подобный драматический уровень отчужденности от социально-культурной среды демонстрирует преобладающая часть московского студенчества. Это одна из главных идей, которой хочет поделиться с читателями автор данной статьи. Кроме того, анализ восприятия студентами городских памятников дает представление о некоторых важных чертах общей и политической культуры современного московского студенчества и, предположительно, значительной части городского населения страны.

Первоначально основным побудительным мотивом для исследования

восприятия памятников в рамках указанного проекта выступала гипотеза о том, что мигранты доказывают свою культурную интегрированность в среду городского принимающего сообщества, если демонстрируют хорошее знание городских символов, а именно памятных мест и городских памятников. Однако первые же сравнения показали, что москвичи, в том числе и те, которые могут на митингах скандировать лозунг «Москва для москвичей!», знают Москву не лучше приезжих. Понятно, что для исследования выбирались люди, представляющие две группы жителей: постоянные жители Москвы, те, кого принято называть «принимающим сообществом», и приезжие. В данной статье приводятся материалы только по москвичам.

Для опросов были выбраны студенты в возрасте 19–24 лет. Данный выбор обусловлен тем, что их сознательная жизнь происходила в современной России, они не помнят времена СССР. Это позволяет избежать предвзятой оценки событий, уже ставших историческими. Это также дает возможность увидеть, что молодое поколение считает важным на том временном отрезке, которому они сами стали свидетелями. Иначе говоря, какие события последних 20 лет являются настолько важными, что должны (могут) быть запечатленными в памятниках и мемориалах. Респонденты интервьюировались в ноябре – декабре 2010 года на улицах и в торговых центрах Москвы.

Методом исследования было выбрано полустандартизированное интервью, количество респондентов составило 30 человек. Понятно, что такой объем выборки исключает возможность репрезентативных выводов. Однако нас интересовало прежде всего развернутое содержание ответов, их аргументация, язык и стилистика. Все это требовало сравнительно длительных и подробных бесед, характерных скорее для антропологических, чем для социологических методов исследования. Выводы же о распространенности того или иного

явления мы делали лишь в тех случаях, когда получали подтверждение наших результатов в материалах широкомасштабных и репрезентативных социологических исследований. Главными источниками такого рода послужили материалы Левада-Центра, изложенные в работах Льва Гудкова и Бориса Дубина, а также данные Европейского социального исследования 2007 года, представленные в статье Владимира и Аси Магун.

Темы обсуждения были разделены на несколько тематических блоков: памятники и их место на когнитивной карте города; историческая память: стыд и гордость за прошлое и настоящее; памятники и история как факторы консолидации.

Памятник на когнитивной карте города

В качестве основополагающей темы интервьюируемым предлагалось рассказать о своих любимых и важных с их точки зрения памятниках и мемориальных местах в Москве. Это позволяло нарисовать когнитивную карту города для каждого опрошиваемого, а затем и типичную для исследованной группы.

Городское пространство не только трехмерно. Оно воспринимается на уровне абстракций и воображения. Городское пространство состоит из ориентиров, узлов, границ, районов и мест⁸. Эти неотъемлемые части разделены между собой символически. Город выступает как коллективный опыт – исторические и социальные ассоциации играют огромную роль в распознавании городского пространства. И если эту ценность распознавания разделяет коллективное

представление, она приобретает статус сакрального, неся за собой нормы и правила поведения в данном месте. В коллективном представлении город окрашен в гамму социальных чувств – одни памятники замечают, другие игнорируют.

Георг Зиммель полагал, что городское пространство – это совокупность символических точек, наполненных определенными социальными смыслами⁹. Их главная функция – превратить «пустое» пространство в социально осмысленное. Городское пространство и его символические точки, к числу которых относятся и памятники, задают модели жизненных приоритетов. Памятники являются важным маркером городского пространства. Поэтому для полноценного изучения роли памятника необходимо учитывать, какое место в коллективной памяти занимает то событие, которое репрезентировано в мемориале, и то, как и где он установлен (иными словами, находится ли он на когнитивной карте города).

Наше исследование подтвердило, что Москва и ее пространство, наполненное памятниками, делятся в сознании горожан на две части. Первая – это центр города. Он ассоциируется с историей – музеями, памятниками, аллеями – и несет функцию хранилища культурного прошлого¹⁰. Центр города также связан с досугом, прогулками, встречами с друзьями: *«Вспомнила: мне еще нравится памятник рядом с Третьяковской галереей... как его... памятник людским порокам. ...Там летом красиво так, когда гуляешь»* [НИУ ВШЭ, 21 год].

Вторая часть города – окраины и то, что стало повседневным, – пути следования, знакомые места. Там памятника как будто и нет: *«Памятник Тельману мне нравится... Я его часто вижу, ког-*

⁸ Дубин Б. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий [http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/5023-boris-dubin-pamyat-vojna-pamyat-o-vojne-konstruirovani-proshlogo-v-socialnoj-praktike-poslednix-desyatiletij.html].

⁹ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 23–34.

¹⁰ Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М: Новое литературное обозрение, 2011. С. 22. См. также: Левинсон А. Указ. соч.

да езжу на учебу и из метро выхожу... Хотя, что это Тельман, не знала очень долго, хотя и встречи у него назначаем» [НИУ ВШЭ, 19 лет].

Окраины, по мнению подавляющего большинства опрошенных, не место для памятников. Здесь они не нужны. На наш вопрос: «Если бы у Вас была квартира в новом районе Москвы, скажем в Бутово, для Вас играло бы роль, есть ли памятники в Вашем районе или нет?» — мы получили ответы преимущественно такого типа: *«Мне было бы без разницы. Главное — инфраструктура. В центре памятники нужны. А так, на окраине... на него легко ориентироваться, когда там встречи назначаешь, например... не знаю даже... вряд ли»* [МППГУ, 22 года].

На периферии города памятники в основном воспринимаются как объекты садово-паркового декора или запоминающееся место встреч. В центре же памятники чаще оцениваются респондентами как мемориальные объекты в своей исходной символической функции. Из числа наиболее запомнившихся назывались следующие памятники: Пушкину, Гоголю, маршалу Жукову, Юрию Долгорукому, Минину и Пожарскому. *«Да много таких мест в Москве интересных... Пушкин прям в центре, Гоголю памятник, кому там еще есть-то... Царь-колокол тоже же памятник, да?»* [МГУ, 22 года]. Реже студенты вспоминали о памятниках, которые встречаются по пути домой, на работу, учебу: *«Да много памятников в Москве... Иногда идешь по улице и натыкаешься на такое “чудо”... Правда, иногда непонятно, зачем тут поставлен»* [МГТУ им. Баумана, 20 лет].

Респонденты не могли вспомнить или очень тяжело вспоминали памятники, которые были открыты или, наоборот, убраны с городских улиц в новой России. Ни многочисленные монументы Церетели, вроде знаменитого Петра Первого, ни снос памятника Дзержинскому не отразились в коллективной па-

мяти этой группы. Опрошенные нами студенты не обратили никакого внимания на длящиеся не один год споры о памятниках Ленину и Сталину и даже не слышали о дебатах по поводу генплана развития Москвы, реализация которого, по мнению многих политиков, общественных деятелей и простых москвичей, создает угрозу целостности памятников истории и культуры города.

Стыд и гордость: историческая память и настоящее

Со времен классической работы Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы «Гражданская культура» во всем мире принято оценивать при анализе политической культуры факторы, вызывающие чувство гордости за страну. В интерпретации Алмонда и Вербы этот вопрос звучал так: «Говоря в целом, что в Вашей стране есть такого, чем Вы больше всего гордитесь?» Мы добавили к этому вопросу о том, что вызывает чувство стыда за прошлое и настоящее.

Важно отметить, что сама связь городских памятников с чувством гордости за страну не вызывала сомнений у наших респондентов. Вот типичный ответ: *«Памятники нужны, чтобы помнить свою историю, чтобы испытывать гордость за свою страну»* [МАДИ, 19 лет]. За что же респонденты испытывают гордость в Москве, и что, по их мнению, достойно репрезентации в памятниках?

В ретроспективе у московских студентов вызывают гордость прежде всего три достижения времен Советского Союза: полет Юрия Гагарина в космос, победа в Великой Отечественной войне и успехи в области науки и техники. При сравнении наших материалов с исследованиями Левада-Центра выясняется, что это типичные оценки, характерные для преобладающей части россиян за последнее десятилетие¹¹. Весьма харак-

¹¹ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002. М: Новое литературное обозрение, 2002. С. 147; Дубин Б. Указ. соч..

терно и то, что молодому поколению фактически не стыдно за прошлое своей страны: *«Да нет ничего такого, за что испытываю стыд. Мы всегда были великой страной и все делали для того, чтобы быть ей»* [МГУ, 19 лет]. 16 интервьюируемых ощущают некоторое чувство стыда за проигранные войны во времена Российской империи – Русско-японскую и Первую мировую. Только у троих из опрошенных вызывают стыд сталинские репрессии.

Также к числу уже доказанных материалами различных репрезентативных исследований относится и вывод о чрезвычайно узком историческом кругозоре большинства россиян. Такая особенность российского общества выявилась, например, в ходе исследования Левада-Центра «Самые значимые события XX века». Этот кругозор ограничен рамками советского прошлого¹². Вот и наши респонденты были зажаты теми же рамками, хотя о советской истории мало что помнят. Изредка в числе значимых назывались исторические события других эпох: битва на Куликовом поле, избавление от татаро-монгольского ига и победа над Наполеоном в 1812 году.

В целом же структура исторической памяти определяется преобладающими источниками информации, которыми пользуются студенты. Это прежде всего электронные СМИ. Ныне они формируют матрицу массового сознания. Частота той или иной информации задает и знание исторических событий, да и сами их оценки. В современных российских СМИ практически не обсуждается история Первой мировой войны, становление российского парламентаризма. В последние годы все больше свертывается информация о событиях 70 советских лет, и это формирует рамки того исторического кругозора, который характерен даже для московского студенчества, что уж говорить о большей части населения, которое не имеет ни высшего, ни незаконченного высшего образования.

Если прошлое в основном не вызывает стыда у опрошенных нами студентов, то настоящее с этим чувством прочно связано. Стыд вызывает все – социальное положение, экономика, реформы, политические преследования и, конечно же, коррупция. Среди положительных явлений назывался лишь рост обороноспособности страны.

Новая Россия не является ценностью – за нее только стыдно. При проведении интервью задавался вопрос: «Какие события прошедших 20 лет, с Вашей точки зрения, нуждаются в увековечивании городскими памятниками?» На этот вопрос респонденты либо затруднялись ответить, либо давали категоричный ответ: «Ничего». После небольших раздумий многие называли негативные события – терроризм (мемориал жертвам террора), чеченские войны (памятник российским солдатам, погибшим в Чечне), гибель подлодки «Курск».

История и консолидация

Общая история, общие трагедии и достижения объединяют людей на огромном пространстве. Нация конструируется во многом за счет восприятия истории как единого прошлого, она консолидируется позитивными ожиданиями единого будущего. Наши респонденты теоретически осознают роль истории как объединителя. В той или иной форме об этом заявили почти все опрошенные, например так: *«У нас богатая история, много всего было и, конечно, мы объединены тем, что было, в какой то мере...»*, *«Ну это же история, наши предки, мы должны гордиться тем, что было»* [МГИМО, 20 и 19 лет]. Однако когда беседа смещалась с оценок того, как должна влиять история, на то, каково ее реальное влияние на объединение, выяснялось, что не все народы РФ могут быть включены в общую «нашу» историю. Практически все опрошенные предлагают исключить из этой истории «кавказцев», вспоминая

¹² Гудков Л. Указ. соч. С. 147.

коллорабационистские движения на Северном Кавказе в 1940-х годах, депортацию многих народов этого региона и кавказскую войну в XIX веке: «*Мы против них воевали постоянно, чего же еще*» [МГППУ, 21 год]. То обстоятельство, что российская история, особенно военная, не может быть воспринята кавказцами как своя, выражается и в такой завуалированной форме: «*Наверное, им (детям, будущим жителям страны) будут интересны научные достижения, но не военные заслуги... это не будет объединять*» [МГУ, 21 год].

Тенденция исключения кавказцев из общероссийской общности и придания им образа «врага» проявилась не только в нашем весьма локальном исследовании, но и в целой серии репрезентативных исследований Левада-Центра¹³.

Наше исследование не могло соревноваться с массовыми социологическими опросами по репрезентативности, но обладало своими преимуществами перед ними. Наши респонденты сами выбирали стиль беседы, слова, термины, и это дало дополнительную информацию о состоянии массового сознания. Например, важно отметить, что опрошенные не пользовались общими, объединительными терминами. Никто не использовал слово «россияне» и даже такие эмоционально нейтральные термины, как «граждане России» и «жители страны». Зато широко использовались все формы разделительных определений по географическому признаку: «южане», «волжане», «кавказцы», а также по этническому признаку – «русские», «нерусские».

Когда мы вслушивались в размышления наших собеседников, у нас складывалось впечатление, что их коллективная идентичность выстроена на основе жесткой дихотомии «друг – враг». Московским студентам кажется, что существуют коренные различия не только

между столичными и нестоличными жителями, но и просто между людьми из разных регионов. «*Да во многих регионах черт знает что происходит, живут там как в своем мирке каком-то*». Причем отличие жителей кавказских регионов ощущается особо остро: «*Ну я много где был по России и могу точно сказать, что люди в Петрозаводске, Омске, Ростове другие. У них свои какие-то правила и представления о поведении. И они не только от московских отличаются, но и между собой... Кавказцы вообще отдельная тема. Они другие... С ними общего ничего нет*» [МГТУ им. Баумана, 22 года].

Звучит все это весьма пессимистично, и локальность нашего исследования, казалось бы, позволяет отнестись к таким обособительным высказываниям с сомнением. Однако и компаративные исследования дают представление о том, насколько дезинтегрирована Россия в сравнении с другими странами: «Россияне в минимальной степени (в сравнении с населением других стран мира) ощущают единство со своей страной или, что то же самое, в максимальной степени отчуждены от нее. Примечательно, что степень отчужденности находится у россиян на том же уровне, что у арабского населения Израиля, этнически отличающегося от титульного населения страны»¹⁴.

Респонденты полагают, что и в будущем культурное сближение народов России маловероятно, по крайней мере с народами Северного Кавказа. Как считают участники опроса, с кавказцами их детям будет тяжело найти общий язык. По этому поводу звучат как радикальные заявления: «*Я сделаю все, чтобы мои дети вообще с ними не учились*», так и не столь категоричные: «*Ну если они (школьники-кавказцы) будут забывать про свою родину и захотят узнавать нашу (!) историю, то тогда все нормально будет... Они*

¹³ Гудков Л. Указ. соч. С. 227.

¹⁴ Магун В., Магун А. Связь со страной и гордость за ее достижения [http://www.ecsocman.edu.ru/data/116/774/1223/Magun_Identichnost-dve_statii_vmeste.pdf].

же тоже в большом городе выросли» [МГИМО, 20 лет].

Возможно ли изменить сложившиеся дезинтеграционные тенденции, и какова роль в этом коммеморативной политики? Опрошенные студенты весьма скептически оценивают роль памятников в повседневной жизни, а весь предшествующий анализ должен был показать, что символическая среда города действительно мало значима для большинства из них. Функцию ознакомления с городскими памятниками своих будущих детей респонденты полностью перекладывают на школу. Они полагают, что в школе уделяют достаточно времени экскурсиям и рассказывают все, что надо знать: «Что Вам запомнилось самым из школьных экскурсий? – Пушкинские места, военные мемориалы, исторические музеи. – Этого достаточно будет Вашим детям, как думаете? – Ну да, а что еще показывать-то?» [МГУ, 23 года].

Место для встречи: «у Косого»

Наиболее существенные для нашей темы выводы мы получили из сопоставлений оценок важности тех или иных исторических событий с оценками роли памятников, которые их символизируют. Эти результаты просто обескураживают. Оказывается, между этими явлениями у наших респондентов не обнаруживается никакой связи (см. табл.).

Так, при высокой значимости военных побед и гордости за них из 30 опрошенных только двое вспомнили о Парке Победы при перечислении памятников и мемориалов Москвы. Этот пример лучше других показывает крайне не малую роль городских памятников в сознании московских студентов.

Важное место в истории России наши респонденты отвели и полетам в космос, но только две из них вспомнили о монументе на ВДНХ, посвященном этим событиям.

А вот достижения России в культуре и искусстве оценили в качестве значи-

Таблица
Частота упоминаний исторических событий и памятников, посвященных этим событиям

Историческое событие	Памятник, мемориал
Победа в ВОВ (27 из 30)	Парк Победы (2 из 30)
Полеты в космос (25 из 30)	Монумент покорителям космоса на ВДНХ (2 из 30)
Достижения в области культуры и искусства (4 из 30)	Памятники деятелям культуры и искусства (30 из 30)

мых лишь четыре из тридцати студентов, но зато все помнят памятники в Москве великим русским писателям. Оказывается, Пушкин действительно «наше все», но только как памятник у кинотеатра «Россия».

Макс Вебер мечтал о расколдованном мире, о рациональном сознании, которое вытеснит мифологическое. Так вот его мечта свершилась в России, хотя и весьма своеобразно. Для большинства опрошенных нами студентов московские памятники вовсе не сакральные символы, а весьма прагматические визуальные точки, ориентиры для назначения свиданий. Это объекты, металлические или каменные, стоящие или сидящие, возле которых часто ставят городские скамейки.

Итак, памятник перестает нести сакральный смысл, становится элементом городского декора, точкой ориентирования. Некоторые респонденты чувствуют, что должны осознавать особую «образовательную» функцию памятника, но для себя отмечают, что чаще и не знают, кому, зачем и когда поставлен мемориал: «У нас на районе есть памятник Хо Ши Мину, но кто он такой, я не знаю... Мы его с парнями “Косым” называем, когда договариваемся о встрече: “Встречаемся у Косого”» [МФЮА, 22 года].

Здесь важно отметить, что наше исследование подтверждает выводы ряда российских социологов о сильном разрушении остатков советского сознания, особенно у молодежи. Так, большинство опрошенных знают о тех временах, когда СССР был мировой сверхдержавой, окруженной сообществом стран-сателлитов, и сожалеют о том, что это время ушло. Однако мало кто помнит о тех политических персонах (таких как Хо Ши Мин), которые олицетворяли влияние Москвы, скажем, во Вьетнаме. Студенты по большей части не интересуются этим. Их великодержавие носит остаточный и неглубокий характер.

Точно так же и интерес к военным победам СССР и досоветской России сегодня выглядит всего лишь как коллективная мода, не ставшая индивидуальной ценностью. Принято восторгаться победами, и респонденты лениво демонстрируют такой восторг, не пытаясь доказать его ни реальным интересом к ветеранам, живущим рядом, ни знанием памятных мест, символизирующих эту победу, не говоря уже о готовности самим стать воинами и служить в армии.

Интерес к победам в космосе лишь частично компенсирует нынешний дефицит поводов испытывать гордость за свою страну и к тому же является поверхностным. Ныне не наблюдается не только интереса к памятникам космонавтам и музею космонавтики, но и тяги молодежи к занятию космонавтикой или авиацией, как это было в советские годы.

Даже если сильно принизить значение нашего весьма камерного исследования, оно все же, на наш взгляд, указывает на диагноз социальной болезни значительной части московского студенчества – крайнюю социальную апатию и пугающе низкий общекультурный уровень, создающий благоприятные условия для размножения в такой среде разного рода фобий.

Значимые события, сшивающие в единое целое исторические эпохи, воплощаются в символе. Памятник помогает осваивать городское пространство, делает его живым и своим. Он властвует над пространством, а такая власть, по мнению Пьера Бурдьё, является самой сильной властью¹⁵. Однако все это начинает работать только в том случае, если памятник замечают окружающие его люди. Мы живем в эпоху, когда памятники становятся незаметными, поскольку люди к ним безразличны.

Политики, которые воюют за выделение миллионов рублей на создание разного рода памятников и мемориальных комплексов, должны были бы задуматься над тем, кто кроме официальных иностранных делегаций будет их посещать. Сегодня нужны вложения в гуманитарное образование, развивающее интерес молодежи к памяти и памятникам. Еще раз повторим слова Пьера Нора о том, что память нуждается в постоянном напоминании.

¹⁵ Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алтейя, 2007. С. 110.

История в российском сегменте Интернета: репрезентация и достоверность

Всегоднешней России историческое знание становится одним из важнейших символических ресурсов современного общества, находящегося в интенсивном поиске новой коллективной идентичности. При этом интернет-ресурсы по национальной истории все чаще выступают для рядового читателя главным источником знаний о прошлом, играя решающую роль в формировании массового исторического сознания. Однако качество и аутентичность исторических материалов, выкладываемых в Интернете, — одна из самых острых проблем его российского сегмента. Существует ли надежный способ сохранения истории в сети? Возможно ли остановить поток некачественной, недостоверной (по мнению профессионалов) исторической информации? На эти вопросы в условиях нарастающей «массовизации» и твиттеризации исторического интернет-пространства до сих пор нет однозначного ответа.

Кроме того, в этой ситуации совершенно по-новому осознается то обстоятельство, что новые информационные и коммуникационные технологии никогда не были чисто техническим явлением, а оказались способными порождать новые социокультурные и когнитивные реалии¹. Стремительное распространение интернет-технологий приводит к тому, что цифровая история становится не только исследовательским подходом к изучению прошлого, способом обучения истории и распространения исторических знаний, а всемирная сеть — не просто новой ареной для профессиональной научной деятельности и

Тетерева Татьяна Павловна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной
истории Северного (Арктического)
федерального университета имени
М.В. Ломоносова

Реут Олег Чеславович,
кандидат технических наук,
докторант, доцент кафедры
истории стран Северной Европы
Петрозаводского государственного
университета, Former Kennan
Institute Short Term Scholar

¹ Друк В. Автор 2.0: новые вызовы и возможности // Новое литературное обозрение. 2009. № 100.

коммуникации², способствующей более глубокому освоению исторического материала, введению в научный оборот новых источников, а также новых способов их хранения и обработки.

Переход к «истории 2.0» породил целый ряд проблем и научно-практических вопросов, связанных с превращением исторического знания в один из элементов новой, дигитально организованной медийной культуры. Переход к медийности обусловил серьезные качественные изменения, прежде всего, в способах репрезентации исторического знания, а также в подходах и принципах определения его достоверности. Эти изменения связаны с такими качествами новых медиа, как высокая емкость, доступность, гибкость, гипертекстуальность, многообразие, управляемость (манипулируемость) и интерактивность³. Все они сущностно важны для понимания проблем репрезентации исторических материалов в сети и формирования новой парадигмы достоверности «он-лайн знания», однако в рамках данной статьи имеет смысл особо остановиться лишь на двух из них: интерактивности и гипертекстуальности.

Интерактивность предусматривает не только количественное расширение возможностей диалога между профессионалами, но и качественные изменения в характере и способах взаимодействия на границе и за пределами профессионального исторического сословия. Это приводит к изменению иерархии функций общественно-гуманитарных исследований. Только информационная и только ценностная функции все более дополняются коммуникативной. Наблюдается последовательный переход от односторонней модели взаимодействия к двусторонней. Своеобразное пересечение коммуникативной и ценностной функций способствует формированию сложно организуемых каналов

социального участия, что нашло свое отражение и в жанровом многообразии, и в содержательном наполнении российского интернет-пространства.

Общеизвестно, что в современном российском Интернете существует огромное количество разного рода ресурсов по истории. Их можно классифицировать по различным критериям: по хронологическим рамкам, представленному региону, тематике. Создаются эти ресурсы несколькими группами авторов: (1) профессионалами; (2) непрофессиональными историками: (а) историками-любителями, самостоятельно осуществляющими исторические изыскания, и (б) популяризаторами истории; (3) теми, кого принято именовать «носителями исторической памяти». В российском сетевом пространстве представлены все основные жанры исторических веб-сайтов: (1) посвященные публикации и систематизации первичных источников (базы данных и т. п.); (2) публикующие вторичные источники (научную и публицистическую литературу по истории; кинодокументалистику и другие аудио-визуальные материалы и т. п.); (3) образовательные ресурсы; (4) дискуссионные площадки (ориентированные на он-лайн диалог); (5) организационные сайты (представляющие информацию об историческом сообществе).

Нужно отметить, что проблема классификации исторических сайтов остается до конца нерешенной. Кроме того, жанровые границы в российском Интернете размыты, зачастую на одном и том же ресурсе представлены материалы разной жанровой принадлежности. Тем не менее сам факт жанрового позиционирования того или иного интернет-ресурса очень важен. В условиях медиатизации истории он имеет непосредственное отношение к ожиданиям аудитории относительно процесса про-

² Cohen D.J., Frisch M., Gallagher P., Mintz S., Sword K., Taylor A.M., Thomas III W.G., Turkel W.J. Interchange: The Promise of Digital History // Journal of American History. 2008. September. Vol. 95. No. 2.

³ Cohen D., Rosenzweig R. Digital History: A Guide to Gathering, Preserving, and Presenting the Past on the Web. University of Pennsylvania Press, 2005.

изводства, способа репрезентации и характера использования представленного знания, а также степени его достоверности. При этом в контексте коммуникативной парадигмы исторического знания дискурс достоверности соотносит концепты истинности и ложности посредством выявления таких качеств информации, как верифицируемость, непротиворечивость, актуальность, доступность и полнота.

Принципиально важно подчеркнуть, что сам дискурс достоверности как совокупность текстов, создаваемых для коммуникации в сфере общественно-гуманитарных исследований, направленных на уточнение пределов несомненной верности приводимых исторических сведений, в течение последних двадцати лет претерпел эволюционные изменения. В значительной степени они были предопределены трансформацией российского социально-политического пространства. Само проблематизирование исторического знания не являлось неизменным. В начале 90-х годов XX века стала предельно востребованной *история факта*. Предполагалось, что функции профессиональных исследований могут и даже должны редуцироваться до выявления и донесения публике набора достоверных сведений. Со стороны потребителей исторического знания сформировался устойчивый запрос на обязанность науки отождествляться с обеспечением доказательств и обоснований, предоставлением аутентичной и валидной информации. Достоверность оценивалась по степени фактического отсутствия привносимого исследователем субъективизма. Получалось, что только некие идеальные подлинность и правильность могут суммарно формировать достоверность, а собственно продукт исторических исследований, таким образом, не должен вызывать сомнений.

Указанный запрос на предоставление исключительно фактологического материала, пожалуй, во многом может быть объяснен желанием россиян по возможности быстрее преодолеть цен-

ностно-идеологическое прочтение истории, которое до этого прививалось на протяжении нескольких поколений. Социально-политический режим предписывал скорее не созидание новых реалий и не критическое переосмысление исторических обстоятельств, а устранение последствий авторитарного отношения к сфере общественно-гуманитарных взаимодействий.

Со временем, однако, стала складываться ситуация, при которой под уже почти полностью истончившимся слоем практически единственно возможного восприятия исторического знания все яснее стала проступать готовность к ренессансу естественных ограничений кажущегося бесконечным фактологического потока. Вновь были подняты существовавшие задолго до появления виртуальной реальности вопросы относительно критериев отбора и систематизации при сохранении исторического материала, что само по себе предусматривает оценочность восприятия. Интернет с его, на первый взгляд, безграничными возможностями и массовым доступом обострил и переформатировал эти вопросы, несколько сместив акценты на механизмы и инструменты защиты информации.

Востребованной оказывалась *история мнений*. Важность собственно факта уступила место доступности его авторской трактовки. Искусственное создание идеологических систем представлялось уже невозможным, но все отчетливее стала проявляться опора на традиционные институты и социально-политическую пассивность россиян, осваивающих исторический материал и (ре-)транслирующих исторические интерпретации.

Сформировавшаяся демобилизационная стратегия, «режим разобщения», как и в целом состояние деполитизации, способствовали не только исключению реального плюрализма, вытеснению на дискурсивную периферию разнообразия социальных интересов, но и подавлению подлинной политической субъектности россиян. Повышенный

интерес к национальной истории явился естественным следствием усиления аскриптивной идентификации. Именно в таких условиях фиксируется спрос на авторитетное мнение, которое практически автоматически наделяется качествами подлинности, верности и надежности. Однако принципиально важно в этом процессе то, что носителями указанных мнений вовсе не обязательно выступают представители профессионального сообщества историков. В сторону понижения изменились требования к экспертно-академической статусности интерпретаторов, претендующих на агрегирование и артикуляцию исторического знания.

В этом контексте стоит обратить внимание и на тот факт, что большинство доступных сайтов с публикациями вторичных источников – научных и научно-популярных статей и книг – создаются не специалистами по историографии и даже не профессиональными историками. Казалось бы, в чем может заключаться проблема репрезентации научного знания, если сетевые публикации, как правило, содержательно повторяют аналогичный материал, существующий вне пространства сети (научные монографии, статьи, диссертации, документальные фильмы, историческую публицистику)? Если подавляющее большинство размещенных в сети текстов традиционны и чаще всего являются электронным воспроизведением существующего печатного издания, лишь с некоторыми изменениями, присущими электронной версии (например, новыми возможностями поиска)?

Тем не менее непрофессионализм публикаторов имеет значимые последствия для контекстуальной репрезентации исторического материала. Важнейшее из них парадоксально: новизна носителя не приводит автоматически к росту представленности в сети научно выверенной новизны интерпретаций; создатели подобных сайтов малочувствительны к новейшим тенденциям в развитии исторической науки, предпочитая выкладывать в сеть востребован-

ные в силу «проверенности временем» (что зачастую приравнивается к «достоверности») тексты. Еще одна проблема связана с нарушенной иерархизацией текстов, размещаемых на таких открытых ресурсах: из-за незнания современного историографического ландшафта серьезные научные работы размещаются «на равных» с явно маргинальными, а зачастую и псевдонаучными текстами, что создает характерную для ситуации медиатизации иллюзию «равенства мнений» академических историков и непрофессионалов.

В этом контексте «равенства мнений» необходимо упомянуть еще одно радикальное отступление от правил профессионального научно-исторического знания и принятых норм академизма – феномен «open source», т. е. «свободных» (открытых для модификации) ресурсов, и, в частности, претендующего на универсально-справочный характер «викизнания», участие в конструировании которого принимают (особенно в российском сегменте) не только и не столько профессионалы.

Не останавливаясь подробно на особенностях восприятия научного знания обыденным сознанием, стоит подчеркнуть, что в этой ситуации даже корректно (в содержательном и контекстуальном плане) представленный в сети академический нарратив имеет достаточно специфические пределы бытования. Обусловлено это несколькими факторами. Во-первых, закрытым характером многих профессиональных исторических ресурсов, недоступностью (в связи с проблемой авторских прав) для широкого читателя новейших исследовательских публикаций. Во-вторых, спецификой поисковых систем, иерархизирующих информацию не по принципу ее научной ценности, а по принципу востребованности, где академическая «хорошая/качественная история» безнадежно проигрывает медиатизированной «увлекательной истории».

В целом медийность истории превращает читателя в потребителя исторической информации. Его вкусы и запросы

отражают первые строки результатов, выдаваемых системами интернет-поиска, куда с трудом проникает научный исторический нарратив. Например, ожиданиям аудитории вполне отвечает медиатизация описания национально ориентированных особенностей исторического опыта, проявляющихся посредством межпоколенной трансляции норм и ценностей. Научная достоверность при этом замещается имитационными формами, простотой и однородностью, что делает ее чувствительно пластичной, податливой для внешнего воздействия.

Размывание границ научности исторического знания в сети, крайняя ограниченность и специфичность репрезентации академического текста, поворот аудитории к «истории мнений» с ее особым дискурсом достоверности приводят к возрождению в российском массовом сознании представлений о принципиальной ненаучности истории. В данном контексте изменяется сама ценность достоверности. Отрицается приоритет понятия «достоверность» над прочими, что в определенный момент создает условия для расширения минимального набора правил, регулирующих приращение исторического знания. Пределы несомненной верности приводимых исторических сведений оказываются постоянно уточняемыми, а значит, дискурсивными.

Этот дискурс изначально выстраивается с ориентацией не на объекты «высказывания», а на определение границ и пределов того, о чем можно и следует говорить. Социально-политическая апатия нулевых годов в значительной мере увеличила готовность массовой аудитории к восприятию исторических сведений, обладающих имитационной достоверностью. Непрофессионалам оказалось легче и даже соблазнительнее отрешиться от рационального потребления ставших до-

ступными исторических знаний и их критического переосмысления. Во многом этому способствовал и отказ от преодоления отчужденности и недоверия к так называемой официальной истории.

В этих условиях в российском обществе трансформируются функции профессионального историка. Он не только утрачивает своеобразную монополию на историческое знание, но и лишается положения единственного поставщика исторической информации и единственного, с точки зрения массового сознания, обладателя «достоверного знания». Поставка информации осуществляется дилетантами – авторами публицистических текстов, краеведами, готовыми «делиться контентом» владельцами личных архивов, коллекционерами, изобретателями традиций. Одним словом, рядовыми и одновременно увлеченными интернет-пользователями, претендующими на указанное выше «равенство мнений».

Профессиональный историк в такой ситуации уже не должен просто выявлять и доносить достоверные факты, но обязан в неперемennom порядке обладать собственным мнением об этих фактах и квалифицированно его формулировать. В этом смысле, осознавая, что источники остаются единственным тестом на профессиональную идентичность, историк должен не сообщать, а говорить.

«Говорение в сети» при этом оказывается серьезным вызовом для профессионального исторического сообщества. Консерватизм академического стиля зачастую не выдерживает испытания гипертекстуальностью, хотя изначально именно с гипертекстом, который «обладает замечательной возможностью показа интерпретации... вместе с тем рядом данных, на котором эта интерпретация основана», связывались надежды на придание истории «тех черт научности, которых ей до сих пор не хватало»⁴.

⁴ Предполагалось, что гипертекст поможет выявить фактические и методические основания исследовательской работы ученого-историка: «исследование может быть повторено, если представлены данные и методы. Мы можем до бесконечности дискутировать по поводу интерпретации истории, но в конце концов мы сможем провести верификацию, проверить корректность анализа, на котором базируется интерпретация» (Веллинг Дж.М. Выступление на круглом столе «Методологические проблемы исторической информатики и квантитативной истории» // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 1996. Ноябрь. № 19 [<http://kleio.asu.ru/aik/bullet/19/36.shtml>]).

Гипертекстуальность (нелинейность), которая предусматривает возможность продвижения в пределах исторического нарратива множественными и зачастую непредсказуемыми маршрутами, качественно и необратимо изменила саму стратегию чтения научного текста в он-лайн условиях.

Процесс чтения гипертекста все более превращается в «сад расходящихся тропок». «Кликовое чтение», как минимум, нарушает каноны, сложившиеся при чтении печатного текста (тезис в начале, качество сносок, выводы в конце); как максимум – разрушает негласный «общественный договор» между автором научного исторического текста и его читателем (автор, со своей стороны, дает организованный, аргументированный и документированный текст, а читатель, со своей – обязуется потратить некоторое время на его чтение)⁵. В такой ситуации цельный исторический метанарратив, еще в XX веке испытывавший серьезный удар от постмодернистской методологии, окончательно рассыпается на самодостаточные фрагменты. В интернет-пространстве, таким образом, ускоряется объективный процесс «измельчения» исторического знания, возникший как «адекватный ответ историков на вызов актуальной

социокультурной ситуации», а исследователи становятся более чуткими к альтернативным формам исторической репрезентации⁶.

Эти новые формы связаны с упоминавшимися вначале особенностями он-лайн знания, которые позволяют по-новому конструировать исследовательское пространство и коммуникативную среду, представлять не только «чистой водой вариант» и формальные компоненты исследовательской работы, но и те виды открытий и размышлений, которые находятся на обочине традиционно понимаемого научного исследования. Технологии Веб 2.0 становятся не просто наилучшим, а по большому счету единственным способом репрезентации подобных материалов. В качестве частных примеров стоит упомянуть такое явление, как сетевые научно-исторические сообщества, но прежде всего – профессиональных историков, ведущих собственный блог. Именно появление подобных форм репрезентации научного исторического знания способствует его принципиально новому качеству, разрушая барьеры, традиционно разделявшие академических историков и массовую аудиторию, рабочие заметки и заверченный научный текст, слово и визуальный образ, прошлое и настоящее.

⁵ Rosenzweig R. The Road to Xanadu: Public and Private Pathways on the History Web // Journal of American History. 2001. Vol. 88.

⁶ Маловичко С.И. «Измельчение» исторической науки: актуальные историографические практики // Харківський історіографічний збірник. Харьков: Изд-во НУА, 2008. Вып. 9.

Многокультурное согражданство в России: есть ли альтернатива?

Одним из центральных векторов постсоветских реформ стал процесс нациестроительства в современной России. Примечательно, что он развернулся в условиях дестабилизации и трансформации национальных государств образца XIX – начала XX века, ориентированных на интеграцию значительных территорий в суверенную политическую единицу, «переплавливание» и нивелирование этнокультурных различий и ассимиляцию меньшинств. Расширяющиеся в контексте глобализации транснациональные связи стали благоприятным фоном для возрождения «старых» этнических и региональных идентичностей, актуализации притязаний этнических, религиозных и языковых меньшинств, широкомасштабной иммиграции. Культурное многообразие наций-государств начала XXI века, в том числе и Российской Федерации, стало тем серьезным социальным вызовом, от реагирования на который зависит их благополучие и будущее. В начале 2011 года «мультикультура» в России получила весомую политическую поддержку со стороны президента Дмитрия Медведева¹, но по-прежнему остается немало вопросов о том, как эта идея должна быть воплощена на практике.

Тема мультикультурализма актуальна и значима для современной России, являющейся одновременно многонациональной и полиэтнической страной². Многонациональность выступает

*Лилия Равильевна Низамова,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии Казанского
(Приволжского) федерального
университета*

¹ Медведев считает опасными рассуждения о «крахе мультикультуры» [<http://ria.ru/politics/20110211/333250655.html>] (11 февраля 2011 года).

² См. о двух типах многокультурности: многонациональности и полиэтничности: *Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford University Press, 1995.*

историческим фактором объединения в единое государство прежде политически самостоятельных и самоуправляемых территорий и выражается в современной России в существовании статистических национальных меньшинств, многие из которых сегодня являются «титულными национальностями» (татары, башкиры, якуты, чеченцы, ингуши и другие). Полиэтничность – относительно новое явление, ставшее результатом растущей иммиграции в страну в последние 15 лет. Зачастую именно со значительным притоком мигрантов связывают расширение дискурса мультикультурализма в странах Старого света.

Однако очевидно, что в нашей стране существует немалая предубежденность в отношении мультикультурного будущего для России. Мультикультурализм странным образом ставится в один ряд с национализмом и сепаратизмом, увязывается с якобы возможной сецессией, что явно искажает его ключевые принципы, главный из которых – ориентация на «включение» и интеграцию ранее исключаемых групп, а не отделение и создание новых социальных барьеров. В западном дискурсе критике подвергается мультикультурализм, который называют «мозаичным» (по терминологии Сейлы Бенхабиб³) или «фрагментарным» (Мишель Вевьерка⁴), или «параллельным» (Кристоф Цюрхер⁵), или «неистовым и разобщающим» (Майкл Уолцер⁶). Сейла Бенхабиб поясняет: «Под радикальным или мозаичным мультикультурализмом я понимаю точку зрения, согласно которой группы людей и культуры пред-

ставляют собой четко разделенные и идентифицируемые общности, которые сосуществуют друг с другом подобно элементам мозаики, сохраняя жесткие границы»⁷. К другим серьезным дефектам мультикультурализма его критики относят: (а) создание радикальным («мозаичным») мультикультурализмом «угрозы» национальной гармонии и единству; (б) то, что «коллектив ставится выше индивида», а значит, оспаривается либеральный принцип приоритета прав индивида в пользу коллективных прав и интересов; (в) неспособность наряду с этническим плюрализмом признать и культурную гибридность и формирование космополитических или смешанных идентичностей.

К тому же сегодня отечественная позиция по вопросу формируется под влиянием публичных заявлений о провале политики мультикультурализма в Европе. Лидеры таких влиятельных государств, как Германия, Франция, Великобритания, Испания, признали полную несостоятельность попыток построить мультикультурное общество из-за нежелания и неготовности иммигрантов (особенно мусульман) интегрироваться в принимающих государствах, отказа следовать западным ценностям (нормам равноправия, главенства закона, свободы слова и т. д.), предпочтения коммуитарных порядков, а также угрозы распространения исламского экстремизма⁸. При этом российские аналитики упускают из внимания тот факт, что речь идет о неудовлетворительных результатах этой политики прежде всего в отношении иммигрантских групп, а не автохтонных национальных мень-

³ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003.

⁴ Вевьерка М. Формирование различий // Социологические исследования. 2005. № 8.

⁵ Цюрхер К. Звездные войны, постмодернизм и столкновение цивилизаций // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии и Институт философии РАН, 2002.

⁶ Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

⁷ Бенхабиб С. Указ. соч. С. 9.

⁸ Саркози признал провал мультикультурализма [<http://lenta.ru/news/2011/02/11/fail/>] (11 февраля 2011 года); Британский премьер осудил политику мультикультурализма [<http://lenta.ru/news/2011/02/05/multicult/>] (5 февраля 2011 года); Меркель признала провал мультикультурной модели [<http://lenta.ru/news/2010/10/17/merkel/>] (17 октября 2010 года).

шинств. В отношении национальных, этнических, языковых групп сограждан она нисколько не оспаривается. Напротив, созданы и активно продвигаются на практике международные нормы защиты равноправия и недискриминации, поддержки национальных меньшинств. Среди них: Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств (1995), Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств (1992), Гаагские рекомендации по правам национальных меньшинств на образование (1997), Рекомендации по языковым правам национальных меньшинств, принятые в г. Осло (1998), Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (1990) и многие другие.

Вместе с тем опыт реализации мультикультурализма в странах Западной Европы в последние десятилетия позволил существенно уточнить ориентиры в целях развития либеральной демократии, установления оптимального баланса между крайностями «коммунитаризма» и «абстрактного универсализма», содействия демократическому включению так называемых «исключенных групп». Важным политическим документом стала «Белая книга по межкультурному диалогу» Совета Европы: «Жить вместе в равном достоинстве», утвержденная министрами иностранных дел стран – членов Совета Европы в Страсбурге в 2008 году.

В ней ассимиляция и мультикультурализм рассматриваются как полярные стратегии в отношении культурного многообразия. Отмечается, что ассимиляция доминировала с 1870 по 1945 год в период формирования и расцвета национальных государств в Западной Европе. Мультикультурализм как конкретный политический подход предполагал «...признание особой жизненной

модели меньшинств в качестве равной модели “принимающего” большинства»⁹. Казалось, что это принципиально отличающаяся от ассимиляции практика, но «на деле мультикультурализм зачастую основывался на том же схематическом видении общества по модели “большинство – меньшинство”; ее отличие заключалось в поддержке отделения меньшинства вместо ассимиляции в большинство»¹⁰. Нельзя не признать, что в этом случае вновь речь идет о вызывающих озабоченность дефектах «фрагментарного» или «мозаичного» мультикультурализма.

В качестве основного пути решения назревших проблем предлагается политика обеспечения межкультурного диалога. Среди ее преимуществ названы: возможность «избежать разделения по этническому, религиозному, лингвистическому принципам», «вместе идти вперед и на основе разделяемых всеми универсальных ценностей находить конструктивный и демократический подход к нашей различной идентичности»¹¹. В результате должна сложиться «межкультурная система», которая возьмет лучшее из предыдущих моделей: из концепции ассимиляции – интерес к индивидуальной личности, ее правам и свободам, а у мультикультурализма – признание факта культурного многообразия. Помимо этого добавляется «новый элемент – крайне важный для интеграции и социального сплочения – диалог на основе равного достоинства и общих ценностей»¹². При этом сделана оговорка, что «межкультурный диалог не панацея от всех зол и не дает ответа на все возможные вопросы; необходимо признать, что сфера его применения может оказаться ограниченной». Немаловажно, что идеи книги сами являются результатом межкультурного диалога. На современном этапе не толь-

⁹ Белая книга по межкультурному диалогу: «Жить вместе в равном достоинстве». Страсбург: Совет Европы, 2009. С. 19–20.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 20.

¹² Там же.

ко Совет Европы, но и структуры ООН делают акцент именно на межкультурном и межрелигиозном взаимодействии, взаимопонимании, способности договариваться и действовать сообща в соответствии с общими ценностями и интересами¹³.

Одним словом, осознание негативных и проблемных сторон политики культурного плюрализма последних десятилетий и даже заявления о «провале мультикультурализма» не предполагают отказа от стратегий поддержания и развития культурного многообразия. Речь идет о нахождении оптимального баланса между сохранением этнокультурной отличительности и гражданским включением, правами индивида и коллективными правами, о продвижении «интегративного» или «демократического» мультикультурализма. Ассимиляция же в условиях XXI века может рассматриваться как разновидность нового расизма: «сообщить группе, что ее идентичность должна исчезнуть и раствориться, равносильна ее дискредитированию, отрицанию и презрению, рассмотрению ее как опасности», – считает французский социолог Мишель Вевьерка¹⁴.

Так может ли наша страна в контексте вышесказанного отказаться от реализации той или иной модели мультикультурализма и межкультурного диалога? Думается, что нет в силу целого ряда причин. Среди них выделим следующие:

1. Российская Федерация взяла на себя международные обязательства по сохранению и развитию культурного многообразия, а меньшинства, в свою очередь, могут использовать наднациональные механизмы для продвижения своих интересов и прав. Так, например, в 1998 году Россия ратифицировала Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств. Механизм реализации конвенции предполагает, что раз в пять лет страна, следующая меж-

дународным нормам, отчитывается о ходе реализации Конвенции и получает рекомендации от экспертов по выполнению взятых на себя международных обязательств. В последние годы в РФ реализуется совместная с Советом Европы трехлетняя Программа по продвижению Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств, апробация ее положений на практике в пяти пилотных регионах (в настоящий момент Хартия в РФ не ратифицирована, хотя она и была в 2001 году одобрена и подписана). Подписание Рамочной конвенции во многом стало возможным благодаря тому, что в постсоветской России как правопреемнице СССР были официально закреплены основы реализации следующих принципов международного соглашения: формальное равенство перед законом и запрет на дискриминацию; создание условий для сохранения культуры и основных элементов самобытности: языка, традиций и культурного наследия; учреждение и поддержка СМИ национальных меньшинств (печати, радио, телевидения, кинематографической деятельности); свобода пользования языком своего меньшинства в личной жизни и общественных местах; обеспечение равных возможностей доступа к получению образования всех уровней; право пользования своим именем (фамилией, именем, отчеством) на языке меньшинства и его официальное признание и другие.

2. Мультикультуралистские ориентиры глубоко укоренены в политической истории России XX столетия, берут свое начало в том, что сегодня иногда называют «советский мультикультурализм». Практики «советского мультикультурализма» в поддержку национальных меньшинств и культурного разнообразия по инерции воспроизводятся в новой России, и не получится легко от них отказаться.

¹³ См. Издание ЮНЕСКО по межрелигиозному диалогу: Христианство и ислам в контексте современной культуры: межрелигиозный диалог в России и на Ближнем Востоке» / Под ред. Д. Спивака, Н. Таббара. Спб., Бейрут: ФКИЦ «Эйдос», 2009.

¹⁴ Вевьерка М. Формирование различий // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 20–21.

Конечно, принятую в СССР и РСФСР этнокультурную политику нельзя квалифицировать как мультикультуралистскую. В целом она носила непоследовательный и противоречивый характер. Положительные ее стороны не могли полностью скрыть выраженные негативные аспекты, не совместимые с идеологией и политикой современного мультикультурализма и межкультурного диалога (иерархическое «ранжирование» народов и этнических групп; избирательное воплощение принципа национального самоопределения; депортация целых народов (чеченцев, калмыков, балкарцев, крымских татар, карачаевцев, поволжских немцев и других); латентный антисемитизм). К тому же программная цель КПСС и советского государства исключала закрепление многокультурности, как идущей вразрез с «объективным процессом» формирования новой социальной общности — «советского народа». Этим советская этническая стратегия «интернационализации» напоминала идеологию «плавильного котла»¹⁵.

В 2000-е годы советская политика национальностей была подвергнута резкой критике как «волютаристская», «искусственная», «потерпевшая фиаско», а оппоненты многонационального федерализма усматривают в нем прямую угрозу целостности российского государства, препятствие на пути утверждения национального единства и источник сепаратизма и экстремизма. Судьба распавшегося СССР выглядит в их глазах неоспоримым подтверждением всех этих тревог. В целом это время выраженного неприятия мультикультуралистского будущего для России и приверженности идеалу «интеграции», сводящейся к унификации социального пространства культурных различий и формированию гомогенного полити-

ческого и культурного единства. Тем не менее сравнительный анализ российского законодательства по обеспечению сохранения и развития языков народов РФ и Европейской хартии, сделанный московскими экспертами, установил большую степень соответствия принципов российского национального и международного законодательства: «...российское законодательство вполне адекватно отражает основные требования и условия Европейской хартии, а в некоторых случаях и перекрывает в содержательном плане ее положения»¹⁶. И все же существование правовых норм, содействующих сохранению культурного многообразия, само по себе не решает всех проблем: в 2009 году ЮНЕСКО признала 136 языков народов, проживающих на территории России, находящимися под угрозой исчезновения¹⁷.

В начале второго десятилетия XXI века в условиях роста ксенофобии, расизма и усложнения межэтнических отношений в российском обществе возникает «ностальгический» вопрос: возможен ли перенос достижений и идеологической атмосферы «советского интернационализма» в Россию сегодняшнего дня для обеспечения межэтнического согласия, мира и политической интеграции? Думается, что отчасти возможен за счет последовательного продвижения идей многокультурности современной России (это означает, что все народы — государствообразующие, все языки — значимые), поддержки межкультурного обмена и диалога в рамках общих институтов и совместных практик на всех уровнях: федеральном, региональном и местном. Принятые де-юре правильные законы, запрещающие разжигание межэтнической розни и ненависти, должны безусловно работать де-факто и наказывать нарушителей. Если в СССР действовала

¹⁵ Низамова Л.Р. Российская модель мультикультурализма: источники, потенциал, ответы на этнополитические вызовы // Вестник Института Кеннана в России. Вып. № 10. М., 2006. С. 47.

¹⁶ Круговых И.Э. Российское законодательство, связанное с защитой и поощрением региональных языков или языков меньшинств. Экспертный доклад [http://www.coe.ru/news/project/index.php?ELEMENT_ID=99].

¹⁷ ЮНЕСКО посчитала исчезающие языки в России [<http://lenta.ru/news/2009/02/20/languages/>] (20 февраля 2009 года).

формула: «культура – национальная по форме, социалистическая по содержанию», то в РФ ориентиром должна стать «российская нация XXI века – одновременно мультикультурное, интеркультурное и демократическое согражданство». Однако серьезным препятствием на пути «повторения» опыта советского интернационализма и, что важнее, построения гражданской нации является фактическое неравноправие россиян и глубокое социально-экономическое неравенство в обществе. Действительно, идея политической нации как «горизонтального товарищества и братства» не предполагает равенства доходов и собственности, но строится на принципе уважения взаимных и равных прав и обязанностей. Очевидно, что нынешний российский неоэтакратизм не совместим с уравнительной идеологией советского этакратизма, так как зиждется на сплыве власти и собственности, их аккумуляции в руках немногих; права и свободы россиянина определяются в немалой степени величиной его экономического капитала. Следовательно, и имитация «советского интернационализма» в условиях усиливающейся поляризации общества и в отсутствие правового государства будет иметь свои пределы.

Равноправное многокультурное согражданство в РФ невозможно без соответствующей политики на федеральном уровне – последовательной и систематической. Пока же скорее отдельные регионы и региональные власти откликаются на интересы и потребности населения, гетерогенного с точки зрения этнического происхождения, языка и религии. Остановимся на характерном примере поликультурного (мультикультурного) образования в современной России. Данная концепция является новой для российского научного и политического дискурса, в нее вкладывается разный смысл и подразумеваются:

1. Национальная школа (школа с этнокультурным компонентом);
2. Система многоязычного, чаще двуязычного (билингвального) обучения;

3. Новые образовательные практики для детей-иммигрантов в крупнейших городах России (школы русского языка, дополнительные занятия по русскому языку в начальной школе для детей из семей иммигрантов).

Национальная школа как массовая и поддерживаемая государством организация берет начало в СССР. Статистика свидетельствует, что в 1960-х годах в РСФСР 47 языков применялось в обучении, к 1970-м годам их число сократилось до 30. В 1980-х годах полное среднее образование можно было получить на русском, татарском и башкирском языках. Стратегия «советизации» народов СССР и продвижение русского языка как общепонятного языка межнационального общения постепенно сокращали число национальных школ, особенно за пределами титульных территорий и в городах. В период 1990-х годов – в ельцинской России – «национальная школа» приобрела новые задачи, так как подпитывалась этническим национализмом меньшинств, требованиями признания и автономии. Так, например, в Татарстане была поставлена задача развития среднего образования на татарском языке (особенно в городах) в контексте утверждения паритета русского и татарского языков как государственных языков в регионе, достраивания системы национального образования до самого «верха» за счет учреждения Татарского национального университета (фактически до сегодняшнего дня он не создан). К концу 1990-х годов были открыты 124 татарских гимназии, 7 татаро-тюркских лицеев. Кроме того, республиканская система поликультурного образования включает: чувашские, марийские, мордовские школы, 400 смешанных школ с двумя или тремя языками обучения, воскресные еврейские, азербайджанские, армянские, украинские и другие школы.

Хотя татарские школы и гимназии должны были стать образовательными учреждениями с полным циклом обучения на национальном языке, на деле

они сегодня чаще всего являются школами с преподаванием на русском языке по федеральным образовательным стандартам. Цели сохранения этнической идентичности учеников и развития татарской культуры решаются с помощью уроков татарского языка и литературы, арабского и турецкого языков, истории татарского народа и иных предметов. Вместе с тем татарская общественность не удовлетворена имеющимся, в том числе и тем, что в ряде регионов и поселений татарские школы были закрыты, поэтому с 2005 года началась (пока неуверенная) реализация проекта «Татарская виртуальная гимназия», преподавание татарского языка посредством Интернета, чтобы с помощью информационных технологий преодолевать барьеры на пути национального образования.

Федеральные эксперты дают весьма оптимистическую оценку применению национальных языков в российском просвещении: на 2009 год 33 языка используются в системе воспитания и обучения, в том числе – 14 на ступени общего (полного) среднего образования¹⁸. В Москве работают 34 школы и 5 детских садов с этнокультурным компонентом¹⁹. Однако есть заметные асимметрии: федеральная политика поощряет изучение русского языка и иностранных, а языки меньшинств все менее востребованы и все больше маргинализируются, вытесняются в очень узкие социальные «ниши»: семью, родственные отношения, местные сообщества. Изучение русского языка является обязательным, а местных и региональных языков по сложившейся тенденции – скорее добровольным.

Система обязательного двуязычного обучения в Татарстане предполагает освоение всеми учениками не только русского, но и татарского языка. В духе интегративного мультикультурализма и межкультурного диалога этот подход

не предполагает разделения учеников по этническому происхождению и религиозной идентичности на уровне школ, создает условия для межкультурного общения, воспитания в духе терпимости и взаимного понимания. Определенные результаты такая политика уже принесла: если, по данным переписи населения 1989 года, 77,3% татар владели русским языком и только 1,1% русских – татарским, то в 2002 году 92% татар владели русским и 4% русских – татарским языком. Однако в 2010/2011 учебном году в Республике Татарстан раздается критика именно в адрес обязательного изучения татарского языка всеми учениками.

Активисты группы «Русский язык в школах Татарстана» обратились к министру образования Андрею Фурсенко с открытым письмом от имени 60 родителей. Письмо размещено в Интернете, активно и даже страстно там обсуждается. Поводом для жалоб русскоговорящих родителей стало то, что «во многих школах количество часов татарского языка превышает количество часов русского языка». Главным объектом критики стал вариант 3 Примерной общей образовательной программы (далее ООП) Федерального государственного образовательного стандарта (далее ФГОС) для начальной школы – «образовательных учреждений, в которых обучение ведется на родном (нерусском) языке, в том числе в субъектах Федерации, в которых законодательно установлено государственное двуязычие». ФГОС предполагает три варианта: обязательная часть раздела «Филология» варианта 1 исключает изучение родного (нерусского) языка; вариант 2 отводит объединенному предмету «Родной язык и литературное чтение» 12 часов в неделю, что составляет 40% от занятий, предоставляемых на изучение «Русского языка» и «Литературного чтения» на русском языке. Лишь вариант 3 следует

¹⁸ Тишков В.А., Степанов В.В., Функ Д.А., Артеменко О.И. Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации. Экспертный доклад [<http://www.coe.ru/doc/men/info/>].

¹⁹ Московский международный портал [http://www.moscow.ru/ru/guide/trip_planning/education/schools/education_foreigners/].

паритетному распределению учебных часов на русском и родном языке в одной из частей («Филология») ООП. Активисты считают, что русские не обязаны изучать татарский язык в объемах, сравнимых с часами, отводимыми на русский язык и литературу; что права русскоязычных в изучении русского языка ущемляются. В свою очередь татарская общественность напоминает, что предметы всех иных циклов помимо «Филологии»: математика и информатика, обществознание и естествознание и другие – изучаются исключительно на русском языке.

Позиция, при которой по умолчанию предлагается разделить учеников по этническому принципу и обучать отдельно их родным языкам (русских – русскому, татар – татарскому), является выражением критикуемого сейчас «фрагментарного», «мозаичного» мультикультурализма. Исключается возможность межэтнического равноправного взаимодействия, активного общения, то есть, по европейской терминологии, «межкультурного диалога», который сможет обеспечить формирование новой «межкультурной системы» и многокультурного согражданства. К сожалению, популярная многотиражная русскоязычная газета г. Казани стала выразителем претензий, которые высказываются противниками поликультурности и многоязычия в регионе.

Еще более агрессивно нетерпимость, ксенофобия, расизм и национализм в России проявляются в отношении образования мигрантов. Это подтверждают отзывы многих интернет-пользователей о вышедшем в 2010 году в Санкт-Петербурге «Русском букваре для мигрантов». Приведем типичную точку зрения: «Тоже возмущена тем, что неграждан печат и учат за мой счет, да еще спецусловия собираются им создавать. Чтобы работать дворниками и кровельщиками, образование не нужно»²⁰. Позиция

правозащитников, в частности мнение уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге о том, что дети мигрантов имеют право на образование в России, не встречает понимания. Опыт соседней Финляндии, где не только помогают детям иностранцев адаптироваться в чужой стране и выучить финский язык, но и содействуют сохранению своих традиций и культуры и для этого преподают 47 языков, вызывает агрессивную реакцию. Пока в России вопросами образования мигрантов занимаются только сами учителя, общественные организации при содействии зарубежных грантов и региональные власти (есть пример школ русского языка при поддержке правительства Москвы). Как свидетельствует иммиграционный опыт западноевропейских государств, аккомодация полиэтничности в России обязательно потребует принятия адекватных политических решений на федеральном уровне.

Реализация многокультурности и межкультурного диалога, формирование многокультурного согражданства в нашей стране предполагает проведение большой и систематической работы как федеральными, так и региональными органами власти России по воплощению таких важных принципов европейского соглашения, как признание права свободного выбора индивидом принадлежности к национальному меньшинству или отказ от членства; отказ от политики и практики ассимиляции лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, против их воли; готовность принять надлежащие меры для защиты лиц, которые могут стать объектами враждебности, дискриминации или насилия вследствие их этнокультурной и религиозной идентичности; обеспечение условий использования языков меньшинств в их отношениях с административными органами, и других²¹. В случае воплоще-

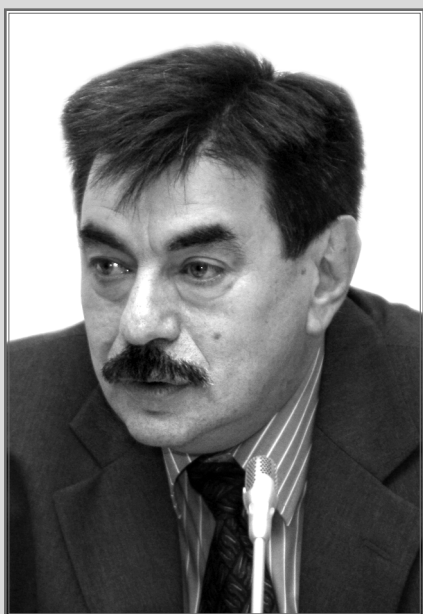
²⁰ День знаний в Петербурге: дети открыли Букварь для мигрантов [<http://www.baltinfo.ru/2010/09/01/Den-znani-v-Peterburge-deti-otkryli-Bukvar-dlya-migrantov-160390>] (1 сентября 2010 года).

²¹ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств и пояснительный доклад: русская версия. Страсбург: Совет Европы, 1998.

ния этих положений на практике будут наиболее полно реализованы права и свободы индивида в контексте продвижения отношений недискриминации в обществе, сохранения и развития групповых этнокультурных идентичностей, являющихся выражением расширяющейся культурной свободы.

День рождения великого поэта А.С. Пушкина 6 июня (Пушкинский день) в 2011 году приобрел в России статус Дня русского языка, который указом президента страны был объявлен новым ежегодным национальным праздником. Это решение могло бы приобрести поистине демократическое содержание, если бы одновременно наша страна активно поддержала и включила в национальный список

праздничных дат Международный день родного языка, который был учрежден ЮНЕСКО и отмечается 21 февраля в интересах поддержания языкового и культурного многообразия. Многокультурное российское согражданство должно стать новой политической программой, которая бы обеспечила равноправие, укрепление гражданского общества и социальное включение, независимо от этнического происхождения, языка и вероисповедания. Думается, что альтернативы многокультурному согражданству в России – иного выбора, наиболее полно соответствующего принципам гуманизма, равенства и демократии, а также вселяющего социальный оптимизм, – все же нет.

Эмиль Абрамович Паин,
доктор политических наук, профессор
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики», член Совета при
президенте РФ по развитию
гражданского общества и правам
человека, научный руководитель
московского офиса Кеннана,
Former Woodrow Wilson Center Guest
Scholar, Former Kennan Institute Galina
Starovoitova Fellow

Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму

О двух разновидностях критики мультикультурализма

Мультикультурализм до сих пор является одним из наиболее расплывчатых терминов политического лексикона, означающим лишь то, что в него вкладывает каждый говорящий. Защитники мультикультурализма рассматривают его как *характеристику современного общества*, представленного многообразием культур, и как *сугубо культурологический принцип*, заключающийся в том, что люди разной этничности, религии, расы должны научиться жить бок о бок друг с другом, не отказываясь от своего культурного своеобразия. А противники? Они, как правило, с этим не спорят и выступают против других сторон мультикультурализма, рассматривая его сквозь призму государственной политики, которая поощряет замкнутость культурных групп. Однако и среди политиков у мультикультурализма есть два вида критики.

Одну из этих разновидностей можно назвать шовинистической – это критика с позиции требований ассимиляции, замены естественно сложившегося ныне культурного разнообразия большинства развитых стран мира насильственной монокультурностью или доминированием некой одной культуры. Такое доминирование еще могло бы рассматриваться как достижимое в период распада империй и формирова-

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 11-04-0045 «Политика регулирования межэтнических отношений в связи с притоком иноэтнических мигрантов в крупнейшие города России (Компаративный анализ проблемы и выработка концептуальных основ политики)» по конкурсу Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» «Учитель – Ученики» 2011–2012 годов.

ния первых государств-наций. В современном же мире эта идея практически нереализуема, она представляет собой опаснейшую конфликтогенную утопию. В силу глобальных миграций и по ряду других причин даже самые этнически однородные страны – Армения, Исландия, Япония – все же культурно разнообразны (и в этом смысле мультикультурны). В современном мире нелегитимно проведение этнических чисток или обеспечение политической иерархии народов. Никто сегодня не признает такую иерархию. Люди живут не только в своей стране, но и в глобальном информационном пространстве. Система оценок, которая сложилась в мире, не допускает того, что есть старший брат, народ-хозяин, народ главный и народ неглавный. Эта идея не пройдет ни в Науру, ни в Вануату, ни тем более в крупных государствах Европы и Америки, а в России после периода «парада суверенитетов» об этом и заикаться нечего.

Есть и другая критика мультикультурализма – либеральная. Именно с ее позиции выступали ведущие политики Европы в конце 2010 – начале 2011 года.

Первой об этом заявила Ангела Меркель 16 октября 2010 года: «Национальные общины живут бок о бок в одной стране, но не взаимодействуют»¹. Именно это она назвала провалом, абсолютным крахом политики мультикультурализма.

Эту же идею подхватил президент Франции Николя Саркози. 12 февраля 2011 года он заявил: «Общество, в котором общины просто существуют рядом друг с другом, нам не нужны. Если кто-то приезжает во Францию, то он должен влиться в единое сообщество, являющееся национальным»².

На мой взгляд, наиболее рельефно охарактеризовал либеральную критику

мультикультурализма премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон. 5 февраля 2011 года, выступая в Мюнхене на международной конференции по безопасности, он впервые объяснил свои претензии к мультикультурализму, отмечая, что политиков не беспокоит наличие разных культур в едином государстве. Их беспокоит отсутствие у новых британцев единой гражданской, общebritанской идентичности. Великобритания, заявил премьер-министр, «поощряет параллельную, не связанную друг с другом жизнь различных культур», что приводит к «ослаблению коллективной идентичности». Такая ситуация способствует дезориентации юных мусульман, делая их восприимчивыми к воздействию экстремистских проповедников³.

В 2007 году в Англии было проведено авторитетное социологическое исследование, которое показало, что 30% британских мусульман не считают себя гражданами, не причисляют себя к британскому сообществу. Из этого лишено гражданской идентичности сообщества, защищающего только свою культурную специфичность, но не заинтересованного в сотрудничестве, как раз и формируется слой тех радикальных групп, которые участвуют в террористических актах или в коллективных погромах, бесчинствах на территории Британии, что и беспокоит премьер-министра прежде всего. Отсюда его программа, которую он назвал «энергичным либерализмом». Суть ее в гражданской интеграции. Она не вытесняет традиционную культуру, а дополняет ее. *Гражданская культура развивается не вместо национальных культур, а вместе с ними.* Это, правда, сказал не Кэмерон, а я, но в развитие идей, которые я вычитал у Кэмерона.

¹ Из выступления А. Меркель в Потсдаме перед молодежным крылом Христианско-демократического союза [<http://www.newstube.ru/media/angela-merkel-mul-tikul-turalizm-provalilsya>].

² Теперь и Саркози признал, что политика мультикультурализма провалилась (AFP, Франция) [<http://www.inosmi.ru/europe/20110211/166444540.html>].

³ Дэвид Кэмерон раскритиковал мультикультурную модель [<http://lenta.ru/articles/2011/02/07/cameron/>].

Итак, основное критическое замечание современных политиков к мультикультурализму состоит в том, что он не обеспечивает интеграции – важную сторону жизни людей в едином государстве. Во многих странах мира сформировались замкнутые моноэтнические, монорелигиозные или монарсовые кварталы и учебные заведения. В студенческих столовых возникают столы «только для черных». Появляются «азиатские» общежития или дискотеки для «цветных», вход в которые для «белых» практически заказан. В 2002 году имам небольшого французского города Рубо посчитал недопустимым въезд в этот населенный пункт Мартин Обри, известнейшей политической персоны – мэра города Лилль, впоследствии лидера Социалистической партии и кандидата в президенты Франции. Имам назвал этот городок «мусульманской территорией», на которую распространяется «харам», то есть запрет для посещения женщины-христианки⁴.

Это пример весьма распространенной и парадоксальной ситуации: мультикультурализм на уровне страны оборачивается жестким монокультурализмом и сегрегацией на локальном уровне. Такие же парадоксальные превращения происходят и с иными ценностями, которые в 1970-е годы лежали в основе самой идеи мультикультурализма. Эта политика, по замыслу ее архитекторов, должна была защищать гуманизм, свободу культурного самовыражения и демократию. Оказалось же, что на практике появление замкнутых поселений и кварталов ведет к возникновению в них альтернативных управленческих институтов, блокирующих деятельность избранных органов власти на уровне города и страны. В таких условиях практически неосуществима защита прав человека. Например, молодые турчанки, привезенные в качестве жен для жителей турецких кварталов Берлина, оказываются менее свободны-

ми и защищенными, чем на родине. Там от чрезмерного произвола мужа, свекра или свекрови их могла защитить родня. В европейских же городах этих молодых женщин зачастую не спасают ни родственники, ни закон.

В замкнутых исламских кварталах Берлина, Лондона или Парижа молодежь имеет значительно меньшие возможности социализации и адаптации к местным условиям, чем их сверстники, живущие вне этих добровольных гетто. Уже поэтому невольники общин заведомо неконкурентоспособны на общем уровне страны. К началу 2000-х годов в Берлине лишь каждый двенадцатый из турецких школьников сдавал экзамены за полный курс средней школы, тогда как из числа немецких школьников такие экзамены сдавал каждый третий выпускник. Понятно, что и безработица затрагивает молодых турок в значительно большей степени, чем немцев. В 2006 году 47% молодых турчанок в возрасте до 25 лет и 23% молодых турок являлись безработными и жили за счет социальных пособий⁵. При этом сама возможность получения таких пособий почти без ограничений по времени не стимулирует иммигрантов к интеграции в принимающее сообщество. Более того, социологические исследования показывают, что турецкая молодежь в Германии демонстрирует меньшее стремление к интеграции, чем турки старшего поколения. Вот это и есть реальное выражение краха политики мультикультурализма, точнее – политики культурной дезинтеграции.

Проблемы межкультурных отношений в России

В чем-то проблемы межкультурных отношений у нас еще сложнее, чем в Европе, несмотря на то, что те мигранты, которые попадают к нам, не столько культурно отчуждены от России, как люди, приезжающие, скажем, в Герма-

⁴ Из книги: *Caldwell C. Reflections on the Revolution in Europe: Immigration, Islam, and the West*. Doubleday, 2009.

⁵ Турецкое население Германии: этническая бомба замедленного действия [<http://www.nationalsecurity.ru/>].

нию или во Францию. Подавляющее их большинство – это выходцы из республик бывшего СССР. Они все владеют по крайней мере простейшими знаниями русского языка. Политическая среда этих республик не многим отличается от России, а к господствующей в постсоветских странах коррупции мигранты приспособлены еще лучше россиян. Но зато в России межкультурные проблемы возникают не только в связи с притоком иммигрантов, но и в отношениях между российскими гражданами разных национальностей и религий, между жителями разных республик Российской Федерации. Что такое 7 млн мигрантов по сравнению с 20 млн коренных народов России, исторически связанных с исламом? Многолетние исследования показывают, что с середины 1990-х годов наибольший уровень ксенофобии представители этнического большинства проявляют не к мигрантам из других стран, а к своим соотечественникам – гражданам России ряда национальностей республик Северного Кавказа⁶. При этом и социальное недовольство все чаще проявляется в форме этнических и религиозных фобий.

Как решать эти проблемы, российские власти не знают. После самых массовых за всю постсоветскую историю волнений русских националистов у Кремля, на Манежной площади (11 декабря 2010 года) президент Медведев заявил о необходимости признания русской культуры в качестве некоей доминирующей, нормативной, по отношению к которой должны выстроиться все остальные. То есть он поддержал идею монокультурализма. Спустя месяц на заседании президиума Госсовета России, обсуждавшего проблемы межнационального общения (г. Уфа, 15 февраля 2011 года), президент, напротив, пытался реабилитировать слово «мультикультурализм», заметив, что новомодный лозунг о провале политики мультикультурализма неприменим для

России. Так какую идею поддерживает российская власть – мультикультурализм или монокультурализм?

Что такое интеркультурализм?

На Западе тоже пока нет общепризнанных новых концепций в сфере межкультурного взаимодействия. На научном рынке конкурируют между собой идеи «культурной свободы», «разделения сфер культуры» и «интеркультурализма». Последняя, на мой взгляд, в наибольшей мере соответствует подходу, заявленному в «Белой книге по межкультурному диалогу» Совета Европы (2009). В этом подходе было выражено стремление видных европейских экспертов по вопросам межкультурного взаимодействия *не отменить, а всего лишь видоизменить мультикультурализм*, добавив к этой концепции задачу интеграции иммигрантов в принимающее сообщество.

Интеркультурализм неотличим от мультикультурализма в том, что оба подхода исходят из идеи культурного разнообразия мира и отдельных государств. В чем же различия между ними? *Мультикультурализм* нацелен прежде всего на *защиту культурных особенностей* и зачастую приводит к культурной замкнутости, тогда как *интеркультурализм* ориентирован на *поиск условий взаимодействия разных культур*. *Интеркультурализм предполагает наличие общих интересов у граждан разных национальностей и религий, объединяемых общей же гражданской ответственностью за свою страну*. Примерно так трактуется интеркультурализм в свежей коллективной монографии брюссельского Центра европейских политических исследований (CEPS), влиятельной организации среди чиновников европейских институтов⁷.

Движение от мультикультурализма к интеркультурализму заметно и на амери-

⁶ См., напр.: Паин Э. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: ИС РАН, 2004. С. 240–241.

⁷ Interculturalism. Europe and its Muslims in Search of Sound Societal Models / Ed. by Michael Emerson. Brussels: Center for European Policy Studies, 2011.

канском континенте, но пока как реальный политический процесс, с участием официальных лиц, развивается лишь в канадской провинции Квебек. Правительственная комиссия этой провинции по социальному контролю (ее называют также комиссией Бушара – Тэйлора по фамилиям ее председателей) еще в 2008 году призвала заменить «мультикультурализм», который, по ее мнению, «не подходит Квебеку», новым принципом – «интеркультурализмом»⁸. Как понимать на практике «интеркультурализм», из рекомендаций не совсем ясно. Понятно лишь, что этот принцип подразумевает более тесную интеграцию этнокультурных меньшинств на основе французского культурного субстрата, осуществляемую постепенно путем политики активного поощрения разнообразных взаимодействий между большинством (в Квебеке – франкоязычным) и меньшинствами. Эта политика не предусматривает ассимиляции. Ее цель – консолидация людей, не забывающих о своей особой религии и этническом происхождении, в рамках единой территориально-гражданской общности и культуры жителей Квебека. Однако при этом обязательным считается знание французского языка и уважение квебекских ценностей. Каких? Эти ценности обозначены маловразумительно.

Как будет внедрен интеркультурализм в стране, где мультикультурализм вписан в Конституцию как один из основополагающих ее принципов? Мультикультурализм, в соответствии с Основным Законом Канады, предполагает автономию меньшинств, дающую им право на сохранение собственной этнокультурной идентичности. На этой основе в провинции разгорается серьезнейший политический конфликт. Сторонники сохранения федералистских подходов в Квебеке, и прежде всего Либеральная партия, добиваются включения интеркультурализма в Конституцию Канады вместо мульти-

культурализма. Умеренные националисты Parti Québécois требуют включения интеркультурализма в Хартию прав и свобод Квебека и, таким образом, противопоставляют региональное законодательство федеральной Конституции Канады. Квебекские ультранационалисты отвергают даже идею интеркультурализма, ратуя фактически за полную ассимиляцию меньшинств (т.е. за монокультурализм), тогда как некоторые партии, защищающие права меньшинств, напротив, настаивают на сохранении мультикультурализма и в Квебеке, и в качестве общего для Канады принципа. В таких условиях премьер Квебека Жан Шарес пытается погасить эту концептуальную «войну» и не допустить перерастания «кризиса идей» в конституционный кризис⁹.

Этот, казалось бы, локальный политический пример дает представление о том, сколь непростой может быть судьба интеркультурализма не только в Квебеке, в Канаде, но и вообще в современном мире. Насколько разными могут быть интерпретации этого концепта. Вместе с тем мне представляется очевидным, что доктрина интеркультурализма ныне будет поддерживаться прежде всего всеми умеренными политическими силами, которые выступают против двух крайностей: дезинтеграционного мультикультурализма, с одной стороны, и сверхцентрализованного национализма, шовинизма, требующего ассимиляции меньшинств и монокультурализма, – с другой.

Интернационализм как предтеча интеркультурализма

Важно отметить, что исторически первым и массовым проявлением интеркультурализма был советский интернационализм. Есть очень весомый индикатор практической эффективности этой системы. Известно, что высшим

⁸ Мультикультурализм или интеркультурализм? (по материалам The Globe and Mail – канадской ежедневной газеты на английском языке со штаб-квартирой в Торонто) [<http://www.westeast.us/22/article/2568.html>].

⁹ Там же.

проявлением готовности к межкультурному сотрудничеству является готовность людей к вступлению в брак с представителями другой культуры. Так вот в СССР доля межэтнических браков была в несколько раз выше, чем в Российской империи, и существенно выше, чем в современной России, не говоря уже о других постсоветских государствах, в которых этот показатель неуклонно сокращается вот уже 20 лет.

Знаменитые американские фильмы с «хорошими парнями», черным и белым полицейскими, считаются сегодня эталоном толерантности и важнейшим инструментом ее воспитания, но они появились почти на полвека позже советского фильма о любви русской свинарки и дагестанского пастуха («Свинарка и пастух», 1941). Когда между американскими рабочими, приехавшими в конце 1920-х годов на строительство Сталинградского тракторного завода, вспыхнул конфликт на расовой основе, русские рабочие пригласили их на товарищеский суд, и такая форма гражданского урегулирования конфликтов и сегодня могла бы быть эффективной.

Разумеется, в условиях тоталитарного режима, когда все в стране зависело от диктатора, «вождя народов», никакой интернационализм не мог противостоять произволу. Он не защитил многие народы Советского Союза от депортации в 1930–1940-х годах, а один из первых в мире фильмов, прославляющих дружбу народов («Цирк», 1936), демонстрировался со времени борьбы с космополитизмом и до времен перестройки с купюрами – из него вырезали кадры с песней, исполняемой на еврейском языке артистом Михоэлсом. И все же сегодня, когда интеркультурализм рассматривается как мировая инновация, нельзя забывать, что приоритет в ней у России.

Когда-то основатель Института Кеннана, известный американский дипломат Джордж Фрост Кеннан прогнозировал

высокую устойчивость некоторых сторон советской политической системы: «Многие характерные черты советской системы переживут советскую власть, хотя бы уже потому, что все другое, что можно было бы ей противопоставить, было уничтожено. Некоторые же черты советской системы заслуживают того, чтобы они пережили ее, ибо ни одна система, просуществовавшая десятилетия, не может быть лишена отдельных положительных черт. Программа всякого правительства будущей России должна будет учесть тот факт, что в русской жизни был советский период и что этот период оставил – вместе с отрицательным – и свой положительный отпечаток»¹⁰.

На мой взгляд, интернационализм – эта та политическая доктрина, в которой позитивные элементы перевешивают негативные. Эта доктрина хоть и осваивалась впервые в Советском Союзе, но была выстроена на теоретических основах, позаимствованных из французской модели гражданской нации. В обеих моделях идентификация и консолидация людей должны были выстраиваться не на этнической, а на гражданско-политической основе. Во французской модели это была идея народного суверенитета, в советском интернационализме – идея дружбы народов-этносов. Разумеется, «дружба народов» – это типичный социальный проект или сценарий, разрабатываемый элитой для абстрактных народов. Однако ведь и французская модель, просуществовавшая дольше советской, рождалась как проект во времена Великой французской революции. «И советский, и французский проекты, – отмечает Светлана Лурье, – замышлялись как инструменты построения общества принципиально нового типа, оба были эксплицитно нацелены на решение насущных политических задач, оба отвергали прошлое и выстраивали суверенитет общества на основании отказа от монархической легитимности»¹¹.

¹⁰ Кеннан Дж. Ф. Америка и русское будущее [http://www.inosmi.ru/inrussia/20080312/240168.html].

¹¹ Лурье С. «Дружба народов»: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации? // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 148.

Эти оценки, которые целиком разделяю, принадлежат российскому антропологу, проводившему чрезвычайно любопытное эмпирическое исследование восприятия нынешними российскими гражданами советского интернационализма, точнее его содержательной части – проекта «дружба народов». Эмпирическое исследование проводилось в Санкт-Петербурге методом глубинного интервью представителей этнических меньшинств (армяне, грузины, дагестанцы, литовцы, немцы, татары, украинцы, финны), живших в условиях Советского Союза и помнящих советскую действительность¹². Эти исследования дают представление о том варианте доктрины интернационализма, который был осуществлен в советском проекте «дружба народов».

Этот проект не был ассимиляционным. Подавляющее большинство опрошенных (все, кроме украинцев) во времена Советского Союза ощущали свою национальность достаточно четко. Некоторые группы меньшинств в какие-то периоды могли быть вынуждены скрывать или стесняться своей национальности (среди обследованных это были немцы и финны в период, когда СССР воевал с соответствующими странами, и сразу после войны). Можно добавить к ним евреев в период борьбы с так называемым космополитизмом (1948–1953) как высшего проявления государственного антисиметизма и представителей некоторых народов, подвергшихся депортации. Однако сам проект даже в период наиболее уродливых форм его проявления не предусматривал ассимиляции меньшинств, их растворения в русской среде и в русской культуре. Можно лишь утверждать, что его способность обеспечить культурное самовыражение народов ослабевало по мере нарастания тоталитарно-деспотических черт режима. Так, в 1920-х годах право на создание национальных школ получили меньшинства, не имевшие

своих национально-государственных образований. Они же получили право на создание профессиональных театров – польских, армянских, еврейских. В 1940-е годы эти права были отняты. К концу существования СССР остался лишь один реликт прошлого разнообразия национальных театров – цыганский театр «Ромэн».

В рамках проекта «дружба народов» этническая самоидентификация была менее значима, чем политическая и территорияльная. Этничность (советские люди называли ее «национальность») рассматривалась как малозначимая ценность. «Какая разница, какой он национальности, – лишь бы человек был хороший», – таково было преобладающее и нормативное для советских людей отношение к этничности. Выпячивание этнической принадлежности не одобрялось массовым сознанием. Советское же единство, напротив, поощрялось. При этом термин «советские люди» в бытовом массовом сознании не носил идеологической нагрузки, а чаще всего означал население Советского Союза. В ответах меньшинств, опрошенных Лурье, понятие «дружба народов» за очень редким исключением также не воспринималось как идеологическая категория. Оно не считалось и порождением социализма. *«Еще в школе я задумывался, что такое пионерия, комсомолья. И кроме бессмыслицы ничего не видел. А вот дружба народов была реальной»* (грузин, 47 лет)¹³.

Доктрина интернационализма, задумывавшаяся как проект, сценарий, в действительности во многом превращалась в самоорганизующийся процесс. Некоторые опрошенные отметили, что от холода тоталитарного режима они хотели спрятаться в теплоте дружбы народов. *«Многонациональное государство имело одни преимущества. Это как перчатка и варежка – где пальчикам теплее?»* (украинка, 59 лет). При этом ценность дружбы народов подчеркивали представители

¹² Там же. С. 145–156.

¹³ Там же.

и тех народов, которые больше многих других пострадали от советского режима, например немцы, финны, литовцы: *«Общаться с простыми людьми было легко и просто. Коммунисты – это одно, а простой народ, коллеги, – это совсем другое»* (немец, 59 лет). *«Если и были недостатки, то на уровне руководства, мы простые люди, и нам жилось хорошо»* (финка, 65 лет)¹⁴. *«Может быть, это было искусственное общество. Компромиссов было много, но и лучшего на сегодня нет»* (литовец, 55 лет).

Однако интернационализм был не только в СССР. Очень интересен югославский опыт интернационализма. Он был менее идеологизирован и практически не имел классового подтекста. В югославском варианте не было идеи мировой революции как некоей цели, ради которой создавался советский интернационализм. Я недавно приехал из Загреба, столицы Хорватии, которая боролась больше других с сербским интернационализмом, а сегодня представители молодежи, с которыми я встречался в Академии политических исследований, говорили мне: «А мы думаем, как бы в Хорватии уже для нашей национальной страны сегодня применить идеи интернационализма или интеркультурализма». Ничто не объединяет столь фундаментально и глубоко, как идея взаимной ответственности.

Возможен ли интеркультурализм в современной России?

Не является ли новое хорошо забытым старым? Возможно ли сконструировать политику интеркультурализма на гражданской основе в современной России? Приживутся ли здесь ныне идеи взаимодействия, взаимопомощи и взаимной ответственности?

Мой ответ на все эти вопросы в принципе, т.е. в длительной исторической перспективе, позитивный. Я не вижу неустранимых преград для объединения представителей разных народов на основе общегражданских целей. Но только в принципе! В конкретных же условиях нынешней России пока идут противоположные процессы. Вместо гражданской интеграции нарастает атомизация общества. Люди все больше и больше ощущают себя придатком некой политической машины, от которого ничего в стране не зависит. И у россиян усиливается политическая апатия, растет недоверие не только к власти, но и друг к другу, увеличиваются масштабы взаимных негативных ожиданий. И это, на мой взгляд, центральная проблема, которая мешает сегодня появлению интеркультурализма.

Пока и российская власть не проявляет заинтересованности в развитии интеркультурализма или понимания его целесообразности. Я имел возможность докладывать эту концепцию Дмитрию Медведеву на заседании Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека в Нальчике (5 июля 2011 года). И мой вопрос оказался единственным из включенных в доклад, по отношению к которому президент никак не проявил свою позицию¹⁵. Пока трудно представить себе, что власть или общество в ближайшее время будут инициировать формирование политики интеркультурализма. Тем не менее само представление о том, что страна может двигаться от мультикультурализма плохого, дезинтеграционного к мультикультурализму хорошему – интеркультурному, интеграционному, мне кажется, требует анализа и научного подтверждения, а дальше мы будем думать о том, как реализовать эту возможность.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека. 5 июля 2011 года, Нальчик (стенограмма) [<http://kremlin.ru/transcripts/11838>].

*Александр Геннадьевич Осипов,
докторант Института социологии
РАН, старший исследователь
Европейского центра по вопросам
меньшинств, Former Kennan Institute
Galina Starovoitova Fellow*

Игры с понятием «культура» в российских дискурсах этничности

Возможности и границы применения понятия «культура» при обсуждении этнической тематики не перестают быть предметом научных дискуссий¹. Не менее интересен вопрос о том, какие роли понятие культуры играет в качестве категории практики, а не анализа, в частности как основа адресованных публике интерпретаций этнических проблем. Одна из ролей заключается в выводе этнических вопросов из области затратной и чреватой издержками инструментальной политики в область политики символической.

Первое понятие относится к деятельности, дающей «ресурсный» эффект, в то время как эффект от символической политики носит «интерпретативный» характер². Символическая политика может быть определена как производство доминирующих нарративов, а инструментальная политика — как действия по проведению в жизнь определенных стратегий и решений. Между двумя областями есть взаимная зависимость, и нет четкой границы³: практически ориентированная деятельность создает смыслы и приобретает символическое

¹ См.: Kuper A. Culture: The Anthropologists' Account. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999; Phillips A. Multiculturalism without Culture. Princeton: Princeton University Press, 2007. P. 17–53; Wright S. The Politicization of 'Culture' // Anthropology Today. 1998. Vol. 14. No. 1. P. 7–15.

² Schneider A.L., Ingram H. Social Constructions in the Study of Public Policy // Holstein J.A., Gubrium J.F. (eds.) Handbook of Constructionist Research. New York: Guilford Press, 2008. P. 206–207.

³ См.: Birkland T.A. An Introduction to the Policy Process: Theories, Concepts, and Models of Public Policy Making. 2nd ed. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2005. P. 150–151; Schneider A.L., Ingram H. Policy Design for Democracy. Lawrence: University Press of Kansas, 1997. P. 150–188; Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999. № 5. С. 62–75.

значение, а признание и навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности ставятся аспектом инструментальной политики⁴. Тем не менее различие двух категорий в данном случае актуально: разговоры и решения, с одной стороны, и действия, с другой, есть автономные области деятельности, и выявление степени этой автономии – действительно важная исследовательская и практическая задача.

Сравнение современной России с развитыми капиталистическими странами – операция небесспорная, как и любое сопоставление обществ, построенных, несмотря на внешнее сходство отдельных элементов, на разной институциональной основе. Тем не менее сравнительный анализ дискурсов представляется допустимым, поскольку позволяет лучше увидеть их происхождение, внутренние связи, а также особенности их производства и потребления.

Схемы употребления понятия «культура» в этническом контексте в России отнюдь не выглядят уникальными, хотя говорить о полном сходстве со странами Европы и Северной Америки не приходится. Можно проследить различия, касающиеся общих структур дискурса, степени распространенности и значения тех или иных внешне сходных лексических единиц, риторических конструкций и идеологем. Также отличается общий интеллектуальный фон – в России академические дискуссии о связях между культурой и этничностью почти незаметны, а большинством даже продвинутой публики культура воспринимается как атрибут этнической группы просто по умолчанию. Различны и изначальные мотивы освоения понятия «культура»: в России не возникало, как в Европе и Америке после Второй ми-

ровой войны и в ходе деколонизации, потребности искать замену расовой терминологии с ее биологическими коннотациями⁵. Тем не менее вполне можно проследить ряд параллелей и говорить об общих закономерностях.

Фон для этого говорения определяется тремя внешне сходными, как правило бытующими в симбиозе, но по сути и по происхождению не зависимыми друг от друга компонентами. Все три в изобилии представлены и в бывшем СССР, и в других географических ареалах, в том числе в Европе и Северной Америке. Это, во-первых, эссенциализм, который, как правило, неоднороден и эклектичен. Сложно найти авторов, стоящих на примордиалистских позициях и утверждающих, что этнические группы представляют собой изначальные и неизменные сущности, тем более биологической природы. Чаще этничность рассматривают как социоисторическую субстанцию, проходящую определенную эволюцию, но существующую вне и независимо от социального контекста и социальных интеракций. Вторым компонентом можно считать культурдетерминизм – стремление объяснять социальные феномены посредством отсылок к категории культуры, которая при этом воспринимается как устойчивая система норм, являющаяся атрибутом определенной группы⁶. Наконец, третий показатель – это группоцентризм, или, в терминологии Роджерса Брубейкера, «группизм»⁷. Группы по умолчанию рассматриваются как целостности, имеющие внутреннюю структуру, выступающие как агенты социального действия, отделенные устойчивыми социальными границами от других таких же целостностей.

Итак, полезно посмотреть, во-первых, в каких контекстах категория

⁴ Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политические исследования. 2010. № 2. С. 92.

⁵ Kuper A. Op. cit. P. 14; Bolaffi G. et al. (eds.) Dictionary of Race, Ethnicity and Culture. London: Sage, 2003. P. 63; Philips A. Op. cit. P. 53–54.

⁶ Dittich E.J., Radtke F.-O. Der Beitrag der Wissenschaften zur Konstruktion ethnischer Minderheiten // Ethnizität: Wissenschaft und Minderheiten. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. S. 11–42.

⁷ Brubaker R. Ethnicity without Groups // Archive Europeenne de Sociologie. Vol. XLIII. 2002. No. 2. P. 163–164.

«культура» становится инструментом для репрезентации или обоснования тех или иных стратегий или решений, призванных влиять на отношения власти и подчинения, во-вторых, в какой степени Россия может сравниваться с другими странами в отношении распространенности тех или иных базовых подходов. Примем как данность, что дискурсивное увязывание культуры с этничностью в российском случае означает признание культурного плюрализма – требования и проекты достижения культурной гомогенности общества сколько-нибудь заметной роли в публичной жизни не играют.

Конфликт культур

Этнический конфликт – пожалуй, самая распространенная в России объяснительная рамка, прикладываемая ко всему, связанному с этничностью и воспринимаемому как проблема. Речь здесь не о конфликтологии как области научной деятельности (хотя к ней накопилось немало вопросов), а о нарративах, предназначенных для массового потребления. Отсылка к культурным различиям, в свою очередь, – самая популярная, массовая, «фольклорная» интерпретация причин «конфликта». В рамку «конфликта» риторическими приемами втискиваются не только любые по масштабам и формам проявления агрессии, но и, например, дискриминационные меры со стороны государства⁸.

Первым наглядным примером использования конфликта в качестве универсального объяснения послужила история с месхетинскими турками, которых власти Краснодарского края почти 18 лет с 1989 года пытались разными способами «выдавить» из региона и вообще из России. Власти и СМИ не признавали сам факт дискриминацион-

ной политики, сводя все к противоречиям между турками и казаками, чаще же оправдывали политику властей или как необходимость следовать массовым настроениям, или как способ предотвращать более серьезные обострения⁹. Со второй половины 2000-х годов объяснения ксенофобии и актов насилия по этническому признаку как продуктов «разницы культур» или реакций на «чуждую» культуру заняли все публичное пространство – от обывательских рассуждений в Интернете до едва ли не основы государственной идеологии в национальном вопросе.

Культурный расизм

Объяснительная рамка на основе понятия «конфликт» плавно трансформируется в оценку и предписание, которые, по аналогии с распространенным в Европе термином, можно назвать «культурным расизмом». В России такое выражение может звучать непривычно и даже пугающе, но по сути вполне соответствует контексту, в котором оно первоначально возникло. Оно означает отнюдь не расизм, введенный в рамки приличия; «культурным» (а также «новым», или «дифференциальным» расизмом) на рубеже 1970–1980-х годов в Западной Европе стали называть идеи, отчасти пришедшие на смену биологическому, или «классическому» расизму. В отличие от последнего «новый расизм» апеллирует не к биологическим, а к «культурным» различиям, не утверждает иерархию человеческих коллективов с врожденными различиями и возражает не против равенства «рас», а против смешения «культур». «Культурный расизм» достаточно подробно описан на западном материале¹⁰. Основное сходство «нового» расизма с «классическим» – вера в естественный и непре-

⁸ Осипов А.Г. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейя, 2002. С. 45–69.

⁹ Он же. Российский опыт этнической дискриминации. Месхетинцы в Краснодарском крае. М: Звенья, 1999.

¹⁰ Miles R. Racism. London and New York: Routledge, 1989; Stolcke V. Talking Culture: New Boundaries, New Rhetorics of Exclusion in Europe // Current Anthropology. 1995. Vol. 36. No 1. P. 1–24; Taguieff P.-A. The Force of Prejudice: On Racism and its Doubles. Minneapolis, Minn., 2001; Wieviorka M. The Arena of Racism. London: Sage, 1995.

одолимый характер делений, как бы те ни назывались. Таким образом, смысл «культурного расизма» – проблематизировать «других» как носителей иной «культуры» и оправдывать исключение и неравенство как продукт их, «других», культурного своеобразия.

В России «культурный расизм» представлен в изобилии, а его критика – в заметных количествах. О своеобразии, формах и масштабах того и другого можно спорить. Основным полем для конструирования культурно чуждых и несущих угрозу «других» изначально остается тема миграции¹¹; поводами становятся также отношения с Кавказом и положение цыган. В России такого рода риторические упражнения начались с первой половины 1990-х годов в тех регионах, власти которых озаботились ограничением прописки для приезжих. Первенство и в том и в другом принадлежало Ставропольскому и Краснодарскому краям¹². Дальше процесс шел по нарастающей во всех географических рамках и на всех возможных уровнях – от официальных заявлений и научно-образных рекомендаций до медийных комментариев. Примеры в изобилии приводятся в уже довольно многочисленных аналитических публикациях¹³.

Межкультурный диалог

Это, напротив, своего рода позитивные предложения в ответ на постановку проблем в терминах межкультурного конфликта. Говорить о какой-либо целостной и последовательной программе в данном отношении не приходится. Скорее мы имеем дело с набором риторических

приемов, навешанных культурдетерминизмом. Проблемы воспринимаются как следствие конфликта между группами как таковыми, а конфликт вытекает или из невозможности пользоваться своим культурным капиталом, или из ложного восприятия культурных различий. Поскольку «культура» воспринимается как безусловно позитивная ценность, суть предложений сводится к преодолению сбоев в социальной коммуникации. Отсюда – интерес к фольклорно-просветительской деятельности, улучшающей самочувствие и повышающей лояльность групп к существующему порядку, и стремление содействовать их, групп, положительной репрезентации и диалогу. Группоцентристское восприятие приводит к тому, что агентами процесса и участниками диалога выступают «представители» групп – как правило, лидеры формальных, чаще всего культурно-просветительских организаций. Вопрос о том, какое отношение и фольклорная активность этих организаций, и ритуалы с участием лидеров имеют к повседневности обычных людей, обычно не задается и не обсуждается. В какие формы «межкультурный диалог» отливается в российской действительности, хорошо известно и подробно описано¹⁴. Особенно интересно наблюдать организуемый государством «межкультурный диалог» со спикерами тех групп, которые подвергаются репрессивному давлению. К примеру, демонстративное поощрение властями культурно-просветительской деятельности грузинских активистов в Сочи уже второй десяток лет прекрасно сочетается с тем, что большинство грузинского населения города (а это в

¹¹ Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 56–66; Иммигранты в Москве / Институт Кеннана: под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Три квадрата, 2009.

¹² Popov A., Kuznetsov I. Ethnic Discrimination and the Discourse of «Indigenization»: The Regional Regime, «Indigenous Majority» and Ethnic Minorities in Krasnodar Krai in Russia // Nationalities Papers. 2008. Vol. 36. No. 2. P. 223–252.

¹³ Малахов В. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах // Космополис. 2004. № 1 (7). С. 56–69; он же. Настоящее и будущее национальной политики в России // Прогнозис. 2006. № 3 (7). С. 144–156; Шнирельман В.А. Ксенофобия, новый расизм и пути их преодоления // Гуманитарная мысль юга России. 2005. № 1. С. 6–19; он же. СМИ, «этническая преступность» и мигрантофобия // Язык вражды против общества. М.: Центр «Сова», 2007. С. 107–149.

¹⁴ См., напр.: Динамика и современное состояние национальных отношений (информационно-аналитический материал Аналитического управления Совета Федерации Федерального собрания РФ) // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. 2008. № 5. С. 56–63.

значительной степени беженцы из Абхазии) лишено легального статуса и основных гражданских прав¹⁵.

Культура как коррекция индивидуального поведения

Это тоже существенная, но автономная часть позитивной программы, отталкивающейся от идеи межкультурного конфликта. Понятие культуры здесь включается и в языковые игры вокруг этических и психологических вопросов. В России подобное проходит легче благодаря тому, что в русском языке одно из значений «культуры» и производных этого слова – «правильное», социально приемлемое поведение (например, «вести себя культурно»).

В масс-медийном, обыденном и даже академическом дискурсе можно найти много объяснений, основанных на том, что социальное неравенство на самом деле есть «культурный» дефицит (неумение или нежелание «вести себя» в соответствии с «традициями окружающих») и что насилие должно рассматриваться как «естественная» ответная реакция. Предлагаемые позитивные решения лежат в основном в русле пропаганды и воспитания, что обозначается как «развитие толерантности».

Стоит обратить внимание на такие обороты, уже ставшие бюрократическими клише, как «культура межнационального общения» или даже «культура мира». Но особенность русской лексики не играет здесь решающей роли; подобный подход – обозначать через понятие культуры проблемы поведения и его коррекции – можно обнаружить и в совсем других обстоятельствах. Например, в Германии термин «мультикультурализм», вошедший в обиход

в начале 1980-х годов, понимался и понимается преимущественно как моральное предписание, проводимое в массы инструментами «социальной педагогики» – стратегии и технологии выработки у людей надлежащих навыков восприятия «других» и поведения по отношению к ним¹⁶. Также интересно, что в современной Латвии понятие «национальное меньшинство» в доминирующих нарративах несет прежде всего морально-поведенческое, а не этническое или политико-правовое значение. Быть «меньшинством» означает воспринимать реальность и вести себя в соответствии с определенным канонам, а именно демонстрировать уважение к традиционной «культуре» «своей» группы, соответственно, к культуре «основной нации» и далее к ее, основной нации, политическому доминированию¹⁷.

Происхождение и причины появления подобных подходов – слишком широкая тема для отдельной статьи. Более просты и очевидны стимулы для пользования ими. Для всех участников обсуждений, касающихся этнических вопросов, легче говорить не о системных проблемах или дефицитах, а об индивидуальных отклонениях, подлежащих санкциям и коррекции. Темы толерантности и межкультурного диалога позволяют уклониться от ряда неудобных вопросов и тем более затратных решений.

Культурализация социального

Идея конфликта культур и встречные позитивные программы в духе «межкультурного диалога» выглядят как частные проявления более масштабного процесса – попыток культурализа-

¹⁵ Положение беженцев из Абхазии в Краснодарском крае. Декабрь 2000 года. Доклад Правозащитного центра «Мемориал» [http://www.memo.ru/hr/discrim/ver1/index.htm].

¹⁶ Радтке Ф.-О. Между дерегуляцией и дискриминацией. Дилемма немецкого социального государства в обращении с иммиграцией // Миграция и национальное государство. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 199–200.

¹⁷ Dzenovska D. How to Be a Minority: The Politics of Conduct and Difference in the New Europe. Paper presented at the conference “Adjusting to Europe: Institutional Legacies of Communism and Ethnocultural Diversity”, Vytautas Magnus University, Kaunas, Lithuania, August 29–30, 2011.

ции социального¹⁸, то есть кодирования в терминах культуры всех отношений, связанных с этничностью, в первую очередь тех, которые воспринимаются как проблемные. Практически все официальные российские документы и публикации официозных экспертов заполнены отвлеченными суждениями о важности «развития этнических культур». «Развитие культур» вообще стало одним из ключевых понятий для обсуждения этнических вопросов¹⁹. Это не российское ноу-хау, такое понятие встречается и в законодательстве других стран и даже в международных инструментах, но нигде оно не получило такого распространения, как в России.

Расшифровка этой и других подобных идиом, если имеет место, сводится к поощрению фольклорно-просветительской деятельности. В любой официальной концепции или программе «совершенствования межэтнических отношений» все внимание наряду с контактами между властями и организациями меньшинств уделяется популяризации фольклора. На практике официальные власти всех уровней реально содействуют концертам и фестивалям этнических меньшинств, поддерживают (чаще всего морально) организации этнокультурной направленности, а также спонсируют ритуалы, призванные содействовать «межкультурному диалогу»²⁰.

Понятие «культурное» нередко используется как синоним неpolitического. Этот прием – отвести меньшинствам такую область деятельности, где они не затрагивали бы основы власти и общественного устройства, – довольно стар, применяется властями во многих странах и часто оказывается вполне эффективным. Только такая активность меньшинств, которая связана с культурой

(часто в фольклорно-этнографическом понимании), признается и поощряется государством; социальное исключение и маргинализация обходятся молчаливым или описываются как продукт культурной специфики (что возвращает нас к теме «нового расизма»).

Характерный пример – тенденция внедрять термин «этнокультурная политика» вместо «национальной политики». Интересно и то, какую роль играли лозунги национально-культурной автономии (НКА). Федеральный закон «О национально-культурной автономии» 1996 года сам по себе уже был четким посланием о необходимости отделить этничность от политики и ограничить ее сферой культуры и образования. В 1998–2003 годах он был еще и подкреплен изменениями в избирательном законодательстве и законодательстве об общественных объединениях, в силу чего любые организации, образованные на этнической основе, потеряли право участвовать в политике в целом и в избирательном процессе в частности.

Похожие тенденции можно проследить в дискуссиях и практических решениях, маркируемых словом «мультикультурализм». За этим термином множество самых разнообразных идей, стратегий, программ, законодательных и административных новаций, которые с трудом поддаются объединению и классификации. В этой мозаике все-таки можно проследить две тенденции: выведение социальных проблем из разницы «культур» и поощрение группового своеобразия вместо решения социальных вопросов. Мультикультуралистская риторика может быть и завуалированным средством исключения меньшинств из политического процесса, поскольку она чаще всего обращается только

¹⁸ Для данного контекста термин введен Владимиром Малаховым; см.: Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 163.

¹⁹ См. Доклад Государственного совета Российской Федерации о мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе. 11 февраля 2011 года [http://minregion.ru/activities/interethn_relations/national_policy/505/902.html].

²⁰ Динамика и современное состояние национальных отношений...; Мукомель В.И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005. С. 184–186.

к тем проблемам, которые касаются меньшинств непосредственно и которые можно интерпретировать в терминах этнокультурных запросов²¹.

В условиях массовых и вызванных разными причинами разочарований в мультикультурализме наступает период его ребрендинга²², самой наивной формой которого становится внедрение термина «интеркультурализм»²³ с призывами к преодолению «межкультурных барьеров», что вполне соотносится с постсоветским «межкультурным диалогом». Базовые допущения мультикультурализма никуда не исчезают, просто меняется знак: раньше проблема виделась в том, как сохранить и использовать культурный «багаж» новых меньшинств, теперь – как освободить их от этого «багажа» ради «интеграции», тоже понимаемой, как в России, так и в Европе, в культурном и поведенческом смысле.

Однако прямой и полной аналогии между Россией и странами ЕС все-таки не возникает. В России не хватает малого – дискуссий и практических решений, связанных с понятиями «недискриминации» и «участия»²⁴. Дискурсу и политике исключения под предлогом развития культур и сохранения своеобразия противостоят контртенденции. Разумеется, можно спорить об эффективности антидискриминационных механизмов и стратегий включения меньшинств в общественную и политическую жизнь. Фактом остается то, что в Европе и Северной Америке,

во-первых, эти темы действительно занимают научные сообщества, правительства, гражданских активистов и международные организации и служат предметом дискуссий; во-вторых, реально прилагаются практические усилия, и действительно есть работающие нормы и структуры. В России ближайшими аналогами оказываются ритуальные декларации о «поддержке этнокультурного развития народов России наряду с укреплением гражданского единства»²⁵ и декоративные, с коротким периодом полураспада, назначаемые сверху консультативные структуры по «национальным отношениям». Последние регулярно возникают на разных уровнях; несмотря на (предположительно) благие намерения их создателей и участников, ни одна не проявила себя практически значимым и заметным начинанием. Важнее то, что никто пока всерьез не предлагает ни для обсуждения, ни для реализации никаких стратегий и способов обеспечивать равноправие меньшинств и их участие в общественной жизни. Ситуация в России имеет еще одно отличие, которое с прагматической обывательской точки зрения не может не радовать. В стране за редкими исключениями не возникает то, что получило название «требования от имени культуры» (*cultural claims*)²⁶ – попытки обосновывать групповые социальные и политические требования задачами сохранения «культуры» и «идентичности».

²¹ Rex J. The Problematic of Multinational and Multicultural Societies // *Ethnic and Racial Studies*. 1997. Vol. 20. No. 3. P. 455–473; Vertovec S. Multiculturalism, Culturalism and Public Incorporation // *Ethnic and Racial Studies*. 1996. Vol. 19. No. 1. P. 50–56.

²² Vertovec S., Wessendorf S. (eds.) *The Multiculturalism Backlash. European Discourses, Policies and Practices*. London and New York, 2010.

²³ White Paper on Intercultural Dialogue “Living Together As Equals in Dignity”. Launched by the Council of Europe Ministers of Foreign Affairs at their 118th Ministerial Session (Strasbourg, May 7, 2008) [http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/Source/White%20Paper_final_revised_EN.pdf].

²⁴ См: Verstichel A. Participation, Representation and Identity: The Right of Persons Belonging to Minorities to Effective Participation in Public Affairs: Content, Justification and Limits. Antwerp: Intersentia, 2009; Weller M., Nobbs K. (eds.) *Political Participation of Minorities: A Commentary on International Standards and Practice*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

²⁵ Доклад Государственного совета Российской Федерации... С.10.

²⁶ Kastoryano R. *Negotiating Identities: States and Immigrants in France and Germany*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002. P. 85–136.

Культура и равенство

Равенство – один из ключевых концептов в обсуждении этнических и расовых вопросов едва ли не во всем мире. Как оно, в качестве цели и принципа, сочетается с учетом или защитой культурных особенностей?

Тема равенства и недискриминации в последнее десятилетие даже в профессиональных дискуссиях получает все более широкое толкование – дискриминация воспринимается не только как неправомерно различное обращение, но и как механизмы стратификации и производства неравенств, а также как обобщенная характеристика проблем, с которыми сталкиваются те или иные уязвимые группы²⁷. Расширительное понимание дискриминации, с одной стороны, и привнесение темы равенства в такие области, как мультикультурализм и защита меньшинств, с другой, приводят к тому, что понятие равенства оказывается в разных контекстах и различным образом связано с понятием «культура».

Несправедливым, по классической формуле Аристотеля из «Никомаховой этики»²⁸, в зависимости от обстоятельств может признаваться как неравное обращение с равными, так и равное обращение с неравными. Формальное равенство или равное обращение с людьми при игнорировании различий, называемых «культурными», может ставить кого-то в неблагоприятное положение и оспариваться как несправедливость. В свою очередь, признание и защита культурных различий в конечном счете приглашают к введению разных правовых и моральных режимов для разных групп, а это делает крайне проблематичным социальное равенство как таковое.

Самый простой и часто применяемый способ разрешить эту дилемму – вообще уйти от нее. Обсуждая вопросы межкультурного диалога или культурного производства, можно в целом вынести вопросы равенства и дискриминации за скобки, что в российских условиях и происходит. В лучшем случае тема обсуждения предельно сужается и ограничивается смежными вопросами – агрессией в рамках индивидуальной нетерпимости или конфликта. Иногда такой процесс носит спонтанный характер (у людей просто нет иного языка для обсуждения и представлений о том, что возможна другая повестка), иногда выглядит как осознанная пропагандистская манипуляция.

В России тема равенства по этническому признаку часто возникает в паре с понятием «развитие». При советской власти последнее обозначало политику инвестиций в географическую и этническую периферию в целях социальной трансформации и для выравнивания экономических условий²⁹. В настоящее время понятие превратилось в симулякр (репрезентацию того, чего в реальности не существует) – в новых условиях у государства нет ни мотивов, ни ресурсов делать то же, что и раньше. Но термин «развитие» часто используется с определениями «культурное» и «этнокультурное» во множестве концепций и программ этнической политики, и можно наткнуться даже на такой курьез, как «создание условий для равного развития этнических общностей»³⁰.

Здесь опять можно провести параллель с мультикультурализмом, в рамках которого признание равенства культур иногда предлагается как символичес-

²⁷ McCrudden C. The New Concept of Equality // ERA-Forum. 2003. Vol. 4. No. 3. P. 9–29; De Schutter O. Three Models of Equality and European Anti-discrimination Law // Northern Ireland Legal Quarterly. 2006. Vol. 56. No. 1. P. 1–56; Fraser N. Rethinking Recognition // New Left Review. 2000. No. 3. P. 107–120.

²⁸ Aristotle. Nicomachean Ethics, book 5 // The Internet Classics Archive [<http://classics.mit.edu/Aristotle/nicomachaen.5.v.html>]. P. 3.

²⁹ Connor W. The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. P. 208–220.

³⁰ Содержится в более чем десяти региональных «концепциях» национальной политики, например Республики Саха, Удмуртии, Волгоградской, Свердловской и Челябинской областей, Ямало-Ненецкого автономного округа.

кая компенсация уязвимым группам³¹. Публичное признание групп как таковых и их «наделение голосом»³² является существенным элементом и других подходов к пониманию того, что такое равенство по этническому признаку. И в этой связи больше оснований называть постсоветскую Россию, а не СССР «страной победившего мультикультурализма»³³, поскольку в 2000-е годы советский дискурс многонациональности (то есть признания этнических групп как политических единиц) постепенно уступает место «многокультурности». Здесь интересно отметить двоякую роль лозунга «национально-культурной автономии»: ее необходимость риторически обосновывается как возможность признания всех (а не только «титulyных») этничностей в качестве субъектов самоопределения и участников национальной политики в стране³⁴, а на практике исключаются и осуждаются любые формы активности НКА, которые выходят за пределы «развития культуры» и «культурного диалога».

Практически во всех своих современных интерпретациях социальное равенство скорее выступает синонимом основанного на учете различий «справедливого», а не идентичного обращения. Требование равного обращения с индивидами в самых разных контекстах теряется на фоне широкой озабоченности распределением символических статусов и ресурсов между группами.

Советская власть на символическом уровне, с одной стороны, давала понять,

что в конечном счете все этнические общности являются составной частью государственности (и тем самым оказываются условно равными), с другой – выстраивала «справедливую» систему статусов с учетом разных параметров и соображений³⁵. Этот подход прослеживается и в наше время: несколько урезанное «национально-государственное устройство» дополнено «национально-культурной автономией».

Идея НКА не содержит эксплицитного представления о групповой иерархии, но следует принимать в расчет сложившиеся конвенции употребления терминов. В Восточной и Центральной Европе понятия «культурная» или «персональная автономия» уже длительное время ассоциируются с *меньшинствами*³⁶. Проще говоря, «коренным нациям» полагается «своя» государственность, а «некоренные» меньшинства должны удовлетворяться культурной автономией без претензий на территорию.

Примечательно весьма широко распространенное в России среди этнических активистов убеждение, что НКА предназначена только для «некоренных» этнических групп. В России закон об НКА служит способом символически отделять «меньшинства», с одной стороны, от «титulyного населения», с другой – от «мигрантов». С конца 1990-х годов представители власти резко негативно отзывались о появлении местных и региональных НКА, выступавших от имени «титulyных» этнических групп в соот-

³¹ Radtke F.-O. Multikulturalismus – Regression in die Moderne? // *Fluchtpunkt Europa. Migration und Multikultur.* / Hrsg. M. Fischer. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. S. 138–157; Radtke Ф.-О. Между дерегуляцией и дискриминацией. Дилемма немецкого социального государства в обращении с иммиграцией // *Миграция и национальное государство.* СПб., 2004. С. 198–200.

³² Цюрхер К. Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России: некоторые методологические замечания // *ПОЛИС: Политические исследования.* 1999. № 6. С. 106–107.

³³ Воронков В. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ.* М.: ИЭА РАН, ИФ РАН, 2002. С. 39.

³⁴ Дробижева Л.М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // *Общественные науки и современность.* 2005. № 2. С. 22; Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004. С. 169.

³⁵ Connor W. Op. cit. P. 208–220.

³⁶ Lapidoth R. *Autonomy: Flexible Solutions to Ethnic Conflicts.* Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 1997. P. 37; Mihalikova S. *The Hungarian Minority in Slovakia: Conflict over Autonomy* // Opalski M. (ed.) *Managing Diversity in Plural Societies.* Nepean, Ont.: Forum Eastern Europe, 1998. P. 160.

ветствующих субъектах Федерации³⁷. Резкой критике подвергалась и идея русских НКА. В РФ было создано несколько региональных и местных НКА от имени русских, причем преимущественно в русских по составу населения регионах, но власти в 1999–2001 годах под произвольным предлогом не допустили регистрации федеральной русской НКА³⁸.

С 2003 года НКА могут быть созданы только от имени «этнических общностей, находящихся в ситуации национального меньшинства», причем законодательство не определяет признаки такой «ситуации». Обоснование поправок в закон звучало примерно следующим образом: «титulyные» национальности и национальности, находящиеся в большинстве, могут для своего этнокультурного развития использовать «свою» государственность и «свои» органы власти; поэтому статус, связанный с НКА, предоставляется только меньшинствам, но не «государствообразующим» народам³⁹. Таким образом, НКА предоставляет возможность ввести в законодательство идею меньшинства, избежав открытого указания на асимметрию символических статусов. Интересно, что в неприятии идеи русской НКА и НКА «титulyных» национальностей с государством были едины активисты меньшинств и эксперты⁴⁰, хотя государственное финансирование НКА было несущественным, а

русские НКА не получали от государства фактически ничего.

Выстраивание символической иерархии статусов не чуждо и международным организациям, и многим правительствам, достаточно вспомнить манипуляции понятиями «коренные народы», «меньшинства», «иммигранты» и пр. А вот чем отличается Россия по части жонглирования понятиями «равенство» и «культура» – так это практическим отсутствием темы «этнокультурной предвзятости» публичных институтов. Имеются в виду представления о том, что никакое государство не является нейтральным в этнокультурном отношении, то есть воспроизводит культуру доминирующей группы и выражает ее интересы, тем самым автоматически ущемляя остальных. Этот тезис, запущенный в обращение политическими философами с коммунитаристскими симпатиями⁴¹, приобрел на Западе широкую популярность среди ученых и общественных активистов. Как следствие появился новый набор аргументов о необходимости создания для меньшинств особо благоприятного режима, призванного компенсировать неравенство. В России тема не получила развития и встречается в виде изолированных упоминаний только в отдельных публикациях⁴². В единичных случаях приводится мнение о том, что идея гражданской нации и равноправия всех граждан равнозначна доминированию русских и, соответственно,

³⁷ Зорин В.Ю. Дневник не для себя. Кн. 2: Страсти Охотного ряда. М.: Виоланта, 1999. С. 428.

³⁸ Кузнецов М. Дискриминация // Независимая газета. 2001. 8 февраля.

³⁹ Министр РФ В.Ю. Зорин при обсуждении в Государственной думе на втором чтении поправок к закону об НКА изложил доводы правительства следующим образом: «Субъектами права на создание НКА становятся не все, а только те этнические группы, которые испытывают объективные трудности в решении своих национально-культурных задач, и этим определяется предмет или сфера действия данного закона» (Стенограмма пленарного заседания Государственной думы РФ от 27 сентября 2002 года [<http://transcript.duma.gov.ru/node/1640/>]).

⁴⁰ Елеонский В.О. Совершенствование законодательства Российской Федерации о защите национальных меньшинств // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран. Материалы научной конференции. Москва, 27–28 апреля 2000 года. М.: МГУ, 2001. С. 162; Чурбаков А.В. Национально-территориальное и национально-культурное самоопределение: соотношение понятий // Государственно-правовые основы обеспечения безопасности в Российской Федерации. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 74–75.

⁴¹ Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford University Press, 1995; Taylor Ch. The Politics of Recognition // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition / Ed. by A. Gutmann. 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 25–73; Young I. Justice and the Politics of Difference. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.

⁴² Кахриманов А.М. Антиномия прав человека и коллективных прав: концептуальный аспект. М., 2008. С. 7–44; Хансо М.Б. Европейский взгляд на проблему защиты этнонациональных интересов и национальной идентичности: к вопросу о продвижении коллективных прав этнических общностей // Современное право. 2009. № 6. С. 122–126.

подавлению других народов⁴³. Считать опровержение «этнокультурной нейтральности», основанное на смешении описательного и нормативного подходов, серьезным достижением общественной мысли не приходится, но отсутствие этой темы в обсуждениях скорее обедняет интеллектуальный ландшафт.

Использование «культуры» в качестве практической категории при обращении к проблемам этнических отношений позволяет снять с публичной повестки дня спорные вопросы, увести обсуждение в область символической политики и создать единое неконфликтное поле коммуникации. Подобное имеет место в разных национальных контекстах, опирается на сходные теоретические основания и риторические стратегии. Эту ситуацию можно описывать с помощью граммшианской «гегемонии» – все участники коммуникации принимают предложенный им нарратив, соглашаются обсуждать вещи, не имеющие отношения к повседневности тех, кого они номинально представляют, (в английском языке это можно коротко назвать *pop-issues*) и делать это в соответствии с тем протоколом, который им предложен. В России такая модель оказывается тотально доминирующей и пока что безальтернативной. Оппонентов сложившемуся порядку практически нет, а если бы были, они вряд ли смогли бы возразить, поскольку другого языка, кроме основанного на *pop-issues* – категориях «конфликта культур», «развития культур» и «культурного диалога», – у них просто нет. В принципе, другая система понятий доступна, но она требует или оппозиции существующему социальному порядку в целом (как радикальный национализм или антирасизм), или институтов разрешения конфликта позиций и отстаивания интересов (то есть судебной системы, развитой свободной прессы и гражданского общества). При сложив-

шихся реалиях обе перспективы выглядят контрпродуктивными и рискованными. Потенциальные критики и выразители претензий, в первую очередь этнические лидеры, предпочитают оставаться внутри сложившейся системы коммуникации и сохранять лояльность власти.

Эта модель показывает устойчивость и эффективность с точки зрения власти на протяжении практически двадцати лет; вопрос в том, сможет ли она так функционировать в дальнейшем. Не обсуждаемые пока темы в том или ином виде должны проявить себя, поскольку с ними связана реальная жизнь реальных людей. Говорение об этнических отношениях с помощью категории «культура» транслируется в инструментальную политику только в той части, которую можно назвать культурным расизмом, а именно – служит обоснованием репрессивных практик. Вопросы же о том, что означает участие людей разного этнического происхождения в жизни общества, как определить, оценить и преодолеть изоляцию и отчуждение, что такое равенство и справедливость, как оно соотносится с этническим делением, наконец, какие институциональные формы могут сделать эти отвлеченные понятия реальностью, пока внятно не сформулированы, а в качестве ответов наличествует только агрессия в разных формах и демагогическая трескотня. Игры в символическую политику означают и оставление той площадки, где вопросы будут ставиться, осмысливаться и трансформироваться в программы действий. Реальными претендентами на эту площадку выглядят сторонники идеи расизма (и не только культурного) и популистского национализма, причем выступающие от имени и большинства, и меньшинств. Ответы, которые они способны предложить, просты, незатейливы, практически реализуемы и симпатичны для многих, поскольку играют на комплексах жертвы и апеллируют к справедливости и борьбе с неравенством.

⁴³ Калинин И.К. Восточнофинские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000. С. 161; Мнацаканян М.О. Национализм и глобализм: национальная жизнь в современном мире. Изд. 2-е, стер. М.: Анкил, 2009. С. 266, 307.

Опыт взаимодействия осетин и ингушей в Пригородном районе Республики Северная Осетия – Алания

Кровавая стадия осетино-ингушского конфликта в 1992 году в Пригородном районе Северной Осетии длилась около трех дней. Но эти события имеют тягостные последствия, до сих пор переживаемые людьми обеих национальностей и не только ими. Поэтому превентивные меры, которые можно принять, чтобы конфликт угасал, а не развивался, совершенно необходимы. Конечно, это в первую очередь работа государства, общественные организации не могут его полностью заменить в этой области. Если это не делается, если страсти только разжигаются, то ничего хорошего ожидать не приходится.

В 1992 году наша организация – Правозащитный центр «Мемориал» – занималась мониторингом происходивших в Пригородном районе событий и выпустила об этом доклад. После этого, надо сказать, в Осетии, в отличие от Ингушетии, нас воспринимали не слишком хорошо.

Потом начались события в Чечне, и всем стало уже не до неразрешенного осетино-ингушского конфликта. В Ингушетии по-прежнему были лагеря беженцев из Пригородного района, которыми никто не занимался. Многие села Пригородного района были закрыты для возвращения ингушей, люди не могли вернуться в свои дома.

В сентябре 2003 года в Россию приехал Фрэнсис Дэнг, представитель генерального секретаря ООН по вопросу о внутриперемещенных лицах (ВПЛ). Его визит способствовал активизации внимания к последствиям этого конфликта. Мы встречались с доктором Дэнгом и в Москве, и на Северном

Светлана Алексеевна Ганнушкина, председатель Комитета «Гражданское содействие», член Совета и руководитель Сети «Миграция и право» Правозащитного центра «Мемориал», член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

Кавказе, где организовали ему встречи с местными неправительственными организациями (НПО), помогающими ВПЛ из Чечни. Мы не собирались говорить об ингушах из Пригородного района. Однако они пришли к нам сами и спросили, почему их активистов не приглашают на встречу в Назрани с доктором Дэнгом. Мы дали им слово. Разумеется, и ингушские власти постарались привлечь внимание к проблеме Пригородного района. В докладе 2004 года в ряду рекомендаций относительно положения ВПЛ из Чеченской Республики содержался и такой пункт: «Правительству Ингушетии при соответствующей помощи других заинтересованных сторон следует предоставить гуманитарную помощь ингушским ВПЛ из Северной Осетии, которые нуждаются в помощи так же остро, как и чеченские ВПЛ, и приложить согласованные усилия для поиска долгосрочных решений для всех. Проблемы, связанные с имуществом ВПЛ из Северной Осетии, также должны быть решены на надлежащей и справедливой основе»¹.

С 2003 года наша организация тоже возобновила свою работу с ВПЛ из Пригородного района: стала снова проводить мониторинг ситуации, оказывать ВПЛ правовую и гуманитарную помощь. В 2006 году вместе с Норвежским советом по беженцам мы выпустили доклад «Есть ли у них будущее? Проблемы возвращения и реинтеграции внутриперемещенных лиц на Северном Кавказе», в котором ситуация с ВПЛ из Пригородного района была изложена подробно².

В то же время и государство вернулось к этому вопросу, немного отойдя от чеченских проблем. Во Владикавказе было учреждено Межрегиональное управление Федеральной миграционной службы России, которому была поставлена задача – завершить процесс переселения, и работа пошла довольно активно.

Мне кажется очень важным, что на эту проблему обратили внимание и власти, и общественные организации. Когда власти хотят решить какую-то проблему, они понимают и то, что теперь принято называть «ценой вопроса». Если тем, кто покинул Чечню, до сих пор выплачивается на семью всего 120 тыс. руб. на обзаведение жильем и имуществом, то в случае Пригородного района сумма выплат составляла в среднем 2 млн руб. Представители федеральной власти действительно старались вернуть ВПЛ в их дома. Исключением стала водоохранная зона, где были в основном ингушские села. Но, уж я не знаю для чего – чтобы не могли вернуться ингуши или действительно по причинам экологической безопасности, – оттуда вывезли и всех осетин и зону для проживания закрыли.

Велась большая борьба по этому поводу, но не удалось ничего сделать. Было три села, куда люди не смогли вернуться: Южное, Ир и Октябрьское. И несколько сел, где ингуши и осетины живут, учатся и работают отдельно друг от друга.

Сейчас процесс примирения и интеграции снова затих. Власти перестали прилагать усилия для налаживания межэтнического взаимодействия. Мы же, напротив, начали активную миротворческую работу в Пригородном районе – несколько отличную от нашей обычной деятельности по защите прав человека.

Первая идея принадлежала нашей молодежной группе, волонтерам – замечательным ребятам, которые работают бесплатно в Центре адаптации и обучения детей беженцев, действующем с 1996 года в Комитете «Гражданское содействие».

Идея состояла в следующем. Есть несколько сел, в которых живут чеченцы и ингуши. Скажем, в Донгароне и Куртате одна школа, где учатся дети обеих

¹ [http://www1.umn.edu/humanrts/russian/commission/Ridprprt2004_russia.html]

² [http://refugee.memo.ru/For_All/rupor.nsf/450526ab8b3e4d91c325702e0065b29f/2fa8541ca65630dbc3257207007c6954!OpenDocument]

национальностей. А в Чермене и Тарском две школы, хотя одна перегружена, а вторая недогружена, но все равно ингушские дети в осетинскую школу не ходят, и наоборот.

Мы решили сделать летний лагерь для этих детей, соединив их вместе где-нибудь под Москвой.

Для того чтобы дети поехали в лагерь, нужно было договориться с властями и родителями. Договариваться отправилась я. Первое, что я сделала, – пришла в осетинскую школу к директору. Меня встретила женщина с горящими глазами, которая сказала: «Нет! Этого не будет! Ни учителя, ни ученики, ни родители на это не пойдут! Вспомните Беслан. Это произошло так недавно. Это невозможно». То, что ответственность за организованный Басаевым террористический акт в Беслане будет возложена на ингушей, было для них неожиданностью. Произошедшее ужаснуло их так же, как и всех мирных людей, и они не были готовы к обвинениям. Однако чудовищные события в Беслане не только заставили мир содрогнуться и отвернуться от сторонников Басаева даже тех, кто симпатизировал идее независимости Чечни, но и привели к резкому ухудшению осетино-ингушских отношений.

После посещения школы я пошла к министру образования Северной Осетии. Он оказался пожилым человеком, приблизительно моего возраста, вполне советским учителем, воспитанным на идее дружбы народов, который сказал: «Ну почему же нельзя, мы же жили вместе? Я им подписываю разрешение на участие в вашем проекте». С этим разрешением разговор с нами был уже совершенно другой. Директора школ согласились отпустить детей, тем более что с ними поехали еще и восемь учителей, для которых была подготовлена отдельная программа.

Летом 2006 года лагерь состоялся. Детей провожал директор той самой школы, где родители, учителя и дети, по ее уверениям, никогда бы не согласились на участие в такой авантю-

ре. Теперь очень красивая кавказская женщина торжественно напутствовала уезжавших в Москву детей, говорила о мире и дружбе. В лагерь поехала ее дочка, а значит, были нарушены все три ее предупреждения.

Первая маленькая деталь. В поезде дети сели отдельно. Мальчику-осетину нужно было выбросить что-то в помойку и для этого пройти мимо купе, где ехали ингушские мальчики. Он сказал, что не пойдет, попросил это сделать руководителя. Просто боялся, что будут эксцессы.

В лагере было около 60 детей, большинство – школьники из Пригородного района. Но мы их разбавили небольшой группой трудных детей из Подмосковья и нашими детьми из Центра адаптации и обучения.

Лагерь шел под лозунгом: «Здесь есть осетины, ингуши, русские, чеченцы, таджики. Но нам это все неважно. Важно, что Вася, Ахмет, Теймураз и другие хотят играть в футбол, Маша, Залина, Имран интересуются историей и литературой, а кто-то хочет ставить химические опыты».

Пожелания собрали заранее. Осетинский мальчик и ингушская девочка хотели поступать на физфак. Для них был приглашен физик, и они очень увлеченно занимались физикой. То есть детям была предоставлена возможность делать то, что им нравится. У нашей молодежи возник вопрос: что делать вечерами? Оказалось, что с кавказскими детьми это не проблема. Они все привезли музыку, включали магнитофон и танцевали ту самую лезгинку, которая сейчас вызывает какое-то непонятное противодействие в Москве. Ну танцуют лезгинку, и слава Богу! Красивый танец.

Русские девочки сейчас же стали танцевать тоже. Пришлось предотвратить только один эксцесс. Это были дети от 11 до 16 лет – романтический возраст, когда быстро возникают симпатии. Естественно, русские девочки пользовались успехом. Русские мальчики ведут себя по отношению к русским девочкам,

когда ухаживают, не так, как кавказцы. И как-то вечером была выловлена и остановлена в коридоре группа кавказских мальчиков, которые шли к русским мальчикам разбираться, объяснять им, как надо с женщинами обращаться. Они не привыкли, чтобы девочек, которым они симпатизируют, мальчики дергали за косички или портфелем по голове били, как у нас это принято. Надо сказать, что объясняться шли вместе ингуши и осетины, так что этот эпизод тоже можно отнести к положительным результатам миротворчества.

Провалилась только одна игра – тест на толерантность, потому что к концу отдыха в лагере все были идеально толерантными. Две недели понадобилось для этого. Обратно поездом возвращались вперемешку, плакали, расставаясь.

Это, безусловно, единовременное впрыскивание, такая «инъекция» толерантности не может завершить данный процесс. Он должен продолжаться и постоянно подпитываться.

После этого дети, которые жили раньше через речку, но через мост не переходили, начали встречаться.

Наши молодые сотрудники выезжают в Пригородный район, проводят там праздники в школах.

Наши первые подопечные поступили в вузы. Для них и их товарищей в Москве мы провели несколько семинаров по миротворчеству и работе неправительственного сектора, учили их создавать свои проекты. Организовали и профессиональный семинар для учителей, на котором лекции читали ведущие московские педагоги и психологи. Теперь наши бывшие слушатели сами организуют для школьников разные конкурсы и встречи.

В феврале 2007 года «Мемориал», Федеральная миграционная служба и уполномоченный по правам человека в РФ провели круглый стол на тему: «Проблемы гармонизации межнациональных отношений в Пригородном районе Республики Северная Осетия – Алания». Это было очень важное событие, на которое приехали представи-

тели руководства Северной Осетии и Ингушетии. С него началась наша постоянная работа непосредственно в Пригородном районе.

Мы встречались с руководителями администраций сел района и обсуждали, что нужно делать для улучшения обстановки. Глава администрации села Дангарон, где ингуши и осетины живут вместе, сказал замечательные слова: «Нам не нужны круглые столы по толерантности. Нам нужна работа. Чтобы люди 8 часов работали и у них было 40 минут на обед, во время которого они говорили бы о работе. Если люди смогут обеспечить свои семьи и будут чувствовать, что нужны друг другу, то им будет не до конфликтов».

Тогда мы вспомнили опыт обучения ВПЛ созданию предприятий малого бизнеса. Это небольшой проект организации «Русско-немецкий обмен», которая помогла беженцам из Чечни организовать около 20 небольших предприятий на территории Ингушетии: ателье, парикмахерские, пекарни, автомастерские и т. п.

Мы решили создать центр обучения, который сможет объединить людей разных этнических групп в стремлении самим организовать свою предпринимательскую деятельность. «Через бизнес – к миру» – таков был девиз нашего проекта. Слово «бизнес» в русском языке, особенно в советское время, звучало как-то негативно, как и слово «карьера». Но общее дело, общее занятие, когда люди могут обеспечивать свою семью, возвращает им чувство собственного достоинства. Их толерантность увеличивается, потому что ксенофобия порождается комплексом неполноценности. Не только им, но им в большой степени.

Созданию центра предшествовал длительный период переговоров с властями Северной Осетии на самом высоком уровне.

Наконец нам выделили в безвозмездную аренду помещение в селе Куртат совместного проживания осетин и ингушей. Мы сделали в этом помещении

ремонт, пригласили преподавателей и начали обучение. В центре преподаются четыре предмета: менеджмент, бухгалтерский учет, правовые основы бизнеса, навыки работы на компьютере. В конце обучения слушатели должны создать свой бизнес-проект и защитить его перед комиссией, которая выделяет премию за наиболее удачные проекты. Эта премия может быть истрачена только целевым образом на начало деятельности проекта.

Сперва не было никаких разговоров о толерантности. Требование только одно: чтобы среди учителей и учеников были и ингуши, и осетины.

Первое впечатление. Начало работы: в одной части аудитории сидят ингуши, в другой – осетины. Проходит три месяца обучения, первый выпускной вечер: все вперемешку, приносят национальные блюда, все друг друга любят и радуются удачному окончанию. Конечно, не все так гладко, как я описываю, но это, так сказать, основные штрихи. Были разные проблемы, недопустимые высказывания, но организаторы зорко за этим следили, убирали преподавателей, имеющих неподходящий настрой, и все оказалось преодолимо. Хочу отметить, что средства на такой проект найти нелегко, особенно на премии для начала работы. Был у нас спонсор, который хотел, чтобы его деньги шли только мусульманам. Мы согласились их взять, а для немусульман нашли средства из другого источника. Во время обучения второго набора он приехал посмотреть, как все это работает, и в следующий раз снял ограничение на использование его денег.

За эти годы нашими выпускниками было создано около 50 предприятий малого бизнеса и трудоустроено около 200 человек.

Вокруг нашего центра развивается большая деятельность разного плана. По просьбе населения были организованы курсы английского языка, ускоренные курсы бухгалтерского учета.

Преподаватель менеджмента – ингуш объездил 36 школ и выступил пе-

ред старшеклассниками с презентацией об организации своего дела. Только в одной осетинской школе его отказались принять.

На базе центра проводятся семинары для молодежи, детские праздники.

В шести школах прошел конкурс «Я и мое село». Детям раздали видеокамеры, и они сняли фильмы о своих селах. Для этого они все вместе ходили на занятия по обучению видеосъемке. На конкурсе было шесть номинаций, почему-то каждый фильм выиграл в одной из них, и все получили в подарок камеры. Фильмы вышли очень советские, но милые и даже с элементами мультипликации.

Сейчас проводится фотоконкурс. Радостно видеть, как молодые люди после семинаров становятся друзьями, нуждаются друг в друге. От них идут волны толерантности. Осетинская девочка рассказывает: «Мои подружки мне сказали: “Какие на фотографии красивые ингушские мальчики, надо и нам с ними познакомиться”». И это как будто ерунда, бытовая деталь, но на самом деле это распространение добрых и хороших чувств по отношению друг к другу. Такое не в лоб, не напрямую решение проблемы разобщения и страха перед чужим. Кроме того, молодые люди, обучающиеся в центре, находятся в постоянном контакте с молодежной группой нашей организации. Они помогают нам, а мы им создавать новые проекты.

В заключение некоторые обобщения.

Во-первых, для межэтнического взаимодействия важно, чтобы люди чувствовали необходимость друг друга, чтобы у них было общее дело, общее занятие и общий интерес, чтобы они чувствовали, что они друг другу не чужды, а интересны и полезны.

Во-вторых, государство должно поддерживать такие начинания. Чрезвычайно важно, чтобы наша работа проходила одновременно с работой государства. Чтобы представители власти шли впереди общества, а не делали опасные заявления из соображений дешевого популизма.

В-третьих, чрезвычайно важна работа СМИ. Необходимо, чтобы они освещали пусть пока небольшие шаги к примирению, о которых я говорила, к созданию здоровой общественной обстановки и при этом давали правдивую, а не ложную информацию.

В-четвертых, если мы работаем с людьми, мы должны знать хотя бы элементы их культуры, понимать их. Следовательно, к этому надо готовиться, иначе можно попасть в очень трудное положение. Я знаю такие примеры.

В-пятых, никаким круглым столом работа не может ограничиваться. Надо продолжать работать, и те, кто у нас

учился и в бизнес-центре, и на семинарах, сами становятся источником распространения того, что восприняли там. Они делают свои проекты, вокруг них объединяются люди. Но это надо поддерживать. Они не должны оставаться в изоляции в своем обществе, должны чувствовать, что им всегда готовы прийти на помощь.

И последнее. Организация переговоров между представителями конфликтующих сторон требует огромной подготовительной работы. Мы занимались и занимаемся этим в армяно-азербайджанском конфликте, сейчас работаем в Дагестане. Но это тема другой статьи.

США глазами американского дипломата Джорджа Фроста Кеннана

Взгляды известного американского дипломата и историка Джорджа Фроста Кеннана на американское общество представляют огромный интерес. Однако они не получили широкого распространения из-за тех ярлыков, которые были навешаны на Кеннана как на специалиста исключительно по международным отношениям.

США во второй половине XX века достигли небывалого расцвета. Историки назвали этот период началом «Американского века». Соединенные Штаты превратились в сильнейшую державу с огромным военным потенциалом, обладающую беспрецедентной экономической и политической мощью, культурой, оказавшей уникальное влияние на всю мировую культуру XX века. Впечатляющие достижения во всех сферах жизни США вызывали эйфорию у многих политиков, историков, общественных деятелей и представителей культуры как в самой стране, так и за ее пределами. Америка стала своеобразным примером для всего мира, экспортером демократических ценностей, свободных экономических отношений и образцов первоклассной массовой культуры.

Джордж Фрост Кеннан никогда не был склонен к универсализации американского опыта. Еще в далеком 1951 году в статье «Америка и русское будущее» он писал: «...нам, американцам, в особенности, следует сдерживать, а если возможно, то раз и навсегда уничтожить укоренившуюся среди нас склонность судить о других народах в зависимости от того, в какой степени они похожи

*Рустем Наримович Чанышев,
аспирант кафедры новой и новейшей
истории исторического факультета
Казанского государственного
университета*

¹ Kennan G.F. America and the Russian Future // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование. Сб. статей под ред. А.О. Чубарьяна и Б. Рубла. М., 2007. С. 288.

на нас самих...»¹ Всю свою жизнь Кеннан внимательно следил за событиями внутренней жизни Америки, наблюдал, как она менялась «не в лучшую сторону: кризис традиционных ценностей патриотизма, семьи и религии, разгул потребительства и вседозволенности, засилье вульгарной массовой эрзац-культуры – все это ставило под вопрос способность и право США на то моральное и политическое руководство в мире, которое виделось Кеннану на заре холодной войны»².

В работах Кеннана часто проявляется его скептическое отношение к современному американскому обществу. В эпилоге работы «Наброски о моей жизни» он писал: «Я с удивлением обнаруживаю, насколько мрачное впечатление производит моя родина. На мой взгляд, в эти последние годы XX века положение в Соединенных Штатах по сути выглядит трагически...»³

Кеннан всегда говорил о себе как о консерваторе, даже «основательном консерваторе»⁴.

В свое время огромное влияние на Кеннана оказали знаменитые труды «Упадок и крах Римской империи» Эдварда Гиббона и «Демократия в Америке» Алексиса де Токвиля. К этим произведениям он часто обращался в поисках аналогий к ситуации, сложившейся в Америке. В послевоенное время он особенно зачитывался трудами американских и европейских общественных мыслителей, представителей «органицистского консерватизма»: Освальда Шпенглера, Хосе Ортега-и-Гассета и Томаса Элиота. Понимая, что США, как и любая империя в истории, в итоге придут к упадку, Кеннан невольно настраивал себя на автоматическое созерцание зачатков этого упадка в течение всей второй половины XX века. Поэтому неудивительно, что в своих поздних трудах и статьях он фак-

тически начинает бить тревогу, понимая, что Америка, встав «не на те» рельсы, уверенно движется к своему краху.

В 1993 году выходит в свет труд Джорджа Кеннана «Вокруг крутого утеса: личная и политическая философия». Это была одна из последних крупных его работ, которая является фундаментальной для изучения философских взглядов Кеннана относительно внутренней и внешней политики США, проблем американского общества и культуры. В ней также освещаются такие темы, как смерть, разум, религия, Бог, семья, отношения полов, мотивации человеческих поступков. Суммировав весь собственный опыт, Кеннан подвел некий итог своему пониманию развития США. Безусловно, эта книга явилась для него своего рода откровением, став по сути единственной, где он попытался комплексно отразить свои взгляды на внутренние проблемы Америки.

В основе критики Кеннаном США лежало, как нам представляется, легендарное библейское: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Откр 3:9).

Первая группа проблем, волнующих Кеннана, связана с соотношением государства и общества в самом широком смысле этого слова.

Главная проблема состояла в неприятии Кеннаном всеобщего уравнивания людей в правах. Кеннан критиковал эту «гражданскую уравниловку» и пассивное отношение людей к политической жизни, закрепленное самим государством, олицетворяемым разросшимся бюрократическим аппаратом.

«Равенство, – писал Кеннан, – приведет к прискорбной централизации власти в государстве и к тому, что эта централизованная власть примет форму не какой-либо личной тирании или диктатуры, а форму так называемого “аноним-

² Печатнов В.О. Человек на все времена (памяти Джорджа Кеннана) // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование. С. 77.

³ Kennan G.F. Sketches From a Life. N.Y., 1989. P. 363.

⁴ Congdon L. George Kennan: A Writing Life. Wilmington, Del., 2008. P. 160.

⁵ Kennan G.F. Around the Cragged Hill: A Personal and Political Philosophy. N.Y., 1993. P. 118.

ного деспотизма”, за который никто не возьмет на себя ответственность»⁵.

Он считал, что человек должен заслужить себе место в обществе благодаря труду и самодисциплине, работе над собой и на благо других. Кеннан призывал задуматься не о том, как бы уравнивать всех вокруг, а о том, как поднять уровень конкретного человека, предъявить ему более высокие требования в образовании, нравственности и служении обществу, так как понизить планку легче, чем повысить.

Другую проблему Кеннан видел в нехватке квалифицированных людей в государственных структурах. Признавая государство как неотъемлемую и необходимую часть общества, он жестко критикует разросшийся бюрократический аппарат и некомпетентность людей у власти.

«Государство, – утверждал Кеннан, – это вселенский признак цивилизованной жизни...»⁶, необходимо принять его как благо. Он отнюдь не пропагандирует всеобщее упование лишь на власть, в рассуждениях об опыте своих предков Кеннан констатирует, что «от правительства они требовали только, чтоб оно оставило их в покое. Когда бывало трудно (а так было не раз), они жаловались Богу, а не в Вашингтон»⁷. В этих словах, как это ни парадоксально, чувствуется некоторое личное желание Кеннана дистанцироваться от общения с властными структурами, передавшееся ему по наследству вместе с полным принятием государства как бесспорной необходимости.

Согласно Кеннану, государственными делами должны заниматься люди квалифицированные, образованные, нравственно возвышенные. Именно такую элиту, по Кеннану, необходимо было воспитывать.

«У нас обязательно должна быть элита, – писал Кеннан. – Элита тех, кто

служит другим, элита, обладающая самосознанием, добросовестностью, способностью сдерживать все недостойное по своей сущности, полная решимости быть для других большим, чем для самой себя. Однако, когда у нас появится такая элита, неважно, насколько она далека от идеала, мы будем уважать ее и не будем притворяться, что мы могли бы существовать без нее»⁸.

Кеннан акцентировал внимание на том, что во второй половине XX века государство обладает обширным обезличенным бюрократическим аппаратом, вводящим простых людей в заблуждение, постоянно «скармливая» им противоречивые сведения и навязывая двусмысленные ценности, в связи с чем авторитет политических лидеров падает, люди перестают верить в политику и их заинтересованность в ней пропадает.

Консерватизм политических убеждений Кеннана отчетливо проявляется в его стремлении подчинить политику людям образованным и авторитетным, способным ценить свое право влиять на политику и обладающим повышенной ответственностью. Его элитизм подкрепляется жесткой критикой всеобщего равенства и просачивания в политику людей необразованных, недалеких, в свое время пришедших к власти в результате демократических преобразований рузвельтовской администрации.

Еще одна проблема, затрагиваемая Кеннаном, состоит в том, что люди в политике не испытывают желания прислушиваться к мнению компетентных представителей общества, которые по тем или иным причинам не принимают непосредственного участия в политике. Кеннан разделял их на две категории.

Первая категория состоит из тех, кто побывал на государственной службе, но отошел от дел. Кеннан подчеркивал, что «они обладают опытом и знанием»⁹, однако государство отказывается исполь-

⁵ Ibid. P. 54.

⁷ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 7.

⁸ Kennan G.F. Around the Cragged Hill... P. 133.

⁹ Ibid. P. 234.

зовать эти колоссальные интеллектуальные ресурсы.

Вторая категория представляет значительное количество людей, которые «никогда не состояли на государственной службе»¹⁰; здесь и бизнесмены, и педагоги, академики, публицисты, журналисты и другие работники СМИ. Такие люди также обладают бесценным опытом, критическим мышлением, особой проницательностью, исключительной преданностью общественным интересам, всем тем, что могло бы быть полезным, но используется незначительно.

Кеннан полагал, что многие достоинства и характерные черты американского образа жизни и мыслей могут стать причинами серьезных проблем будущего. Проблемы бюрократии и законопослушности он связывает с размером и численностью населения страны. Главной идеей здесь является осознание закона как необходимости: чем больше страна по размеру, тем меньше связь между законами и теми, кто им подчиняется, считает он. Кеннан задавался вопросом, смогут ли здоровые принципы американского представительного правления успешно действовать в столь обширных границах.

Державы-монстры (США, СССР, Китай, Индия, Бразилия), по мнению Кеннана, превратились прежде всего в угрозу для самих себя, а не для других.

«Если бы кто-то из иностранцев задал мне вопрос о том, что поражает меня больше всего в моем народе, две вещи, как мне кажется, быстро пришли бы мне на ум: первое – мы нация с дурными социальными привычками, и второе – нас слишком много»¹¹, – писал Кеннан.

Следующая группа вопросов в его размышлениях непосредственно связана с наличием острых социальных проблем.

Первая из них – иммиграция и связанная с ней отчужденность людей различных социальных, культурных и национально-расовых групп друг от

друга, усиливающая расслоение американского общества.

«Это огромный мир. Миллиарды людей находятся за нашими границами. Большинство из них, – полагает Кеннан, – являясь, как им кажется, более бедными, чем многие из нас, с завистью смотрят сквозь границы и не отказались бы, если бы только могли, перебраться сюда»¹².

Проблема иммиграции, согласно взглядам Кеннана, имеет два основных аспекта. Первый состоит как раз в том, что люди, которые иммигрируют в США, не испытывают желания приобщиться к американской культуре. Конечно, если человек работает на благо экономики, платит налоги, но по каким-либо причинам не знает языка, культуры и не понимает исторической ситуации, сложившейся в США, – для Кеннана это еще половина беды. Однако существует масса нелегальных иммигрантов, которых тайно поддерживают окрепшие общины, огромное количество бедных и даже нищих людей, прибывших в Америку за мечтой о благополучии. Это и есть второй аспект – нищета приезжающих.

Кеннан понимает, что в национальном вопросе необходимо быть чрезвычайно аккуратными и осторожными. Нужно с пониманием и терпимостью относиться к проявлениям разных культур в обществе, даже поддерживать их, но постоянно напоминать, что все население США должно обладать общей американской культурой и владеть языком как неотъемлемой ее частью.

Не менее важной проблемой американского общества Кеннан считает засыле массовой культуры.

Особое место в критике Кеннаном современного американского общества занимает телевидение. Средства массовой информации постоянно вводят в заблуждение простого человека или просто дают такое обилие информации,

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P. 142.

¹² Ibid. P. 152.

разобраться в которой не представляется возможным.

«Подобно автомобилю, – пишет Кеннан, – оно (телевидение. – *Р. Ч.*) чрезвычайно асоциально... Самый большой недостаток просмотра телевидения состоит в том, что оно вызывает и усиливает пассивность в человеке. Зритель – в лучшем случае пассивный свидетель, не вовлеченный в действие сторонний наблюдатель»¹³.

Новая реальность, создаваемая телевидением, выглядит более привлекательной и ничем не обременяющей, она формирует пассивное отношение к себе, к людям вокруг и к своей стране. Не имея способности анализировать, принимать самостоятельные решения, рядовой американец, по мнению Кеннана, идет на поводу у телевидения, которое всегда готово помочь – успокоить, развеселить и подсказать, как жить.

Джорджу Кеннану, сформировавшемуся без «цивилизационных излишеств», чрезвычайно тяжело было понять, что человек на закате XX века уже не мыслил жизнь без личного автомобиля, телевидения, компьютера и Интернета. Кеннан являлся приверженцем традиционного американского уклада не только в политике и экономике, но и в повседневной жизни. В своем отдыхе и развлечениях он призывает быть старомодными и не впадать в зависимость от плодов технического прогресса.

Важное место в размышлениях Джорджа Кеннана занимает вопрос свободы передвижения и транспорта для американцев. Здесь он предстает перед нами в высшей степени идеалистом. Порой складывается впечатление, что Кеннан-ученый решил объявить войну техническому прогрессу. В его работе «Вокруг крутого утеса: личная и политическая философия» четко прослеживается тоска по тем временам, когда личного транспорта было не так много,

а улицы были просторнее и чище. Частный автомобиль, по мнению Кеннана, сгубил великолепную железнодорожную сеть Америки и ее великие города, в которых, как ему казалось, по-настоящему была ключом экономическая и культурная жизнь. Кеннан негативно относился к дорогостоящей и загрязняющей окружающую среду автомобильной индустрии.

Его отвращение к автомобилю почти величественное. Он противопоставляет автомобильное путешествие яркости впечатлений и душевности английской дороги времен Чосера, отраженных в «Кентерберийских рассказах», или приятной атмосфере салона поезда викторианского романа¹⁴.

Кеннан активно критиковал современное положение в американских семьях, когда дети переставали испытывать естественный интерес к жизни, опыту и мнению своих отцов и дедов. «Я глубоко убежден в том, – писал он, – что если вы меняете жизнь так быстро, что опыт отца и его мудрость становятся неуместными для сына, то вы делаете нечто опасное – вы обрываете естественную связь в семье и причиняете эмоциональную травму молодым людям, вот поэтому я консервативен»¹⁵.

В завершение темы критического осмысления проблем американского общества актуально звучат слова Кеннана, которые процитировал известный американский дипломат Генри Киссинджер в своем труде «Дипломатия»: «Моим соотечественникам, которые часто спрашивали меня, куда лучше приложить руки, чтобы противодействовать советской угрозе, я соответственно вынужден был отвечать: к нашим американским недостаткам, к тем вещам, которых мы стыдимся и которые – бельмо у нас на глазу, или к тем, которые нас тревожат: к расовой проблеме, к условиям жизни в больших городах,

¹³ Ibid. P. 173.

¹⁴ Will G. F. Around the Cragged Hill. A Personal and Political Philosophy. By George Kennan. Review [http://www.nytimes.com/1993/01/03/books/so-unreconciled-to-so-much.html].

¹⁵ Congdon L. George Kennan: A Writing Life... P. 163.

к вопросам образования и социально-го окружения молодежи, к растущему разрыву между специальным знанием и массовым пониманием»¹⁶.

Известный биограф Кеннана Уолтер Хиксон в своей крупной работе «Джордж Ф. Кеннан: Иконоборец холодной войны» пишет: «Кеннан придерживался мнения, что западная цивилизация начала свое разложение в тот момент, когда европейская и американская аристократия утратила господствующее положение в конце XVIII – начале XIX века... Элитизм Кеннана и ностальгия связывали его с расистскими настроениями Викторианской эпохи и защитой сегрегации внутри государства и империализма за его пределами»¹⁷.

«Его консерватизм, – отмечает историк Джордж Ф. Уилл в рецензии на «Крутой утес», – любопытное и не всегда логически последовательное смешение из двух традиций, с давних пор относимых к проигравшей стороне американской истории. Одна традиция – это антифедералистское недоверие к масштабам политизации и страх перед концентрацией политической власти в центральном правительстве. Другая традиция сугубо федералистская, даже разделяющая принципы торизма – убеждение в том, что правительство должно состоять из незаинтересованной элиты, должно быть достаточно сильным для управления базовыми нравами беспокойных масс»¹⁸.

Профессор международных отношений университета Южной Калифорнии Рональд Стил был прав, когда определил, что Кеннан был консерватором не-

американского толка: «Кеннан – классический, органичный консерватор, интеллектуальный компаньон приверженцев романтизма, таких как Ортега-и-Гассет и Шпенглер»¹⁹.

Мы приходим к выводу, что размышления Джорджа Кеннана относительно проблем внутреннего развития США занимали особое место в его творчестве. Эти размышления помогают раскрыть Кеннана не только как политического деятеля и общественного мыслителя, но и как человека с определенными нравственными убеждениями и своеобразным мироощущением.

Кеннан акцентировал свое внимание на нескольких глобальных социальных проблемах: иммиграции, культурном расслоении, засилии массовой медиакультуры и чрезмерной озабоченности людей техническим комфортом. Именно эти проблемы он выделял в качестве наиболее острых для настоящего и будущего Америки.

Джордж Кеннан был человеком консервативных убеждений, ставившим под сомнения многие экономические и социальные преобразования в США в XX веке. Современный человек, по мнению Кеннана, делает выбор в пользу материального комфорта и технического прогресса, отрекаясь от старого доброго «неэффективного» уклада. Рационалистическая цивилизация приводит к гибели духовных ценностей, что, в свою очередь, грозит гибелью самой цивилизации. Будущее Америки не безоблачно, но, по мнению Кеннана, зависит от способности эффективно решать проблемы настоящего.

¹⁶ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 424.

¹⁷ Hixon W.L. George F. Kennan Cold War Iconoclast. N.Y., 1989. P. 306.

¹⁸ Will G.F. Op. cit.

¹⁹ Цит. по: Congdon L. Op. cit. P. 161.

Проблемы культурного разнообразия: переосмысление подходов

В сентябре этого года в Ярославле состоялся мировой политический форум «Современное государство в эпоху социального многообразия». В центре дебатов с участием руководителей государств, известных политиков, ученых и общественных деятелей из многих стран оказалась тема, которая еще недавно считалась сугубо академической. Российский президент в своем выступлении на форуме даже заметил, что его устроители не были уверены в том, насколько удачно такое, на первый взгляд, «академическое» название будет звучать на русском языке. Обращение к этой проблеме на столь высоком уровне явилось признанием того, что «социальное многообразие стало решающим фактором развития личности, группы, этноса, стало влиять на развитие демократических государств»¹.

Задолго до этого события, в конце 2009 года, когда московский офис Института Кеннана и Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд) обсуждали возможные направления будущего сотрудничества, именно эта тема была выбрана ими в качестве наиболее актуальной и интересной для рассмотрения. Идея обсуждалась с Михаилом Сергеевичем Горбачевым, руководством Института Кеннана и многими его российскими выпускниками. Такой обмен мнениями показал, что необходима широкая и разнообразная по формам интеллектуальная программа, предусматривающая специализированные научно-практические мероприятия, публичные лекции известных рос-

сийских и зарубежных ученых и общественных деятелей, публикации и иные формы деятельности.

Программа получила название «*Вызовы культурного разнообразия в глобальном мире*». Ее инициаторы, Эмиль Паин, профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель московского офиса Института Кеннана, и Ольга Здравомыслова, исполнительный директор Горбачев-Фонда, исходили из того, что глобализация является противоречивым процессом. Она усиливает взаимозависимость стран и народов, приводя к определенной стандартизации культуры, и в то же время способствует росту культурного разнообразия мира. В преамбуле программы говорится: «Глобальные миграции, дробление групповых форм культуры и конструирование новых – все это приводит к усложнению культурной картины мира. У каждой медали две стороны. Культурное разнообразие – благо в том смысле, что создает культурный капитал человечества, множество вариаций человеческого опыта адаптации в среде обитания. Это резервуар новаций. Вместе с тем разнообразие порождает и проблемы сосуществования разных культур в едином мире и в каждой отдельной стране. Наиболее наглядный тому пример – проблема интеграции мигрантских сообществ в сложившиеся социумы развитых стран мира. Даже страны, демонстрировавшие в 1990-е годы наивысшие уровни толерантности, терпимости к иным культурам, оказались в 2000-х годах подверженными конфликтам культурного несоответствия. В сложившихся обстоятельствах диалог культур является залогом выжи-

¹ [http://www.gpf-yaroslavl.ru/viewpoint/speech_by_president_of_russian_federation_da_medvedev_at_the_plenary_session_of_the_global_policy_fo/]

вания человечества. Мысль эта кажется понятной и даже тривиальной, однако примеров позитивного диалога совсем немного, а его технологии малопонятны. В таких условиях остро необходимы яркие прорывные идеи о культурном взаимодействии. Замысел данного проекта как раз и состоит в том, чтобы аккумулировать такие идеи, носителями которых являются ведущие деятели российской и мировой науки.

Первым мероприятием программы стал научно-практический семинар «В поисках новых моделей межкультурного взаимодействия», состоявшийся в Горбачев-Фонде 14 июня 2011 года при участии Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. В задачи семинара входила инвентаризация существующих теоретических подходов к политике межкультурного взаимодействия, оценка их сильных и слабых сторон, а также анализ практического опыта организации межкультурного диалога и на этой основе поиск новых идей в данной сфере.

В своем вступительном слове председатель президентского Совета по правам человека *Михаил Федотов* отметил, что при выработке политики мирного урегулирования межкультурных конфликтов крайне важно «опираться на научную мысль». Однако, как подчеркнул *Эмиль Паин*, сегодня в мире очевиден кризис концептуальных подходов в сфере межкультурного взаимодействия. Существовавшие на протяжении 40 лет подходы в рамках концепции мультикультурализма оказываются во многом несостоятельными. При этом мультикультурализм как концепция, исходящая из культурного разнообразия мира, не отрицается. Основная его критика связана с тем, что политические решения, которые базировались на этой концепции, были направлены прежде всего на обеспечение культурных различий и практически не работали на интеграцию. Все это

вело к «мультикультурному расколу» обществ.

Какой же должна быть современная модель межкультурного взаимодействия, способствующая, с одной стороны, сохранению существующего разнообразия, а с другой – единству поликультурных обществ? Этот вопрос рассматривался в первой, теоретической части семинара. В той или иной форме всеми выступавшими высказывалась идея о необходимости усиления интегративных функций государственной политики, обеспечивающей взаимодействие представителей различных этнических, религиозных, расовых групп. Практически во всех докладах прозвучала мысль о том, что центральной задачей такой политики должно стать обеспечение условий для нахождения общего интереса. *Лилия Низамова*, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, предложила следующую формулу интеграции российского общества: «Российская нация XXI века как мультикультурное и даже интеркультурное и вместе с тем демократическое согражданство». Эту формулировку в целом поддержал и *Эмиль Паин*. По его мнению, сегодня на смену мультикультурализму приходит интеркультурализм. Его суть в том, что недостаточно уважать различия друг друга – нужно еще иметь общий интерес, общее дело и взаимную ответственность. Именно последнее является наиболее сильным фактором, сплачивающим жителей страны в единое сообщество – гражданскую нацию. Правда, в условиях современной России, по мысли Паина, этот принцип пока вряд ли осуществим, поскольку взаимная ответственность может формироваться только при социально-политической субъектности человека, осознании им его реальных возможностей оказывать влияние на перемены в социальной и политической сфере страны. К сожалению, сегодня в России такие возможности гражданам не обеспечены².

² Статьи Л. Низамовой и Э. Паина на эту тему публикуются в настоящем выпуске «Вестника».

Аркадий Липкин, профессор кафедры истории науки РГГУ, проанализировал истоки мультикультурализма с позиций цивилизационной парадигмы. Он исходит из того, что «культуры, определяющие структурирование мира, подобны языкам, а зрелые языки не смешиваются». Поэтому «если возникли зрелые культуры определенного уровня, то на этом уровне возможна лишь поликультурность индивидов, а их интеграция возможна только на вышележащем уровне». Во втором случае ислам должен трансформироваться, стать индивидуализированным и совместимым со светским правом, свободой и правами личности. Как и многие страны ЕС, Центральная часть России сталкивается с большими иммиграционными потоками из слаборазвитых районов исламского мира. Учитывая европейский опыт, «России необходимо культивировать толерантность на индивидуальном уровне и проявлять крайнюю осторожность в отношении групповых прав и в вопросах предоставления гражданства». Россия до сих пор не определилась в плане своей идентичности и направления движения – то ли к русской нации, то ли к наднациональной российской субцивилизации. По мнению Липкина, второй проект более адекватно отвечает современным тенденциям, но требует соответствующей высокой культуры. Докладчик убежден, что «российское культурное наследие позволяет строить необходимую для объединения субцивилизационную культуру».

Оценке возможностей использования особых психологических технологий для профилактики ксенофобии в межкультурном взаимодействии посвятила свое выступление *Галина Солдатова*, руководитель Научно-практического центра «Гратис». По ее мнению, толерантность, которая сегодня в России вызывает критику консервативных кругов, является основой межкультурного взаимодействия, «нормой устойчивости в мире разнообразия».

Леокадия Дробизева, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, опираясь на результаты социологических исследований в Татарстане, Якутии и Большом Сочи – регионах, в которых удается поддерживать благоприятные межкультурные отношения, – убедительно показала, что главным фактором успешной интеграции является общий интерес.

Во второй части семинара эта идея получила свое развитие на конкретных примерах.

Выступление уполномоченного по правам человека Свердловской области *Татьяны Мерзляковой* показало, что ситуация в сфере межкультурного взаимодействия в целом по стране ухудшается. Социальное недовольство людей нынешним порядком зачастую выливается в форме ксенофобии, этнической и религиозной ненависти. Вместе с тем и в этих условиях на локальном уровне появляются отдельные успешные проекты, способствующие снятию напряжения в данной сфере.

Так, правозащитница *Светлана Ганнушкина* рассказала об опыте налаживания отношений между осетинами и ингушами в чрезвычайно конфликтной зоне Пригородного района Республики Северная Осетия – Алания³.

Участники из Украины *Гульнара Бекирова* и *Володимир Припула* презентовали уникальный проект сотрудничества представителей разных этнических групп (украинцев, татар и русских), различных профессиональных сфер и порой диаметрально противоположных взглядов в рамках проекта «Крымский политический диалог». Его целью является выработка предложений по формированию политики в наиболее конфликтных сферах, таких как язык, земля, безопасность, идентичность, взаимоотношения этнических групп, для раннего выявления и создания системных заслонов возможным конфликтным проявлениям на полуострове.

³ Выступление С. Ганнушкиной публикуется в настоящем выпуске «Вестника».

Маргарита Лянге, председатель Гильдии межэтнической журналистики, посетила свое выступление тем сложностям, которые возникают при освещении межкультурных проблем в средствах массовой информации. Приведенные докладчицей позитивные примеры (организация программы «Народы России» – межэтнического радиожурнала, в котором представители разных народов сами рассказывают о себе, а также Всероссийского конкурса средств массовой информации на лучшее освещение темы межэтнического взаимодействия народов России и их этнокультурного развития «СМИротворец») также показали, что наиболее привлекательными и для граждан, и журналистов являются те формы деятельности, которые предполагают наличие общего интереса.

Доклад *Игоря Савина*, представителя неправительственной организации «Международное ненасилие», был основан на данных исследования, посвященного выявлению социальных и культурных факторов интеграции иноэтнических мигрантов в Москве. Приведенные данные свидетельствуют о том, что многие проблемы в этой сфере, которые нередко рассматриваются как обусловленные культурными различиями, имманентными свойствами людей, на самом деле чаще всего являются социальными, ситуативными. Даже если считать, что подход докладчика излишне оптимистичен в отношении социальных способов разрешения конфликтов между мигрантами и старожильческим населением, нельзя не признать, что приведенные им примеры углубляют наше представление о причинах и способах снятия межэтнического напряжения.

Обсуждение темы культурного разнообразия в глобальном мире продолжилось на втором семинаре, посвященном проблемам, которые возникают в городах в связи с притоком иноэтнических мигрантов. Он состоялся 19 сентября 2011 года и включал публичную лекцию Блэра Рубла, директора Института Кеннана и Проекта сравнительных

урбанистических исследований Международного научного центра им. Вудро Вильсона, «*Вызовы городского разнообразия и поиск ответа на них в эпоху масштабных миграций*», выступления Анатолия Вишневого, директора Института демографии НИУ ВШЭ, и Владимира Малахова, ведущего научного сотрудника Института философии РАН, а также дискуссию. В семинаре принял участие Михаил Горбачев.

Как отметил *Блэр Рубл*, мы живем в эпоху городов и одновременно в эпоху миграции. Для формирования инклюзивных, социально устойчивых городов, способных принимать мигрантов и быть вместилищем культурного разнообразия, необходимы действенные структуры городского управления и сильная демократическая гражданская культура.

Чтобы добиться успеха в условиях быстрого глобального перемещения населения, город должен разнообразным и в то же время единым. Городская гражданская идентичность должна вобрать в себя все групповое и индивидуальное разнообразие его жителей. Даже если города в прошлом были разделены, в них должно сформироваться общее чувство ответственности за общее будущее.

Для этого, полагает докладчик, в городах необходимо поддерживать «зоны контактов», где представители разных культур встречаются и взаимодействуют друг с другом. Ведь чувство сопричастности зачастую возникает из обыденных реалий повседневной жизни. Местная кухня, магазин, городской парк, стадион, спортивная команда, студенческий клуб, веб-сайт или блог – все это может объединять жителей.

Рубл привел примеры из истории Нью-Йорка, Вашингтона и Монреаля, где различные этнические, религиозные и социальные группы, контактируя друг с другом, для реализации своих собственных интересов были просто вынуждены приходить к компромиссам. «Прагматический плюрализм» стал для них стратегией выживания. В этих городах культурное разнообразие

постепенно превращалось из угрозы в ресурс развития. Сегодня эти сообщества обладают внутренней способностью аккумулировать и поддерживать разнообразие. В терминологии докладчика, они имеют большой запас «капитала разнообразия», что повышает социальную устойчивость этих городов.

Однако, предупреждает Рубл, эти достижения очень хрупкие и могут быть уничтожены в один момент. Можно вспомнить хотя бы недавние события в Лондоне. Города могут меняться как в лучшую, так и в худшую сторону. Поэтому процесс управления разнообразием должен быть постоянным. Уроки успешных в этом отношении городов касаются даже не конкретной политики, а осознания необходимости продвижения идеи вынужденной терпимости к разнообразию, что рано или поздно будет способствовать объединению самых разных частных интересов. Принятие разнообразия, убежден Рубл, должно стать «фактором обыденной жизни, второй натурой людей, чем-то, о чем они просто не задумываются». Добиться этого очень трудно, но альтернативы у человечества нет.

Как подчеркнул *Анатолий Вишневский*, при обсуждении темы взаимодействия пришлое и местного населения на первый план обычно выходят вопросы этнического и религиозного разнообразия. Между тем, по его мнению, главная проблема заключается в том, что в городские общества Севера едет население из сельских крестьянских стран Юга. «Мировая деревня едет в мировой город». Это две разные цивилизации, отличающиеся уровнем своей сложности. У приезжих иная, более простая картина мира. В ней нет места многообразию индивидуального выбора, политической демократии, свободным выборам, всеобщему равенству т.д. Демограф полагает, что в принципе барьер, который отделяет пришлое население от местного, может быть преодолен. Но это зависит от способности принимающего общества адаптировать вновь прибывших.

Есть ли у нашей страны сегодня такие возможности – вопрос открытый. Ведь Россия – это общество, лишь недавно, в середине XX века, ставшее городским. У нее, по выражению Вишневского, «нет того гумуса, того слоя, который Блэр называет капиталом разнообразия». «Мы еще недостаточно сложны как общество», – полагает демограф, о чем свидетельствуют механизмы управления страной, проблемы с многопартийностью и т.д.

В своем выступлении *Владимир Малахов* обратил внимание на выводы Роберта Патнэма о том, что рост этнокультурного разнообразия плохо совместим с ростом социального капитала. Доверие между людьми не увеличивается, а уменьшается по мере того, как растет разнообразие. Однако, по мнению докладчика, так обстоит дело в краткосрочной перспективе. В конечном же итоге это приводит к формированию надобщинных формы солидарности. «Монреаль и Нью-Йорк, некогда разделенные по линиям этнических и религиозных различий, сегодня представляют собой динамические целостности, которые функционируют по принципу “E pluribus unum” (“Из многих единое”)». Феноменальное разнообразие этих городов не мешает существованию в них «пространств совместности».

В российских же публичных дебатах, заметил Малахов, тема миграции обсуждается почти исключительно в модусе угрозы. Они определены «либо фантазмом культурной чистоты, либо мифом о неизбежном культурном конфликте». Особое внимание выступающий обратил на проблему «культурализации социальных отношений, то есть истолкования социальных напряжений и противоречий в терминах культуры, этноса и конфессии». По его мнению, это позволяет бюрократии переключить внимание с социальных проблем на проблемы морально-психологические, а также выполняет функцию символической компенсации структурного неравенства. «Риторика конфликта культур в нашей стране стала своеобраз-

разным наркотиком, опиумом для народа, который изготавливают эксперты в своих лабораториях и которые в домашних условиях себе варят люди, чтобы смягчить боль, причиняемую социальным неравенством. Если мы этого рода наркомании не поставим заслон на уровне академического сообщества, на уровне гражданского общества, то наши перспективы в том, что касается аккомодации культурных различий, очень печальны», – заключил Владимир Маляхов.

Во время дискуссии Эмиль Паин и Аркадий Липкин, в целом поддерживая эту идею, подчеркнули, что полностью отрицать наличие культурных различий было бы серьезным упрощением ситуации. На конкретных примерах из жизни России, Франции и Германии это было продемонстрировано и в кратком выступлении Светланы Ганнушкиной. В обсуждении также приняли участие Григорий Шведов (главный редактор интернет-издания «Кавказский узел»), Николай Руденский (заместитель главного редактора интернет-издания «Грани.ру»), Валерий Пациорковский (заведующий лабораторией, Институт социально-эко-

номических проблем народонаселения РАН), Наталья Космарская (старший научный сотрудник отдела Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН), Андрей Казанцев (старший научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности МГИМО), Валентин Гефтер (директор Института прав человека) и др.

Организаторы программы надеются на то, что будущие встречи в рамках проекта с участием известных российских и зарубежных ученых, политиков и общественных деятелей позволят рассмотреть новые ракурсы проблемы поиска оптимальных подходов к проблеме культурного разнообразия как в России, так и в масштабе мирового сообщества.

Материалы семинаров публикуются на сайтах Горбачев-Фонда, московского офиса Института Кеннана, Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, а также в «Вестнике Института Кеннана в России». По итогам проекта запланирован выпуск книги.

Екатерина Алексеева,
*руководитель программ московского
офиса Института Кеннана*

Двадцать лет после распада СССР: причины, следствия и тенденции

Распад Советского Союза, безусловно, – самое значимое событие конца XX века, которое и сегодня не просто присутствует в общественных дискуссиях и медиа-пространстве, но и прямо или косвенно продолжает воздействовать на жизнь миллионов людей. Минувшие двадцать лет – вполне достаточный период для того, чтобы взглянуть на те события с высоты исторического времени. За эти годы был накоплен определенный опыт постсоветского существования, который позволяет исследователям судить о тенденциях, наметившихся в развитии постсоветских государств, об успехах и неудачах в их взаимоотношениях, о несбывшихся надеждах и перспективах некогда единого пространства. Именно эти дискуссии и велись в рамках международной конференции и летней школы для молодых преподавателей из стран СНГ, объединенных одной темой – «Двадцать лет после распада СССР: причины, следствия и тенденции» – и прошедших в крымском отеле «Кички-нэ» с 4 по 10 августа 2011 года.

Несколько слов о формате. Идея серии летних школ для молодых преподавателей гуманитарных и социальных дисциплин из стран СНГ, которая имела бы своей центральной темой развитие постсоветских государств, принадлежит Владиславу Зубоку, известному историку холодной войны, профессору Университета Темпл (Филадельфия, США). Проект стартовал в 2007 году при поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк), а в разные годы его партнерами и спонсорами выступали Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, Фонд «Русский мир», Государственный университет гуманитарных наук, Фонд Д.С. Лихачева и Санкт-Петербургский государственный университет. За прошедшее время – а нынешняя

школа стала шестой по счету – в его работе приняло участие более ста молодых преподавателей вузов из многих регионов России, а также из Украины, Беларуси, Молдовы и Армении. Лекторами выступили более сорока ведущих российских, украинских, американских и европейских исследователей. В этом году летнюю школу предваряла международная научная конференция, которая была задумана не только как самостоятельное мероприятие. Она также стала отправной точкой для последующих дискуссий и ориентиром для разработки групповых проектов, презентация которых традиционно является итогом летней школы.

Уже в самом начале работы участники пришли к единому мнению, что распад Советского Союза и перипетии последующего развития его бывших республик должны быть не только предметом сугубо академических изысканий. Многие события, относящиеся ко второй половине 1980-х – первой половине 1990-х годов, часто воспринимаются в массовом сознании постсоветских обществ (впрочем, не только в них) в стереотипном и мифологизированном виде, к чему апеллируют разнообразные и не всегда конструктивные политические силы. Это неизбежно рождает вопрос о том, какова миссия интеллектуалов в данных условиях и как они могут способствовать укреплению положительных тенденций и преодолению того негатива, который накопился во взаимоотношениях постсоветских государств. На наш взгляд, эта задача важна не только на уровне большой политики, но и на уровне социума. Скажем, как преподавателям вузов (как, впрочем, и старшей школы) следует объяснять распад СССР своим студентам, у которых нет собственной исторической памяти об этом процессе и которые во многом

продолжают воспроизводить имеющиеся в обществе стереотипы? К сожалению, сегодня общая тенденция такова, что к голосу экспертов мало прислушиваются, а их точки зрения теряются в потоке псевдоисторической продукции. Поэтому одним из важных итогов работы, по мысли организаторов, должна быть трансляция научных дискуссий в практику преподавания и обновление учебных курсов в университетах.

Отправной точкой стало рассмотрение причин и факторов распада Советского Союза. *Норман Неймарк* (Стэнфордский университет, США) в своем докладе обратился к тому, стал ли распад СССР результатом «имперского перенапряжения сил». Ответ исследователя был отрицательным: кризис в СССР во второй половине 1980-х годов был связан не с внешней экспансией, а с неэффективностью его экономической и политической модели. Была также высказана точка зрения, что сегодняшней России отнюдь не обязательно следовать логике расширения, которой руководствовались Российская империя и СССР в поисках решений для своих дилемм безопасности. Тем не менее эта тенденция и сегодня присутствует в политике Кремля, что, по мнению профессора Неймарка, является персональным выбором элиты.

Важное место в дискуссиях было отведено процессам в сфере экономики и финансов в период позднего СССР. *Филип Хэнсон* (Чэтэм-хаус, Великобритания) указал на то обстоятельство, что воздействие военных расходов и гонки вооружений на советскую экономику было более сложным, нежели принято считать. При всей своей низкой эффективности в 1970-е – первой половине 1980-х годов экономика СССР все же оказалась способной не только достичь и затем поддерживать стратегический паритет с США, но и продолжать дотирование расходов стран Варшавского договора на оборону. Хэнсон также считает, что высокотехнологичные вызовы вроде программы «звездных войн» оказали скорее психологический эффект

на советское руководство. Поэтому бремя военных расходов следует рассматривать как один из аспектов системного кризиса СССР, пусть и глубокого, но отнюдь не как симптом «имперского перенапряжения».

Владислав Зубок охарактеризовал политику Горбачева в финансово-экономической сфере как «неуправляемый выход из автаркии». Программа реформ, избранная советским лидером, была неуверенной и довольно быстро потерпела крах. В этих условиях нежелание горбачевского руководства урезать расходы на ВПК и даже частично свернуть программы советского «социального государства» только усугубили имевшиеся проблемы. В конце концов Горбачев увидел возможный выход из кризиса в политической либерализации, которая не просто перечеркнула возможности авторитарной финансово-экономической стабилизации, но и привела к быстрому росту советского внешнего долга и, что имело более серьезные последствия, к «суверенизации» советских республик.

Значительный блок дискуссий был посвящен собственно политическим процессам в Советском Союзе на завершающем этапе его существования. Главный тезис выступления *Генри Хейла* (Университет Джорджа Вашингтона, Вашингтон, США) заключался в следующем: при всей силе подъема национализма в советских республиках только его было недостаточно для дезинтеграции. Крайне важным оказалась его связь с действиями конкретных политических лидеров (последствия которых в тех обстоятельствах было трудно предвидеть). РСФСР была основной несущей конструкцией советской федеративной модели («core nation», в терминах Хэйла), и потому горбачевская демократизация и процесс суверенизации (цели которого понимались разными элитами по-разному) открыли для Ельцина возможность бросить вызов властным полномочиям Горбачева, но отнюдь не самому существованию Советского Союза. Только итоги путча

обозначили как неэффективность общесоюзных структур, так и возможные политические угрозы для республиканского руководства. Поэтому именно события августа 1991 года стали, согласно Хейлу, «точкой невозврата» к прежней советской этнофедеральной модели.

Федор Лукьянов (главный редактор журнала «Россия в глобальной политике») высказал ряд сходных суждений. Он подчеркнул, что национализм играл во многом инструментальную роль – разрушение империй происходит не по периферии, а именно в центре. Действительно, Ельцин использовал лозунги суверенизации в борьбе за власть с Горбачевым. Но немаловажно и то, что за его спиной стояли либералы, которые в условиях кризиса общесоюзного механизма управления имели не просто альтернативную программу, но и политическую волю для ее реализации, а также социальный капитал в виде легитимности Ельцина, избранного на прямых выборах. Тема легитимности была центральной и в выступлении *Марии Липман* (главный редактор журнала «Pro et Contra», Московский Центр Карнеги), которая проследила процессы делегитимации советской модели в общественном сознании. Перестройка дала надежду не только на преодоление «тотального цинизма» в отношениях власти и общества, но на «свободу» и «правду». Однако Горбачеву не удалось трансформировать эти общественные настроения в политический капитал, и это, по словам Липман, во многом объясняет, почему в 1991 году Советский Союз на деле некому было защищать.

Дискуссии относительно международного контекста распада СССР выявили ряд принципиальных моментов. Во-первых, высказывалась точка зрения о том, что Запад отнюдь не хотел краха Советского Союза не только по политическим мотивам, но и во многом из-за стремления гарантировать возврат советских займов. Во-вторых, процессы в Восточной Европе внесли свой определенный вклад в эрозию коммунистической идеологии в СССР. По

наблюдению *Роберта Саквы* (Кентский университет, Великобритания), события 1968 года закрыли возможности для обновления социализма. Поэтому лозунгом «бархатных революций» 1989 года стало «возвращение в Европу», а не «реформирование коммунизма» в духе Дубчека или «коммунизм реформ», избранный Горбачевым. В-третьих, была поднята проблема об «упущенных возможностях», которые не сделали безоблачными отношения стран бывшего соцлагеря с Западом. По мнению *Владислава Зубока*, среди них наиболее существенно то обстоятельство, что Европа по-прежнему оставалась разделенной. Новая Россия – по аналогии с Россией дореволюционной, не говоря уж об СССР, – стала восприниматься как потенциальная угроза, и Запад также не желал инкорпорировать ее в свои политические институты. Все это не способствовало преодолению негативного наследия прошлого и вплоть до сегодняшнего дня серьезным образом влияет на взаимоотношения России с ее западными соседями. В этой связи интересно привести замечание *Нормана Неймарка*, утверждавшего, что в последние несколько столетий Россия в культурном отношении является частью Европы, но нежелание признавать этот факт той или иной стороной периодически только усугубляет проблемы, имеющиеся в двусторонних отношениях.

Большой блок дискуссий на конференции касался траекторий политического развития постсоветского пространства. Многие из возникших в его рамках политических режимов можно квалифицировать как «гибридные», сочетающие в себе элементы конституционализма и авторитаризма. По мнению *Марии Липман*, знаковым феноменом последних лет стал своеобразный «пакт неучастия» государства и граждан в делах друг друга, что было порождено усталостью россиян от политической неопределенности 1990-х годов и их неверием в политику как инструмент перемен. Однако нынешнее российское руководство, хотя и строит свою

легитимность на контрасте с «лихими 90-ми», генетически прочно связано с ними. *Филип Хэнсон* показал, что бум 2000-х годов был бы невозможен без исправления с помощью непопулярных реформ искажений в экономике, доставшихся России от СССР, и без либерализации и макроэкономической стабилизации 1990-х. Кроме того, российский крупный бизнес по-прежнему продолжает руководствоваться целым рядом организационных принципов, сложившихся в предыдущее десятилетие (в частности, использование оффшоров). Однако наиболее тревожным явлением, по мнению британского исследователя, является то, что в России за прошедшие двадцать лет так не были прочно обеспечены права собственности. Данное положение дел вызвано преимущественно политическими причинами, а именно – проблемами с обеспечением верховенства закона и отсутствием политической конкуренции.

Было обращено внимание и на то обстоятельство, что номенклатурный принцип «переливания» из одной элиты в другую – «верчение во власти», по выражению *Георгия Касьянова* (НУ «Киево-Могилянская академия», Украина), – сохраняется практически во всех постсоветских государствах, даже в прибалтийских республиках – членах ЕС (например, в Литве). Эта высокоразвитая система клиентелизма, как показал *Генри Хейл*, привела к падению значимости формальных институтов, заместив их в качестве механизмов поддержания равновесия в обществе и инструментов организации политической и социально-экономической жизни. Кроме того, сегодня на постсоветском пространстве, за исключением стран Балтии, существует общая тенденция к формированию и усилению авторитарных «политических машин», что можно объяснить потребностью правящих элит в обеспечении собственной власти в условиях сохраняющейся неопределенности и производных от нее «кризисов наследования», чреватых «цветными революциями».

Еще одной важной темой для докладов и дискуссий стали взаимоотношения постсоветских государств с внешним миром и между собой. По мнению *Роберта Саквы*, на смену холодной войне пришел «холодный мир», в котором сохраняется не только геополитическая нестабильность, но и многие прежние образцы поведения государств, правда, с более низким уровнем угроз. Комментируя распространенный взгляд на Россию 2000-х годов как на неоревизионистскую державу, Саква отметил, что Кремль желает изменить отнюдь не всю международную систему, а лишь правила игры. Полемизируя с этим утверждением, *Федор Лукьянов* высказал мнение, что в условиях нынешней высокой турбулентности в мировой политике Россия скорее уходит от геополитической активности, тем самым пытаясь отгородиться от перемен. Кроме того, опасения внушает приверженность Кремля геополитическому видению мира, центром которого было Атлантическое пространство (последние обсуждения Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и идеи «европейского пространства безопасности»). При этом в отличие, в первую очередь, от Соединенных Штатов Россия сегодня демонстрирует неготовность к тому, что в XXI веке ключевым регионом мира будет Азия.

На этом фоне будущее взаимоотношений постсоветских государств, а также масштабных интеграционных проектов в рамках СНГ и ШОС выглядит достаточно проблематичным. Своеобразной лакмусовой бумажкой здесь служат отношения между Москвой и Киевом, которые на протяжении 20 лет, по словам *Аркадия Мошеса* (Финский институт международных отношений), были «всегда плохими и всегда в кризисе» (к счастью, эта характеристика не применима к отношениям между двумя народами. – С.Х.). Независимость Украины – это прежде всего независимость от России, и даже приход к власти Виктора Януковича не только не привел к переориентации внешней политики на

Москву, но и вылился в попытки ревизии целого ряда ключевых двусторонних соглашений. Кроме того, между постсоветскими странами мало связей, в которых бы не участвовала Россия. Соответственно, по мнению *Аркадия Мошеса* и *Федора Лукьянова*, сегодня нет альтернатив дальнейшей фрагментации постсоветского пространства (которое тем самым перестает быть собственно «постсоветским»). Интенсивность этого дрейфа, по словам *Алексея Гараня* (НУ «Киево-Могилянская академия», Украина), будет определяться как динамикой изменений во внешней среде (политика России, ЕС, Китая, других возможных «центров силы»), так и в большей степени внутривнутриполитическими процессами. Политолог обратил особое внимание на то, что политический суверенитет на постсоветском пространстве является в том числе и экономическим инструментом, что легко проиллюстрировать событиями последнего времени – попытками подконтрольного государству российского бизнеса получить контроль над важными объектами украинской и белорусской систем транзита углеводородов в Европу и «подталкиванием» Украины к вступлению в Таможенный союз.

Тем не менее участники дискуссий согласились, что ответ на вопрос, кто сегодня переживает упадок – Россия, США или ЕС, – зависит от того, что понимается под этим термином. Очевидно, что многие прежние институты, режимы и модели не работают. Более того, кризис переживает и либеральный проект в экономике, и демократия, которая все чаще оказывается малоэффективной. Поэтому вполне возможно, что мы являемся современниками фундаментального процесса приспособления к изменениям внешней среды, который до некоторого времени можно было игнорировать в условиях длительного экономического роста. Природа этих изменений еще не ясна окончательно – по образному выражению *Владислава Зубока*, «новый „Das Kapital“ еще не написан».

В свете всего вышесказанного было важно попытаться ответить на следующие вопросы: чем же является Россия в современном мире, каковы ее взаимоотношения с внешним миром (не только с постсоветскими государствами, но и с Европой, Китаем и Соединенными Штатами) и как можно определить их перспективы? Дискуссии на эти темы шли в рамках как конференции, так и летней школы для молодых преподавателей. Естественно, что трудно было предложить всеобъемлющие решения для столь сложных проблем. Однако интернациональный состав участников располагал к продуктивному обмену мнениями на этот счет. Сегодня можно констатировать, что европейцы в общем более открыты к мнению, что Россия есть Европа. Проблема заключается скорее в самой России, особенно в сформулированной нынешней политической элитой теории «суверенной демократии» и попытках развить идеологию, которая многое заимствует из политического арсенала времен холодной войны, – независимо от того, вольно или невольно это происходит, явно или неявно. Сущность этой идеологии заключается в двух основных положениях. Во-первых, Россию нельзя считать исключительно европейской страной, а ее народ – европейским народом. Во-вторых, имеется однозначная установка на то, что Россия должна быть великой державой. В консенсусе элит по данному утверждению участвуют даже либералы. При этом восприятие России как «нормального» государства, не стремящегося к экспансии, отсутствует как наверху, так и в широких слоях общества. Безусловно, вопрос о том, может ли наша страна существовать без «инстинкта к расширению», является дискуссионным. Но политические реалии таковы, что обозначенные идеологемы российской политики отнюдь не способствуют гармонизации ее отношений с соседями и мировыми «центрами силы». Об этом, в частности, свидетельствует

продолжение Виктором Януковичем политики европеизации Украины и общая неудача проекта «партнерства во имя модернизации» между РФ и Евросоюзом. В этой связи следует также упомянуть, что евразийская опция для России не работает, как бы это не хотелось значительной части нынешней политической элиты и части интеллектуалов вроде Александра Дугина. Европейская идентичность все же более характерна для россиян, и, как особо отмечали участники школы из Сибири, чем дальше на восток, тем сильнее это выражено – даже в условиях незрелости (по тем же европейским меркам) гражданского общества в России.

Что касается возможных перспектив «России-2020», то в рамках как конференции, так и летней школы доминировали в целом сдержанно-пессимистические оценки. Наиболее вероятным является сценарий «business-as-usual». Однако экономическая модернизация невозможна без движения к более открытой политической системе и укрепления принципа верховенства закона. Без этого Россия не сможет выстроить партнерские отношения с Европой (которая, как и раньше, воспринимается как источник инноваций). Попытки позиционировать себя как евро-тихоокеанскую державу (Euro-Pacific Power) мало реалистичны из-за слабой диверсифицированности

российского экспорта. Участники школы особенно отметили то обстоятельство, что для российской политики крайне важно привлечение экспертов для обсуждения указанных перспектив с целью повышения качества принимаемых решений. Это, в свою очередь, ставит задачу развития гуманитарных отраслей знания в университетах, что практически игнорируется сегодняшней преимущественно технократической государственной политикой в сфере науки.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что интернациональный состав участников и междисциплинарный характер конференции и летней школы способствовали обогащению взаимных представлений. Важен и тот факт, что подобного рода мероприятия создают единое образовательное пространство и работают на преодоление существующих стереотипов. Пожалуй, самым главным открытием можно считать то, что уже сегодня можно анализировать события двадцатилетней давности и последовавшие за ними процессы с той беспристрастностью, которая и отличает собственно научное знание от домыслов и спекуляций.

Сергей Хомуткин,
доцент кафедры международных
отношений и политологии Тамбовского
государственного университета
им. Г.Р. Державина

Университет и город: общий путь решения проблем современного урбанистического развития

В первую декаду сентября 2011 года старинный русский город Ярославль попал на страницы международной прессы в связи с двумя событиями. Здесь проходил мировой политический форум «Современное государство в эпоху социального многообразия», не только решавший проблемы развития сообществ, но и заполнивший городские улицы, гостиницы, рестораны многоликой элитой из разных стран, тем самым проверяя возможности города справиться с вопросами размещения, транспорта, безопасности и комфорта для гостей и жителей. Одновременно с этим крушение самолета Як-42 и гибель хоккейной команды «Локомотив» потрясли Ярославль и весь мир. В Ярославль на похороны съехались родные, близкие, поклонники команды. Трагическое испытание, которое в определенной степени стало и проверкой на прочность инфраструктуры городской среды.

Международный семинар *«Вызовы, стоящие перед городским планированием: инновационная роль университетов»*, который проводился Ярославским государственным университетом им. П.Г. Демидова (ЯрГУ) совместно с московским офисом Института Кеннана 9–10 сентября 2011 года, оказался неожиданным ответом на те вопросы, которые возникают даже в таком сбалансированном городе, как Ярославль. Это город, отмеченный проявлением блистательной архитектурной мысли, на современном этапе, как и многие малые и крупные урбанистические образования, сталкивается с проблемой функционирования и развития городского центра и новых районов.

В своем приветствии к участникам семинара, на который съехались представители России, США, Израиля и Ук-

раины, Александр Русаков, ректор ЯрГУ, отметил, что актуальность формирования в Ярославском регионе урбанистики как науки, занимающейся комплексным анализом и изучением проблем, связанных с функционированием и развитием городских центров, обусловлена тем, что Ярославская область входит в состав Центрального экономического района, который достиг наиболее высокого уровня урбанизации с высокой плотностью городских сетей. А ЯрГУ как ведущее высшее учебное заведение Верхне-Волжского региона и как классическое, многопрофильное образовательное учреждение, осуществляющее подготовку студентов по 150 направлениям и специальностям, с содружеством с архитекторами и градостроителями может создать работоспособную концепцию модели развития городской среды. Задача ученых исследовать, обобщать и пропагандировать знания, связанные с нашей общей средой обитания.

В этом контексте выступление *Блэра Рубла*, директора Института Кеннана и руководителя Проекта сравнительных урбанистических исследований Международного научного центра им. Вудро Вильсона, явилось примером изучения исторической ретроспективы развития пространства знаменитой вашингтонской улицы Ю-стрит.

В своей последней книге «Ю-стрит в Вашингтоне» Рубл говорит о том, что этот район, где жили многие выдающиеся ученые, эстрадные артисты и политики, стал важнейшим местом встречи разных этнических групп. Именно здесь проявлялось то, что можно назвать лучшим достижением человечества, – его способность возвышать красоту, заменяя ею ужас, страх и безумие. Здесь расположен Университет Ховарда, который оказал большое влияние на раз-

витие местного сообщества, а затем и на страну, разрабатывая законодательные основы, которые привели к уничтожению расовой сегрегации в США, а также к принятию международных законов, направленных на соблюдение прав человека. История Ю-стрит подтверждает современное представление о том, что университет может и должен быть проводником новаторских идей, взаимодействовать с бизнесом, правительством, некоммерческими структурами. Для выполнения этого своего предназначения университет просто обязан находиться в самом центре сообщества. Кремниевая долина зародилась буквально в гаражах и подвалах домов вокруг Стэндфордского университета. Научно-исследовательский треугольник Северной Каролины оформился вокруг частных и государственных университетов, которые предоставляли медицинские и образовательные услуги населению одного из самых бедных штатов страны.

Каким же образом формируется именно такая роль университета, выходящая за границы академического городка? Многие прогрессивные научные и социальные идеи закладываются и развиваются внутри самого университета, но одновременно университет продвигает идеологию правящих элит, которые дают средства на его строительство и функционирование. *Ольга Зиновьева*, специалист по символике городской среды, представитель Государственного университета штата Нью-Йорк, в своем выступлении определила роль университета в городской среде как архитектурного градообразующего объекта, а также носителя информационного урбанистического поля на примере Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В 1755 году университет открывается на главной площади Москвы, в бывшем здании первой публичной аптеки, украшенной вертикалью шпиля, согласованного с вертикалями башен и колоколен Красной площади – главной экономической и политической арены столич-

ного сообщества. Здание перестраивает под нужды учебного заведения любимый архитектор Елизаветы Петровны и создатель первых общих планов развития Москвы Дмитрий Ухтомский. С тех пор университет всегда сохранял главное место на городском ландшафте, богато украшался гербами и символами, направленными на поддержание государственной власти и идеологии, а вместе с тем неустанно генерировал идеи взаимодействия с окружающим сообществом, был источником прогрессивной оппозиции правящим группировкам, центром просветительской, образовательной и медицинской деятельности, местом культурного отдыха москвичей (в садах и парках университета), потребителем городских товаров и услуг и работодателем. В сложившейся сети улиц и переулков в центре города в 1793 году Матвей Казаков возводит «Минервин храм» на средства Екатерины, а Евграф Тюрин в 1836 году строит и перестраивает целый студенческий городок по заказу Николая I. Группа ленинградских архитекторов под руководством Льва Руднева создает в 1953 году доминирующий над городом ансамбль МГУ на Ленинских горах в стилистике очевидной монументальности и «властности». В своей книге «Символы сталинской Москвы» Зиновьева подробно останавливается на роли наглядной монументальной агитации для жителей и правительства.

Наличие университетского городка в черте города меняло облик обживаемой им территории. Университет забирал у города здания, перестраивал их, порой сносил, а иногда и отдавал городу. Так, например, «ректорский домик» казачьей поры конца XVIII века уже не принадлежит университету. Появлялись не только учебные корпуса, но и издательства, музеи, театры, клубы, больничные здания, где велся прием населения. В центре города университет живет его жизнью, давая возможность студентам и преподавателям пользоваться культурными благами и вместе с тем испытывая нагрузку транспортных

заторов, отсутствия стоянок для машин, загазованности и шума.

Новая площадка МГУ на нынешних Воробьевых горах стала причиной прокладки новой линии метрополитена, строительства жилых кварталов, объектов соцкультбыта. Все это в совокупности влияет на стоимость жилья и, что парадоксально, делает его недоступным для профессоров и преподавателей.

Научный потенциал университета всегда оказывал влияние на окружающую среду. Вокруг университетов разбивались сады и парки. Из университетов выходили яркие проекты создания учебных центров. Так, дипломная работа Льва Руднева была посвящена роли университета в столичном городе, а архитектор Иван Леонидов будучи студентом прославился проектом Института библиотековедения имени В. И. Ленина на Воробьевых горах, который должен был находиться на том месте, где сейчас располагается Главное здание МГУ.

Университетское сообщество спланируется при отстаивании культурного и природного достояния. Общественное движение «Архнадзор», Московское общество охраны архитектурного наследия, Московское городское общество защитников природы и другие объединения создавались и состоят из выпускников различных университетов, профессоров и преподавателей. Примером взаимодействия и проявления гражданской позиции ученых и городской общественности является кампания за сохранение реликтовой дубовой рощи в подмосковной усадьбе Горенки (Балашиха), где А.К. Разумовский, создатель парков и гербариев МГУ, основал Ботаническое общество России.

Профессор и заместитель вице-президента Университета штата Нью-Йорк *Рэй Бромли* высказал мнение, что университетский городок, или кампус, является прямым выражением понятия «институциональная территория» и как любой объект этой урбанизированной территории вовлекается в соревнование за лучших студентов, профессоров,

помещения, землю и инфраструктуру, а также финансирование и гранты. Университеты подвергаются оценке и ранжированию со стороны правительственных и частных учреждений, СМИ и общественности. Это сильно влияет на их возможность развиваться или угасать. Университеты ведут серьезную конкуренцию между собой на местном, страновом и международном уровне за научно-технические проекты, студентов, вносящих плату за обучение. В США университеты часто называют «локомотивами развития экономики», но поддержка правительства – налоговые льготы – позволяет им развиваться в то время, как многие предприятия просто исчезают, не справляясь с ситуацией. Ответственность университета состоит в том, чтобы поддерживать сообщество вокруг себя, наполнять его научной, коммерческой и производственной деятельностью. Для поддержки своих ученых и профессоров университеты часто создают инкубаторы или научные парки, которые дают новый импульс развитию сообществ вокруг университетов. Особое влияние оказывает процесс «студентификации», когда студенты начинают снимать квартиры вблизи места учебы. Это не способствует улучшению территорий, но в настоящее время предпринимаются попытки их возрождения и привлечения респектабельной публики за счет таких мер, как предоставление права пользования университетскими спортивными и культурными учреждениями, а также проведения программ, ориентированных на сообщество. Самое главное, чтобы университет стал заинтересованным членом местного сообщества. Это нельзя назвать чистым альтруизмом, поскольку, чем лучше окружающая среда, тем лучше положение и рейтинг университета.

Эту мысль подтвердил *Йосси Оффер* (Weitz Center for Development Studies) на примере Израиля. Активы университетов являются рычагами развития центральных и периферийных городов Израиля, таких как Тель-Авив, Иеру-

салим, Хайфа и ряд других. При этом на периферии у университетов меньше возможностей, а у окружающего сообщества больше потребностей в развитии. Университет может располагаться в черте города или в удалении, но он должен заботиться о развитии среды вокруг него, а не быть просто укрепленным фортом, как это часто бывает в Израиле; здесь необходимо взаимодействие с местной администрацией.

Глава киевского офиса Института Кеннана *Ярослав Пилинский* посвятил свое выступление влиянию университетов таких крупных городов, как Киев, Харьков и Львов, на развитие территорий Российской империи, СССР и современной Украины.

Директор Черниговского центра переподготовки и повышения квалификации сотрудников органов государственной власти, органов местного самоуправления, сотрудников государственных предприятий, учреждений и организаций *Владимир Бойко* провел исследование о формировании и влиянии политических идей, которые высказывались и поддерживались в университетской среде, а также их реализации в политике на примере реформы городских дум 1917 года для применения всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, которое снимало какие-либо избирательные цензы, и передачи реальной власти от государственных органов органам местного самоуправления – земствам и городским думами. Это была попытка широкомасштабных реформ государственного устройства, начало которым положила городская реформа. Ее разработчиком выступила Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы), более известная как «кадеты» или, неофициально, «профессорская партия».

Как оказалось, в условиях 1917 года реализация реформы натолкнулась на проблему нелегитимности действовавших до революции цензовых органов местного самоуправления, а также резкой политизации ситуации в стране, которая оттеснила на третий план воп-

росы городского хозяйства. В результате инициаторы реформы выборы проиграли, а победители (социалисты) своими действиями подорвали доверие избирателей к новым городским самоуправлениям.

На территории Украины в условиях прихода к власти большевиков думы стали союзниками Украинской центральной рады, заявившей о приверженности принципам демократии, в том числе местного самоуправления. Ее поражение предопределило гибель демократических дум, а вместе с тем – крах идеала российской либеральной интеллигенции. Тем не менее именно городские думы в крайне неблагоприятных обстоятельствах оказались наиболее стойкими среди других политических институтов демократического режима.

Университет – это не только колыбель новых идей и технологий, ввиду своей академичности он является хранилищем знаний и защитником исторических сооружений.

Ярослав Смирнов, заведующий отделением Ярославского областного архива, в своем докладе выявил роль российской краеведческой урбанистики и ее истоки. Прежде всего они связаны с именем Н.П. Анциферова (1889–1958), автора знаменитой книги «Душа Петербурга» (1922). Ученый предложил метод комплексного изучения городской среды. Наделяя город живой «душой», он предлагал видеть в нем целостный организм, в котором все друг с другом взаимодействует: «внешний», архитектурный облик города неотделим от его истории и людей, некогда его населявших. «Душа» города – это слагаемое не только архитектуры, но и литературы, живописи, музыки (уличных звуков, шумов и проч.).

Ярославль и исторические города Ярославской области в этом отношении – уникальнейшее культурологическое пространство, неиссякаемый источник познания прошлого своей малой родины и страны. При всем многообразии современных методов и подходов к изучению края, краеведение в основе своей

– это историческая память места (отдельного дома, улицы, деревни, села, города, целого края).

Историческая память, «оживляющая» городскую среду, позволяет более бережно сохранять сложившийся за многие века облик города, находить деликатные решения при реконструкции старинных построек, несущих на себе неповторимое обаяние ушедших эпох, удачно сочетать новое строительство с историческим градостроительным канонам. Статус Ярославля как исторического города, который один из немногих в России был в 2005 году включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, безусловно, не столько дает основание гордиться этим фактом, сколько обязывает всех – и власти, и общественность – более строго следить за происходящим в современной градостроительной сфере, учитывать экспертное мнение краеведов при осуществлении планов реконструкции исторических объектов.

Краеведение – как научная дисциплина (преподаваемая в вузах как специальность или факультативно, на уроках в общеобразовательных школах) и как общественное движение – может не только фиксировать, изучать изменение и развитие городов, но и «одушевлять» их пространство, наполняя его образами и звуками истории. Чем больше профессиональные историки и любители будут разрабатывать краеведческие темы, публиковать документальные источники, создавать добротные краеведческие тексты, углубляя и пропагандируя знания о прошлом края, тем надежнее будет основание для бережного сохранения и успешного развития исторических городов.

В своем выступлении издатель *Елена Тончу* отметила, что книга как средство распространения знаний, накопленных университетским сообществом, во все времена была лучшим учителем, воспитателем в духе любви и гражданского долга перед Отечеством. Через

нее устанавливается диалог прошлого с настоящим, сохраняется историческая память, познается не проходящая ценность и высокая духовность культурного достояния России. Поэтому очень важно, чтобы наши современники, особенно молодежь, имели доступ к качественной литературе, укрепляющей дух, национальное самосознание и достоинство, вызывающей у читателя интерес к истории своей страны, города, села.

Андрей Смуров, директор Музея землеведения МГУ, предложил модель территории устойчивого природопользования с университетом в качестве ядра этой концепции. Университетские кампусы во всех крупных городах мира формируют природные островки. Наиболее удачно в этом плане спланирован кампус университета на Воробьевых горах на площади в 1000 га, где он граничит с ООПТ¹ «Воробьевы горы», Парком им. 50-летия Октября, что формирует значительный потенциал решения комплексных задач экологизации городского хозяйства и возможность создания Московской инновационной селитебной территории «ЭкоСити – Воробьевы горы» в целях:

- привлечения внимания научных, научно-образовательных и производственных российских и зарубежных организаций к решению актуальных задач экологизации городских территорий;
- концентрации и наглядного представления (демонстрации, макетирования) функционирования методов, техники и технологий в сфере рационального природопользования, охраны окружающей среды, экологического образования, просвещения и воспитания;
- привлечения внимания инвесторов к решению задач экологизации городского хозяйства, созданию и внедрению природосберегающих методов, техники и технологий;
- организации и проведения комплексной экспертизы инновационных экологических проектов, в том числе на

¹ ООПТ – особо охраняемая природная территория.

базе создания экспериментальных площадок и установок по апробации предлагаемых решений;

- организации и проведения общегородских мероприятий, в том числе повседневных (экскурсий, лекций, семинаров, натурных экспериментов, деловых игр, экологических игр и т.п.), направленных на пропаганду, экологическое воспитание и образование жителей и гостей столицы, с участием специалистов научных и образовательных учреждений Москвы.

Юрий Бочаров, действительный член Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), профессор Московской академии коммунального хозяйства и строительства, рассмотрел вопросы истории и современного состояния градостроительства в России и СССР. В приоритетных направлениях развития фундаментальных исследований РААСН на ближайшую перспективу намечена разработка основ территориально-градостроительной политики России, базирующейся на принципах устойчивого развития поселений и благоприятных условиях для труда, быта и отдыха населения. Разрабатываются фундаментальные основы подготовки профессиональных градостроителей и соответствующих стандартов. Россия все еще остается одной из немногих стран мира, где в XXI веке отсутствуют дипломированные планировщики городов (градостроители, урбанисты). Монополия на планировку городов сохраняется за сферой профессиональной архитектуры. Сегодня в стране 46 архитектурных школ, где градостроительство изучается как прикладной раздел архитектуры. Главными критериями в градостроительстве России остаются: субъективные эстетические оценки, архитектурная композиция, дизайн, охрана исторического наследия и ландшафта и т.п. Социально-экономические, демографические, инженерные, гигиенические и политические последствия развития населенных мест недооцениваются. Монополия на территориальное планирование и градостроительное

проектирование для подавляющего числа регионов России сохраняется за 5–6 институтами Москвы, Санкт-Петербурга и некоторых других крупнейших городов. Подготовка мультидисциплинарных кадров профессиональных градостроителей позволит противостоять этой тенденции. В Сибири уже проводились сессии, посвященные таким темам, как «Реабилитация исторического центра», «Город и вода», «Наука и университет в городе», «Ворота на Байкал», «Новые города Восточной Сибири: проблемы и перспективы устойчивого развития», «Туризм на Байкале», «Реконструкция центра Иркутска», «Большой Иркутск: проблемы и перспективы устойчивого развития», «Историческая часть Иркутска в новом тысячелетии: проблемы и перспективы развития». По каждой теме студенческими командами вырабатывались альтернативы проектных идей по решению актуальных проблем территорий. Многие из проектных предложений по Иркутской области реализованы или находятся в стадии реализации.

Евгений Колобовский, директор фирмы городского проектирования «Ландшафт», также отметил отсутствие в РФ сплошного территориального планирования, интегрирующего интересы региона и проживающего в нем социума, и наличие неэффективного градостроительного планирования, тормозящего региональное развитие, что связано с неадекватным пониманием вызовов, характерных для современного этапа.

В результате конструктивных дискуссий на семинаре были сделаны некоторые важные выводы о роли университетского сообщества в развитии городской среды. Это не только задача архитекторов, здесь необходим междисциплинарный подход, который может и должен формироваться в стенах университетов, где имеется большой научный потенциал. Современная урбанистика органическим образом включает в себя знания градостроения, планирования, дизайна, социологии, психологии, истории, памятниковедения, экологии, природо-

пользования и многих других смежных наук.

Необходимость создания международной группы для сбора и осмысления данных и лучших практик, а также осуществления образовательного и просветительского процесса в виде междисциплинарных проектных семинаров не вызывает сомнения. Ярославский государственный университет может стать достойной площадкой для таких мероприятий, но не следует забывать и о необходимости взаимодействия с администрациями, университетами и городскими сообществами больших и малых городов. Семинары могут носить как научно-обобщающий характер, так и быть связанными с выполнением практических конкурсных проектов с участием студентов. В проектных командах могли бы быть задействованы представители разных стран и специальностей – градостро-

ители, архитекторы, экономисты, экологи, географы, историки, дизайнеры городской среды, транспортные инженеры.

Планирование и развитие территорий, где возрастает роль университетов, следует рассматривать как процесс демократизации и вовлечения гражданского общества для решения таких сложных вопросов, как сохранение исторических центров городов и рекреационного пространства, реконструкция старых производственных зон и транспортной сети, формирование санитарно-защитных зон, возрождение малых городов, регулирование «ползучей урбанизации».

Ольга Зиновьева,
кандидат культурологии,
директор Центра по России и США,
Государственный университет
штата Нью-Йорк

Календарь событий весны – лета 2011 года

Семинар

23 апреля, г. Волгоград
Волгоградский государственный университет

Память и памятники

«Историческая память как ресурс политических технологий», *Эмиль Паин*, профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель московского офиса Института Кеннана; «Историческая память и публичная коммеморация», *Иван Курилла*, заведующий кафедрой международных отношений, регионоведения и политологии ВолГУ; «Городской памятник как инструмент nation-building: историческая память московских студентов», *Сергей Мохов*, студент магистратуры НИУ ВШЭ; «Память и памятники как ресурс формирования региональной идентичности», *Надежда Абалмасова*, аспирантка НИУ ВШЭ; «Памятник как инструмент формирования национальной идентичности: борьба за память на Украине», *Сергей Простаков*, студент магистратуры НИУ ВШЭ; «Феномен памятника в современной культурной ситуации: дисфункция коммеморации», *Андрей Макаров*, профессор кафедры философии ВолГУ; «Возрождение казачества на юге России: модель памяти против модели исторического развития», *Ольга Рвачева*, научный сотрудник Южного научного центра РАН; «Роль архитектурного памятника в социокультурной среде», *Марина Назарова*, доцент Волгоградского архитектурно-строительного университета; «Мэры, мифы и памятники», *Анна Степнова*, сопредседатель волгоградского отделения Клуба политического действия «4 ноября»; «Мнемоническая функция права», *Юрий Ветютнев*, доцент Волгоградской академии государственной службы

Организаторы – Волгоградский государственный университет,
московский офис Института Кеннана

Семинар

25 мая, г. Киев
Институт философии НАНУ

Политическая культура: дилеммы этнической и гражданской идентичности

Модератор – *Мирослав Попович*, академик НАНУ, директор Института философии НАНУ. Выступающие – *Жюстин Лакруа*, профессор политических наук Свободного университета (Брюссель, Бельгия); *Жани Пелабе*, научный сотрудник Центра политических исследований при Институте политических наук (Париж, Франция); *Олег Белый*, ведущий научный сотрудник Института философии НАНУ; *Мария Култаева*, профессор, заведующая кафедрой философии Харьковского национального педагогического университета; *Анатолий Ермоленко*, заведующий отделом социальной философии Института философии НАНУ; *Виктор Степаненко*, заведующий отделом истории и теории социологии Института социологии НАНУ; *Александр Полунов*, доцент факультета государственного управления МГУ

Организаторы – Институт философии НАНУ,
киевский и московский офисы Института Кеннана,
Общественная организация «Киевское братство»;
при финансовой поддержке Посольства Франции в Украине
и Международного фонда «Возрождение»

Семинар

14 июня, г. Москва
Горбачев-Фонд

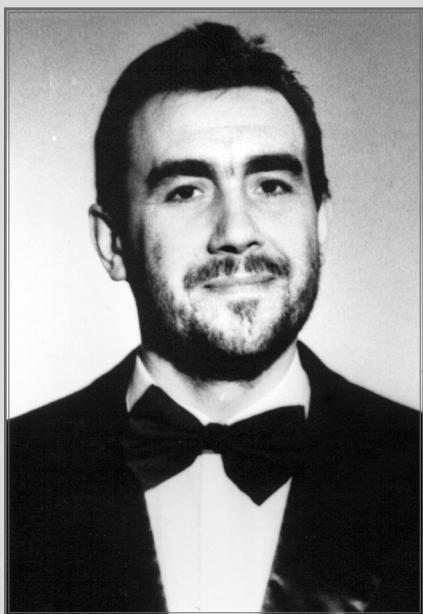
В поисках новых моделей межкультурного взаимодействия

Открытие. *Ольга Здравомыслова*, исполнительный директор Горбачев-Фонда; *Михаил Федотов*, председатель Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека; *Эмиль Паин*, профессор факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, научный руководитель московского офиса Института Кеннана

Заседание 1. Теоретические подходы к политике межкультурного взаимодействия. «Мультикультурное согражданство в России: есть ли альтернатива?», *Лилия Низамова*, доцент кафедры социологии Казанского (Приволжского) федерального университета; «От мультикультурного раскола к мультикультурному единству», *Эмиль Паин*; «Изменение характера мультикультурализма на границе XXI века: межцивилизационный аспект в условиях глобализации», *Аркадий Липкин*, профессор кафедры истории науки РГГУ; «От парадигмы конфликта к парадигме толерантности: психотехнологии профилактики ксенофобии в межкультурном взаимодействии», *Галина Солдатова*, профессор кафедры психологии личности факультета психологии МГУ, руководитель Центра толерантности и гуманитарных технологий «Гратис»; «Многоуровневая интеграция как модель межкультурного взаимодействия для России: пример республик и мегаполиса Большого Сочи», *Леокадия Дробизева*, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН

Заседание 2. Практический опыт организации межкультурного диалога. «Межнациональные отношения в России. Стереотипы и реальность», *Татьяна Мерзлякова*, уполномоченный по правам человека Свердловской области; «Опыт взаимодействия осетин и ингушей в Пригородном районе Республики Северная Осетия – Алания», *Светлана Ганнушкина*, председатель Комитета «Гражданское содействие», член Совета и руководитель Сети «Миграция и право» Правозащитного центра «Мемориал»; «Социальные и культурные факторы интеграции иноэтнических мигрантов в Москве», *Игорь Савин*, представитель неправительственной организации «Международное ненасилие»; «Опыт “Крымского политического диалога”», *Гульнара Бекирова*, преподаватель Крымского инженерно-педагогического университета, соискатель Института политических и этнонациональных исследований НАНУ, *Владимир Притула*, директор проектов Крымского независимого центра политических исследователей и журналистов; «Опыт консолидации журналистского сообщества, работающего в сфере межкультурных отношений. Неформальные инструменты», *Маргарита Лянге*, председатель Гильдии межэтнической журналистики

Организаторы – Горбачев-Фонд, московский офис
Института Кеннана при участии Совета при президенте РФ
по развитию гражданского общества и правам человека

*Евгений Васильевич Цымбал,
кинорежиссер, Former Kennan Institute
Galina Starovoitova Fellow*

Между Шекспиром, кино и историей

До получения гранта Галины Старовойтовой в Международном научном центре им. Вудро Вильсона мне довелось побывать в США несколько раз. Все эти поездки были связаны либо с кинофестивалями, либо со съемками. Как правило, отличались они скоротечностью – 3–5, редко 7 дней – и сверхплотно составленной программой. В кинематики, если куда-то приглашают, стараются получить от тебя по максимуму. Поэтому все свободное время посвящалось просмотрам, встречам, переговорам, переездам, съемкам или мастер-классам.

Больше всего запомнились первые две поездки: они были связаны с яркими встречами и знакомствами. Я был приглашен знаменитым актером и режиссером Робертом Редфордом, посмотревшим мой фильм «Защитник Седов», посетить Санданс-институт, расположенный в Роки-Маунтинс, штат Юта. Это учреждение, финансируемое Редфордом, занимается поиском молодых кинематографических талантов по всем Соединенным Штатам и за их пределами. Там мне довелось беседовать и играть в баскетбол с самим Редфордом, познакомиться с продюсером Фрэнсиса Форда Копполы Томом Ладди, режиссерами Оливером Стоуном, Луисом Мандоки и Эктором Бабенко, актрисами Джоди Фостер и Сигурни Уивер, актером Рутгером Хауэром, рок-звездой, композитором Дэвидом Берном, сценаристом Франтишекком Дэниэлом. Все они оказались на удивление демократичными, общительными людьми, абсолютно лишенными фанаберии и спеси. Никаких мигалок и устрашающих крякалок на автомобилях, никаких полицейских кортежей, разбрасываю-

щих всех по сторонам, никаких морд-воротов-охранников со злобно-презрительными физиономиями не было и в помине. Все было дружески и просто.

Запомнились: ресторан «Карусель» то ли в Миннеаполисе, то ли в Сент-Поле, с деревянными лошадками под потолком, где по местной легенде бывший боксер Эрнест Хемингуэй избил несчастного, но язвительного Скотта Фицджеральда, имевшего неосторожность плохо отзываться о хемингуэвской прозе; посещение в Калифорнии второй в мире по качеству звуковой киностудии, принадлежащей Стивену Спилбергу (первая и лучшая, к моему удивлению, оказывается, принадлежала тогда еще не правившему корейскому «инфанту» Ким Чен Иру), и приглашение американского театрального режиссера Роберта Вудруфа на его спектакль в театре на Бродвее. Прочитав в Сандансе на бэйджике мою фамилию «Цымбал», он страшно обрадовался и сказал, что только что поставил в Нью-Йорке спектакль по пьесе Шекспира «Цимбелин» и посему приглашает меня посмотреть спектакль о моем предке или родственнике. Он был столь любезен, что я не стал его огорчать отказом от неожиданного классического родства, тем более восходящего к Шекспиру. Вудруф тут же позвонил в Нью-Йорк и заказал мне два билета на вечерний спектакль в день моего отлета на Северо-Восток. Однако спектакль мне посмотреть не удалось – на Среднем Западе разбушевался очередной тайфун, и в результате я был вынужден проболтаться несколько часов в аэропортах сначала Денвера, а затем Чикаго, где сажали наши самолеты. В Нью-Йорк вместо середины дня я прибыл глубокой ночью. На следующий день я отправился в искомый театр, но мой спектакль уже прошел, а на другой все билеты были проданы. Гостеприимный администратор, назвав меня «великим русским режиссером» (не знаю, что наплел ему обо мне Вудруф) и извинившись, в качестве компенсации пустил меня посмотреть внутренний облик Бродвейского театра. Театр был черен,

пуст, в нем не было декораций, он более походил на цирк – зрительские места амфитеатром уходили круто вверх. В заключение мне была преподнесена майка с профильным портретом Шекспира и решительным лозунгом «Will Power!», как мне объяснили, требовавшим заменить американскую двухпартийную систему самодержавной властью театрального гения. Я подивился политическим предпочтениям американских театралов и подумал, что, судя по количеству покойников в финале «Гамлета», «Короля Лира» или «Макбета», мне бы совсем не хотелось жить под властью великого Вильяма.

Еще одним мощным поводом для удивления был отказ выдать мне ключи от дома в самом Сандансе. В ответ на мою реплику: «А как же закрывать?» – мне было сказано: «У нас не принято запирать дома. Здесь не воруют».

Теперь мне предстояло шестимесячное пребывание в столице Соединенных Штатов. Я только что закончил монтаж фильма «Тетрадь из сожженного гетто», посвященного бывшей узнице Каунасского гетто Тамаре Лазерсон-Ростовской. Подобно девочке из Амстердама Анне Франк, она вела дневник, но в отличие от нее, Тамара, к счастью, была спасена, хотя и осталась никому не известной. Вел дневник и ее брат Виктор. Они изо дня в день описывали события – чудовищные расстрельные акции, голод и казни, издевательства и глумления фашистов. Весной 1944 года они с братом закопали свои дневники в землю, чтобы сохранить их для истории.

Благодаря деятельности подпольной организации Тамаре удалось бежать. Литовцы – учителя, врачи, крестьяне, спасавшие еврейских детей несмотря на угрозу расстрела, избавили ее от неминуемой смерти. Отец Тамары, психолог и психотерапевт, профессор Вильнюсского и Каунасского университетов, ученик Фрейда и Шарко, автор фундаментального исследования «Психология гениальных людей», и мать, специалист по детской психологии, в конце оккупации были отправлены из гетто в

лагеря смерти Дахау и Штуттхоф и там погибли. Брата Виктора тоже везли в концлагерь, но он сумел на полном ходу поезда выпрыгнуть из окна вагона для перевозки скота и бежать.

Перед приходом Красной армии фашисты подвергли территорию гетто авиационной бомбардировке, а затем сожгли оставшиеся развалины из огнеметов. Труд всей жизни отца, дневники Виктора и записи Тамары до сентября 1942 года погибли в огне. Сохранилась только вторая часть записей Тамары.

После войны все женщины-литовки, спасавшие еврейских детей, были арестованы НКВД и после нескольких дней допросов, получив по десять и более лет лагерей, были этапированы в Восточную Сибирь. Одна из спасительниц – доктор Броне Паедайте, узнав, что ее коллеги по подпольной организации арестованы, села у зеркала, взяла бормашину и, высверлив себе зуб, заложила туда капсулу с ядом. Через несколько часов ее арестовали. Не выдержав пыток и многочасовых допросов ретивых чекистов, она покончила с собой в Вильнюсской тюрьме Лукишки. Публиковать дневник в таких условиях было невозможно.

Тамара прожила в Советском Союзе до 1971 года, после XX съезда показывала дневник некоторым историкам и исследователям, но никто никогда не предлагал ей издать его. Уезжая в иммиграцию, она сумела через голландское посольство передать его своим друзьям – на границе отбирали все рукописи, которые пытались вывезти покидавшие СССР. Дневнику повезло: через несколько месяцев он снова был в руках у Тамары. С тех пор она больше не расставалась с ним.

В ходе работы над фильмом о ней я пытался найти любую информацию о Каунасском гетто, но вскоре понял, как мало мы знаем в сегодняшней России о событиях, которые происходили в СССР в начальный период Второй мировой войны на территориях, подвергшихся фашистской оккупации. В очень большой степени это относится и к про-

блеме еврейского геноцида. И если о советском партизанском движении под руководством коммунистов существует немало работ, то жизнь обычных людей, их будни в течение более чем трех лет нацистской оккупации остаются исследованными фрагментарно и неполно. Кто, например, знает, что недавно умершая и похороненная на Новодевичьем кладбище певица, исполнительница русских и цыганских романсов Алла Баянова в годы войны вынуждена была петь в немецком офицерском казино в Риге?

История Каунасского гетто никогда не была исследована с достаточной полнотой. Его судьбу (как и судьбу многих других гетто) определила идеологическая установка сталинских времен, скорее напоминавшая пропагандистский лозунг: «Убивали не людей различных национальностей. Убивали советских людей». Данная установка господствовала в нашей истории в течение десятилетий, неуклонно блюлась ЦК КПСС, а затем его духовными наследниками в постсоветской России. При этом игнорировалось то, что только евреев и цыган убивали безо всякой вины – лишь за то, что они родились людьми этой национальности. «Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши» (рассказывающая также и о цыганах) под редакцией Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана была подготовлена к изданию в 1945–1946 годах, но так и не увидела свет ни в СССР, ни в России. Многие ее авторы были репрессированы в годы борьбы с «космополитизмом». Эта книга неоднократно публиковалась по всему миру. И хотя в ней есть материалы о Каунасском гетто, до сих пор нет ни одного основательного исследования, посвященного ему, на русском языке. Судьба же детей Каунасского гетто вообще практически не изучалась.

После прихода Красной армии Тамаре Лазерсон несколько раз грозили арест, смерть или изнасилование – ее, светло-

волосую и светлоглазую девушку, красноармейцы принимали за немку. Тамара прятала свой дневник почти 26 лет. Эмигрировав, она смогла впервые его опубликовать в Израиле в 1975 году, в переводе на иврит. Спустя двадцать с лишним лет дневник был опубликован по-литовски в Вильнюсе. В России он не издавался. Не публиковался он и на английском и других европейских языках. Эта безвестность представлялась досадной и несправедливой.

И вот наконец усилиями видного исследователя Холокоста Павла Поляна дневник Тамары Лазерсон-Ростовской был опубликован в журнале «Новый мир»¹, а совсем недавно вышел отдельным изданием².

Во время работы над фильмом мной было собрано значительное количество неизвестных документов, фото и архивных материалов по данной теме, а также снято девять интервью с выжившими детьми каунасского гетто, ныне живущими в России, Израиле, Литве и США. Это около 11 часов уникальных видеоматериалов. Они не вошли в фильм.

Именно поэтому я решил написать книгу «Холокост и судьбы детей Каунасского гетто». Мне представляется это необходимым и актуальным. Особенно сегодня, когда во всем мире нарастает отрицание Холокоста, героизация и мифологизация фашизма, ксенофобия. В России каждый месяц убивают людей неславянского облика, mnoжатся и обостряются межнациональные конфликты. В республиках Прибалтики проходят марши ветеранов СС, причастных к убийствам тысяч ни в чем не повинных людей. Это побудило меня, помимо поездок в Литву, обратиться в Институт Кеннана и претендовать на грант для работы в архивах, музеях Холокоста и Библиотеке Конгресса, где хранится гигантское количество документов, прямо относящихся к исследуемой проблеме. Мне повезло – грант я выиграл.

Надежды на американские архивохранилища оправдались полностью. Работа Библиотеки Конгресса организована фантастически. У меня не было ни одного отказа по затребованным книгам, к какому бы году и месту издания они ни относились. А это были в основном публикации 30–40-х годов. Чрезвычайно плодотворной оказалась работа с документами устной истории, отснятыми на видео по программе Стивена Спилберга. Знаменитый американский кинорежиссер, получивший огромные авторские отчисления за прокат своих фильмов, значительную их часть вложил в то, чтобы снять по всему миру рассказы выживших, свидетелей того, что происходило в годы Второй мировой войны. Был собран огромный материал. Например, о Каунасском гетто на различных языках (идише, иврите, литовском, немецком и других) зафиксированы воспоминания около 800 человек. 134 из них – на русском языке. Если учесть, что почти все воспоминания занимают более трех часов, а некоторые длятся по 6–7 и более часов, можно представить себе масштабы этого бесценного хранилища информации.

Оригиналы видеозаписей хранятся в специальном архиве в Калифорнии, но их можно заказать в Вашингтоне и уже через день смотреть на экране компьютерного монитора в музее Холокоста. Многие из этих материалов еще не были востребованы исследователями и ждут своего часа. Там же имеются машины для бесплатного копирования и сканирования текстов, которые вы можете тут же (тоже бесплатно!), прямо с аппарата переслать в свой компьютер. Впечатляют сканеры с устройством для автоматического перелистывания страниц и скорость, с которой совершается сканирование. Благодаря свободному и полному доступу к информации удалось собрать значительные по объему и по большей части неизвестные материа-

¹ Новый Мир. 2001. № 5.

² Лазерсон В., Лазерсон-Ростовская Т. Записки из Каунасского гетто. М.: Время, 2011.

лы, которые теперь осталось систематизировать и оформить в книгу.

В Институте Кеннана была показана полная ретроспектива моих фильмов. Российские, украинские и американские ученые смогли увидеть 12 моих работ. До этого у меня были две ретроспективы, где показывалось по 6 фильмов, – в 2004 году в Болгарии, на кинофестивале в городе Пловдиве, и в 2009 году в России, на правозащитном фестивале «Пилорама» в бывшем политическом лагере «Пермь-36».

Слова самой глубокой благодарности я приношу всем сотрудникам Института Кеннана и в особенности его директору Блэру Рублу. Ведь помимо прекрасно выполняемых профессиональных обязанностей, внимательно и достойного ведения семинаров и

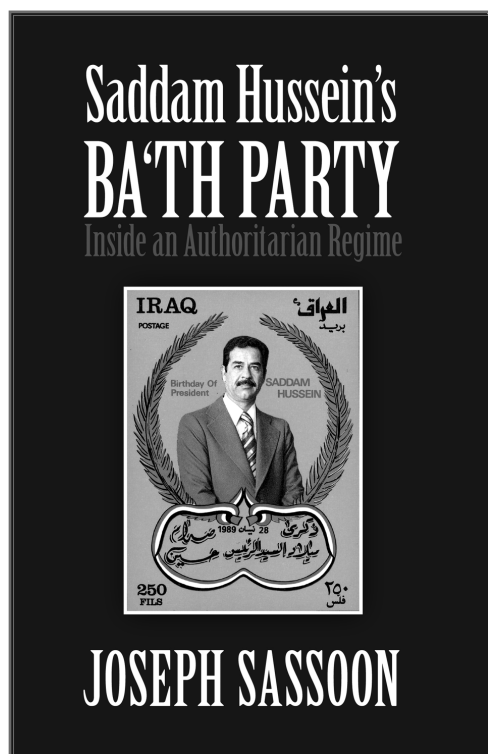
конференций он открыл нам одно из самых удивительных и приятных мест, которые я встречал в своей жизни: пресвитерианскую церковь, где каждый понедельник проходят фантастические концерты блюза, а каждую пятницу – джаза. Эти концерты проводятся уже полтора десятилетия, и выступают там великолепные музыканты из Вашингтона и других городов, обладатели престижных музыкальных премий, включая легендарную «Грэмми». Билеты на их выступления удивительно дешевы – всего 5 долларов, и это почти всегда обеспечивает полный зал восторженных поклонников. Но главное – это не награды и премии, а тот поразительный дух высочайшего артистизма, таланта и подлинной внутренней свободы, которым отличается американский джаз.

Смертельные объятия единственной партии

В начале 2011 года в Центре Вудро Вильсона состоялась небольшая конференция. Особенно выделялись два доклада: находившегося в то время в Институте Кеннана молодого профессора из Дартмута Мартина Димитрова и профессора Джозефа Сассуна. Мартин – человек совершенно замечательный: выходец из Болгарии, прекрасно говорящий на русском, пишущий на английском, он интенсивно работал в своем офисе, заваленном китайскими книгами, помогая заодно коллегам переводить французские тексты... Он задался вопросом: «Почему одни коммунистические режимы рухнули, а другие благополучно пережили перестройку и благоденствуют до сих пор?» Гипотеза Мартина Димитрова гласит: выжили те партии, которые поощряли народ делиться с руководством информацией. На одном из последних заседаний политбюро Тодор Живков с опаской сказал: «Количество жалоб резко снизилось. Одно из двух: или партия решила все проблемы нашего народа, или нам больше не доверяют, и перемены к худшему неизбежны». Не решила партия проблем болгарского народа...

История партии БААС, написанная профессором Сассуном, – еще одно неожиданное подтверждение этой гипотезы. Неслучайно эти два доклада оказались в одной секции. Вмешательство мирового сообщества привело режим Хуссейна к известному концу, но до поры все происходило согласно выведенному профессором Димитровым принципу.

«800 лет народ Ирака ждал моего рождения!» – объявлял Саддам Хуссейн. Захватив власть в Ираке, он перебил всех друзей и в течение короткого времени создал жестокий и по-своему эффективный режим. Мощный авторитарный режим был выстроен на двух основаниях: на системе жестокого подавления инакомыслия и тотальной слежке за всем населением, включая школьников. Об-

Joseph Sassoon. Saddam Hussein's BATH Party: Inside an Authoritarian Regime.
Cambridge University Press, 2011. 320 p.

разование они получали бесплатно, неграмотной молодежи в стране было ничтожное меньшинство. Особо поощрялось доноительство детей на родителей, хотя о «подвиге» Павлика Морозова иракские дети никогда не слышали: в стране были свои герои, а у главного героя были свои друзья. «Общество друзей Саддама» поощряло свой актив, его члены имели отличительные значки и т. п.

Историческое образование Хуссейна было достаточным, чтобы понять: для эффективного пожизненного правления ему нужна одна партия. Вторая партия не нужна. Оппозиция была раздавлена или бежала из страны горными тропами. Для этого нужно было заплатить курдским контрабандистам. В назначенную ночь

они встречали беженцев, у которых должна была быть с собой лишь одна сумка с документами. Перейдя границу с Ираном, беженцы называли контрабандистам пароль. Оставшиеся в Ираке родственники были заложниками и кассирами: именно они должны были заплатить баснословную сумму возвратившемуся и назвавшему пароль контрабандисту... Так однажды оказался в Иране и автор этой книги, уроженец Багдада, выпускник Оксфордского университета и адъюнкт-профессор Джорджтаунского университета Джозеф Сассун. Свободно говорящий и пишущий на нескольких языках – арабском (языке детства), английском, фарси, французском и других – он сумел разобраться не только в написанных от руки доносах тайных осведомителей партии БААС, но и в секретных протоколах закрытых заседаний верхушки партии. Как известно, весь архив партии американцы перевезли за океан и полностью открыли для ученых всех стран. Сейчас ускоренными темпами идет оцифровка этих архивов.

Книга о руководившей Ираком партии – выдающийся по фундаментальности научный труд. Он основан на глубоком и компетентном анализе документов, на многочисленных интервью, на личных поездках в кровотокающий и взрывающийся Ирак начала XXI века.

В книге восемь глав: «Зарождение партии БААС», «Партийная структура и организация», «Отделения партии БААС», «Силы безопасности времен партии БААС», «БААС и армия», «Культ личности Саддама Хуссейна», «Контроль и сопротивление», «Бюрократия и повседневная жизнь во времена БААС».

БААС пришла к власти в Ираке в 1968 году и оставалась правящей партией 35 лет, до американского вторжения в 2003 году. Лидер партии Саддам Хуссейн стал президентом Ирака в 1979 году.

Один из интервьюируемых Сассуном чиновников был министром сельского хозяйства – причем дважды. Однажды Саддам с позором снял его с должности и изгнал прямо с заседания кабинета, обрутав, унизив и обвинив в личном предательстве.

В ожидании ареста прошло полгода – полгода без какой бы то ни было работы, голодных полгода для многочисленной семьи. Но вдруг раздался звонок: «Мы разобрались в твоём деле. Тот, кто на тебя донес, обещал, что при нём работа пойдёт лучше. Получилось наоборот. Я его уже повесил. Иди работай! Хватит бездельничать!»

В книге несчастья аллюзий с другими тоталитарными режимами. Саддам, например, активно лепил образ отца нации. Он справедливо считал, что личные встречи с ним будут очень памятными для простых людей. В патриархальном Ираке о такой встрече будут знать соседи счастливого, его многочисленные родственники, и все это выстроит горизонтальную структуру непосредственного информирования, более достоверную, чем государственные СМИ. Это можно было бы назвать сарафанным радио, если бы в Ираке носили сарафаны... Конечно, приглашаемые тщательно отбирались. Теперь представьте себе: даже во время войн – а Ирак воевал часто, охотно и азартно – «национальный лидер» каждый день без выходных встречается с простыми гражданами, здоровается за руку, разрешает себя обнимать, усаживает, предлагает напитки, а главное – внимательно слушает... Никто не уходил без подарков – пусть небольших, ценной от 10 до 14 долларов. Сколько было таких встреч за 30 лет у власти? Сколько простых людей побывало в гостях у полубога, если на каждую приглашалось не меньше 10 человек?

В современной медицине развиваются два гуманитарных направления: медицинская этика и политическая медицина. Популярность книг о здоровье американских президентов невероятна. Книжная полка вскоре пополнится ещё одним бестселлером: заканчивает свою работу доктор Лоуренс Алтман, в течение 30 лет регулярно публиковавший колонку здоровья в газете «Нью-Йорк Таймс» и интервьюирующий по поводу здоровья всех американских президентов, начиная с Линдона Джонсона, и сотни депутатов. Так вот, специалисты в этой пока что малоизвестной области хорошо знают: люди, обладающие неограниченной властью, страдают одним

общим недугом: у них проблемы с пищеварением. Жестокой диареей на протяжении десятилетий страдал Сталин. Ганди начал свой день с расспросов сотрудников и молодых сотрудниц по поводу особенностей их пищеварения, ввергая последних в невероятное смущение дотошностью в подробностях и деталях. «Ешьте чеснок, в нем спасение!» — повторял он, с каждым выдохом приближая атмосферу дворца к умопомрачительным запахам индийского ресторана. Специально обученный солдат ходил с саперной лопаткой за Мао Цзедун. Великий кормчий не признавал уединения в туалете: по команде солдат должен был мгновенно вырыть для вождя ямку, а после ее заполнения засыпать землей и утрамбовать. Впрочем, работа по этой «специальности» выпадала солдату не чаще раза в неделю: у Мао были свои трудности с пищеварением. Приближенные Саддама говорили, что у него таких проблем вроде бы не было, но однажды он буквально скрючился от боли в желудке за обедом. Срочно вызвали врача, но вождь остановил его рукой: «Не следовало мне читать речь Нетаньяху натошак!» У диктаторов свой юмор, не так ли, генерал Раппопорт, как спросил Сталин у армейского интенданта, которого каждый день войны обещал расстрелять.

До создания государства Израиль арабский мир не знал антисемитизма в европейском понимании этого слова. Холокост почти не коснулся сефардских евреев, пострадали в подавляющем большинстве ашкенази. Саддам в этом отношении был «европеизированным» правителем: когда генеральным секретарем ООН стал египтянин Бутрос Бутрос-Гали, наотрез отказался иметь с ним дело: «Он еврей и защищает Израиль!» Помощники наперебой убеждали его: еврей не мог бы стать министром иностранных дел Египта, особенно после стольких жестоких войн! Саддам отмахивался: «Ничего вы не знаете, у меня свой источник!» На самом деле еврейкой была жена Бутроса-Гали, но упрямство Саддама было патологическим.

Еще одна патология Саддама оказалась неожиданной. У него всегда под рукой

был личный редактор. Во время второго, решающего вторжения американских войск редактору приказали быть начеку и ждать важного текста, который вот-вот поступит. Он прождал несколько часов и уже начал сам набрасывать подходящие для воззвания к нации риторические обороты. Наконец текст поступил. Это была глава из последнего романа Саддама Хуссейна. Всего этих романов было четыре: «Мужчины и город», «Уходи, проклятый!» (впервые издан в Японии под названием «Танец дьявола»), «Неприступная крепость», «Забиба и царь». Их не изучали в школе, но всем членам партии негласно рекомендовалось их покупать и хранить в домашней библиотеке. Некоторые считали, что были анонимные соавторы, но Саддам патологически верил в свой писательский дар. В землянке читал Достоевского и писал новый роман. Через несколько месяцев в аудитории, набитой журналистами со всех континентов, прозвучали долгожданные слова: «Ladies and gentlemen, we got it!»

Хуссейн использовал в качестве заложника целую страну, начав ракетные обстрелы Израиля во время операции «Буря в пустыне» в 1991 году, травил курдов и мятежников запрещенным химическим оружием, нарушал условия программы «Нефть в обмен на продовольствие», тайно закупая вместо еды оружие. Однако у Саддама не было ядерного оружия. Он не только не поддерживал «Аль-Каиду», но и презирал ее главарей. И все же нельзя недооценивать личностный момент в политике. Упрямый Саддам дал слишком много поводов для того, чтобы один американский президент-сын завершил дело, начатое президентом-отцом. Авторитарный режим Саддама Хуссейна и партия БААС, на которой он держался, были обречены.

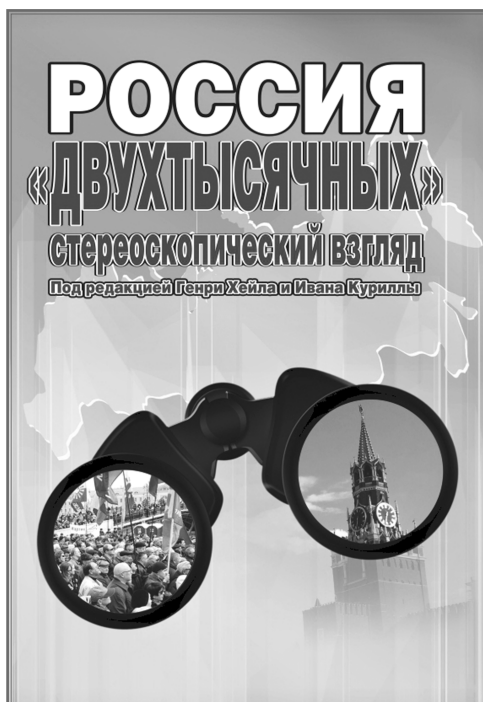
Борис Ланин,
доктор филологических наук,
профессор, Российская академия
образования, Former Woodrow Wilson
Center Fellow, Former Kennan Institute
Regional Exchange Scholar

Вышли из печати

Впредлагаемой вниманию читателя монографии коллектив авторов из российских и американских университетов и научных центров, расположенных как в столицах, так и вдали от них, предлагает свое видение эволюции государства и общества России в первое десятилетие XXI века. Авторы монографии – ученых-обществоведов – отличает отказ от политизированных оценок и попытка непредвзятого анализа процессов, происходивших в нашей стране в 2000-е годы.

Предназначена для политологов, социологов, экономистов, историков, всех интересующихся траекторией российского развития.

Авторы: Эльвира Абдразакова (Томский государственный университет), Александра Глухова (Воронежский государственный университет), Георгий Дерлугьян (Северозападный университет, Эванстон, США), Владимир Евсеев (Центр общественно-политических исследований, Москва), Юрий Зверев (Институт Балтийского региона, Калининград), Мария Кондрашина (Томский государственный университет), Иван Куриллы (Волгоградский государственный университет), Владимир Попов (Академия народного хозяйства при Правительстве РФ, Москва), Евгения Попова (Томский государственный университет), Грэм Б. Робертсон (Университет Северной Каролины, США), Ольга Сиденко (Воронежский государственный университет), Реджина Смит

**Россия «двухтысячных»:
стереоскопический взгляд.**

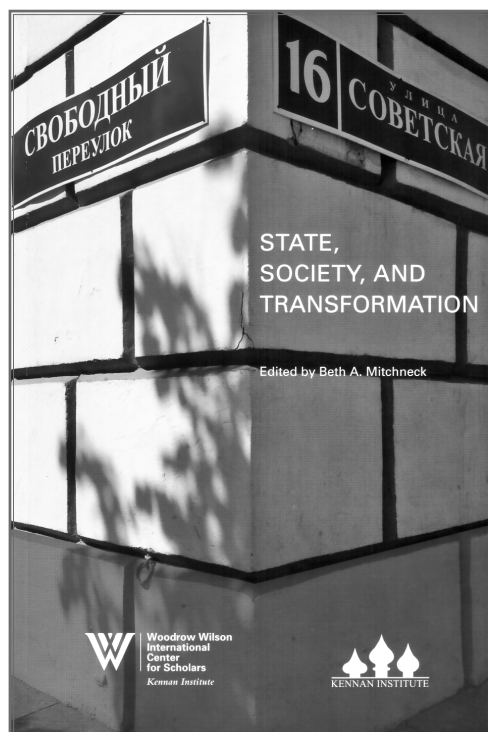
Коллективная монография / под общ. ред.
Генри Хейла, Ивана Куриллы. М.: Планета,
2011. 512 с.

(Университет Индианы, США), Дина Спеклер (Университет Индианы, США), Елена Степанова (Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург), Николай Трапш (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону), Тамара Троякова (Дальневосточный государственный университет), Генри Хейл (Университет Джорджа Вашингтона, Вашингтон, США), Евгений Шандулин (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону).

Сборник «Государство, общество и трансформация» основан на материалах конференции, организованной в рамках Программы «Межрегиональные исследования в общественных науках». Авторы анализируют проблему взаимоотношений государства и общества в странах бывшего Советского Союза, и в первую очередь в России, и перспективы развития этих отношений в будущем, полагаясь не столько на теории, вытекающие из западного опыта, сколько на специфический культурно-исторический анализ важных социальных процессов. В сборнике рассмотрен широкий спектр социальных процессов – от развития государственных институтов до механизмов вовлечения общества в деятельность этих институтов и усвоения им новых идей. Хотя авторы и не дают окончательных ответов на такие важные вопросы, как роль идеологии в жизни общества, они обращают внимание читателя на целый ряд концепций, которые помогают осмыслению взаимоотношений государства и общества в процессе крупномасштабных социальных и экономических преобразований.

Общая редакция, введение и заключение: Бет Мичнек (Университет Аризона, США)

Авторы статей: Николай Крадин (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,

State, Society, and Transformation.

Edited by Beth A. Mitchneck. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2011. 148 p.

Россия), Ольга Малинова (ИНИОН РАН, Россия), Джо Пейнтер (Университет Дарема, Великобритания), Геворг Погосян (Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения), Стивен Хансон (Колледж Уильяма и Мэри, США)

Summaries

Aleksei Haran', Maxim Yakovlev

20 Years of Independent Ukraine: Development Lessons

The authors show that although its 20 years of independence have enabled the young Ukrainian state to acquire varied and quite impressive life experience, the country still has much to learn. The development of democracy is moving forward with variable degrees of success. On the one hand, Ukraine refrained from repeating a Russian-style scenario in the transfer of power from Kuchma to Yanukovich. On the other hand, President Yanukovich has begun to assimilate Putin's pattern of "stability". Nevertheless, small- and medium-size Ukrainian businesses and an active civil society have repeatedly demonstrated their ability to defend their own interests, and their right to a higher quality of life based on a democratic system. One can observe a growing dissatisfaction on the part of ordinary people with the fact that power is being concentrated in the hands of a single person.

According to the authors, Ukraine should embrace the whole complex of behavioral strategies characteristic of a mature democracy. There are several tasks that can be regarded as a form of homework for the Ukrainian political class: learning to act in a timely manner, which means carrying out political reforms, even those that are unpopular; learning to keep the promises it made to voters, while avoiding populism; learning how to move closer to Europe not through words, but through action.

Vladimir Petukhov

Russian Reforms and Attempts by the Russian People to Re-examine the Role of Democratic Institutions and Values

Data from an All-Russian sociological poll entitled: "The Russian People on Twenty Years of Reforms (Experience Gained in the Process of Long-term Sociological Measurements)" enabled the author to analyze changes in the attitudes of the Russian people to democracy. At present their attitude can be characterized as "friendly skepticism", meaning that people are well-disposed toward the idea of democracy but are extremely skeptical and sometimes even negative about the majority of institutions called upon to implement this idea (elections, parliamentary and multiparty systems, freedom of speech, etc.)

Many Russians who are not involved in "big" policy, and do not trust the majority of state and social institutions, nevertheless demonstrate an interest in and readiness for collective actions and self-organization. The youth as well as middle-aged people are beginning to wake up. According to the author, these groups are not only gradually becoming involved in social and political life, but also require democratic institutions and procedures in order to realize their interests.

Leokadia Drobizheva

Russian Identity and Tolerance in Ethnic Relations: 20 Years of Reforms

All over the world the process of forming citizens' collective identity is regarded as a necessary condition for preserving the integrity of the state and maintaining social harmony. The author notes the changes that have occurred over the past 20 years in the content of different identities in Russia and examines the level of tolerance toward interethnic

arrangements on the part of Russians and people of other nationalities. These data lead the author to conclude that although a growing Russian identity combined with an ethnic one helps to bring people together, it does not eliminate social dissatisfaction with the existing resource allocation system, nor does it promote the consolidation of people against injustice of all kinds, inequality, corruption, and lawlessness. Such symbolic concepts as “unity of the Russian nation”, tolerance in ethnic interactions, and love for the Motherland, should not deviate from what people see in real life. Otherwise state or even civil identity will be unable to guard against hostility towards the “others”. Society and the authorities must direct their joint efforts toward making Russia a “common home” for all its citizens.

Nadezhda Abalmasova

“Symbolic Management” as a Means of Unification of Local Communities

The author shows how special technology called “symbolic management” provides political elites with an opportunity to influence the territorial identity of the population, which enables them to unite people at both a local and a regional level and thereby facilitate modernization in the given territory. The article contains examples of the first and so far not very significant experience in the field in contemporary Russia; these include both successful and unsuccessful attempts to make sometimes deliberate and well-prepared, but more often spontaneous use of the above-mentioned technology.

Sergei Mokhov

The Place of Municipal Monuments in the Policy of Forming a National and Civic Identity: Historical Memory of Moscow Students

Commemoration (erecting monuments and memorial complexes, founding museums and archives, introducing public holidays and state symbols, etc.) is a fundamental element of state policy and a mechanism to promote nation-building within constructivist paradigms. At the same time, a municipal monument does not exert such a coercive influence on human consciousness as, for example, a school history textbook. This type of symbolic resource is capable of producing a psychological effect only if a recipient notices it. The author shares the results of his research into Moscow students’ opinions about the city’s monuments. He concludes that nowadays the majority of Moscow students demonstrate a dramatic alienation from their social environment, an extreme degree of apathy and a frighteningly low level of culture, all of which creates favorable conditions for the emergence and multiplication of a variety of phobias.

Tatiana Teterevleva, Oleg Reut

History in the Russian Segment of the Internet: Representation and Reliability

The article focuses on the conditions and key factors that determine qualitative changes in the ways historical knowledge is represented, as well as in the concept of its reliability, in the Russian segment of the Internet. Special attention is paid to the mass audience shift from fact-based history to opinion-based history, and to the academic community’s response to such challenges posed by the new media as interactivity and hypertextuality.

Lilia Nizamova

Multicultural Co-citizenship in Russia: Are There Any Alternatives?

Lilia Nizamova argues that recognition of the negative and problematic aspects of cultural pluralism witnessed in the last few decades, and even declarations about the

“collapse of multiculturalism”, do not imply a rejection of the strategy of supporting and developing cultural diversity. It is necessary to find an optimal balance between attempts to preserve ethno-cultural specifics and civil inclusion, between individual and collective rights; and to promote “integrative” or “democratic” multiculturalism. The author proposes the idea of “multicultural Russian co-citizenship”, which would serve as the basis for a new political program aimed at securing equality, strengthening civil society and promoting social inclusion irrespective of ethnic origin, language and religion.

Emil Pain

The Difficult Path from Multiculturalism to Interculturalism

The author analyzes the reasons for and content of modern criticism of the concept of multiculturalism, and examines some new ideas being argued out in the West about possible types of intercultural interactions, such as “cultural freedom”, “division of spheres of culture” and “interculturalism”. This last is regarded by the author as the most promising of the competing ideas. It does not call for a repeal of multiculturalism as such, but merely suggests a transformation of the concept – expanding it to include civil integration tasks. Interculturalism implies that citizens of different nationalities and religions united by a common civil responsibility for their country should have common interests. The author shows that Soviet internationalism was in reality the first manifestation of interculturalism. According to Pain the main problem hindering the emergence of interculturalism in Russia is the increasing atomization of society, political apathy, and mistrust on the part of citizens not only of the authorities, but also of one another.

Alexander Osipov

Playing With the Notion of ‘Culture’ in Russian Discourses on Ethnicity

The paper addresses the ways in which the term ‘culture’ can be used as a category of practice for the description and representation of ethnic diversity. The point of departure is the acknowledgement that Russian mainstream discourses about ethnicity rest on essentialism, cultural determinism and groupism. The author singles out several themes elaborated through the term ‘culture’: ethnic conflicts, portraying ‘others’ as a problem, intercultural dialogue, correction of behavioral patterns, encoding of the social in cultural terms and conceptual organization of equality on ethnic grounds. The author concludes that employing the term ‘culture’ transfers issues of ethnic diversity into the domain of symbolic rather than instrumental politics. Dissemination of these socially acceptable narratives concerning ethnic diversity proves to be an efficient mechanism of power and social cohesion, although it could be challenged in the future by other political forces that will address those issues still kept offstage.

Svetlana Gannushkina

Experience of Interaction between the Ossete and Ingush Peoples in the Prigorodny Region of the Republic of North Ossetiya – Alania

The well-known human rights activist describes her experience in regulating relationships between the Ossetes and Ingush in the Prigorodny region, a conflict zone in the Republic of North Ossetiya – Alania. She participated in arranging joint leisure time for Ossete and Ingush children in the summer camp for leisure and work at the Center for Promotion of Small Business. The experience she gained allows the author to conclude the following: inter-ethnic interactions become possible only if people

realize their need for each other and have common interests; the state must support such initiatives, which should be uninterrupted and ongoing, because one-time events have proven to be inefficient; dialogue becomes possible only after serious preparatory work has been undertaken.

Rustem Chanyshv

The United States Viewed Through the Eyes of American Diplomat George Frost Kennan

The author focuses on George Kennan's opinions about US domestic development issues, such as migration, cultural stratification, the domination of a mass media culture and people's excessive preoccupation with technical comfort. The famous American political figure and thinker was rather doubtful about many economic and social transformations that occurred in the country during the 20th century. Kennan believed that his contemporaries had made a choice in favor of material comfort and technical progress, and renounced the good old "inefficient" way of life. Rationalistic civilization ruins spiritual values, and this in turn threatens to ruin civilization itself. The future of America is not unclouded, but, according to Kennan, depends on the ability to efficiently solve present day problems.

Приглашаем авторов к сотрудничеству

*Редакция будет признательна авторам, которые пришлют статьи
для следующего выпуска «Вестника» (№ 21, весна 2012)
до 1 марта 2012 года.*

Принимаются материалы объемом не более 40 тыс. знаков (с пробелами) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает справку об авторе, в которой указывается фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес, телефон, факс, адрес электронной почты. Автор должен указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с государственным стандартом и расположены в конце текста в порядке следования. Примеры:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995. С. 281.
2. Шахов М.О. Проблемы взаимоотношений старообрядчества с современным миром // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 10.
3. Hamilton G.H. The Art and Architecture of Russia. Baltimore: Penguin Books, 1975. P. 180–182; Brumfield W.C. Gold in Azur: One Thousand Years of Russian Architecture. Boston: David R. Godine, 1983. P. 227–333.
4. Найман А. Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8. С. 131.

Решение об опубликовании материалов принимается редколлегией.

Редакция оставляет за собой право на литературную правку
и изменение заглавия статей.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ
№ 20 / 2011

Сдано в набор 1.10.2011 Подписано в печать 3.11.2011 Формат 70х108/16
Объем 9 п.л. Тираж 750 экз. Печать офсетная. Заказ № 159
Отпечатано на Государственном предприятии Калужской области «Облиздат»
248680, Россия, пл. Старый торг, 5